

II-10.
D-160.

ОП

РЕПЕРТУАРЪ И ПАНТЕОНЪ ТЕАТРОВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

Е. А. КОНИ.

1847.

ТОМЪ ВОСЬМЫЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Штаба Отдельнаго Корпуса Внутренней Стражи. АКАДЕМ.
Л... дская театральная
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. В. ЛУНАЧАНСКАГО
ТЕАТРЪ ДРАМЫ

6107
7019
6967

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 15 августа 1847 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

РЕПЕРТУАРЪ

И

ПАИТЕОНЪ

ТЕАТРОВЪ.

1847.

VIII.

Редакторъ: **О. А. Кони.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПАНТЕОНЪ ТЕАТРОВЪ.

- I. *Девича де Белиль*. Драма. Соч. Александра Дюма. Пер. В. Петрова. 1
- II. КОЛОКОЛА, волшебная повесть о томъ, какъ вѣки колокола про-
вожали старый годъ и встрѣчали новый. Соч. Чарльза Диккенса.
(Переводъ съ англійскаго.) 75
- III. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ.
Гейнрихъ Цюокке. (Статья Густава Кюне.) 119
- IV. СТИХОТВОРЕНІЯ.
1. Обозъ. А. Пальма 135
2. «Напрасно прозрачныя глазки твои» А. Пальма 136
3. Встрѣча. Н. Грекова 137
4. Мелодія. Н. Грекова. 138
- V. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.
Александринскій театръ.
а. *Бои Олимпа въ Парижѣ*. Шутка-водевиль въ пяти дѣйствіяхъ. Переводъ съ франц. А. Н. А.
б. *Жертва мщенія*. Драма въ двухъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ французскаго. Д. Ленскаго.
в. *Женатыя повѣсы или Дядюшка ищетъ, а племянничекъ рыщеть*. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Переводъ съ французскаго А. Н. А.
д. *Братья*. Оригинальная драма. Соч. П. Камескаго. 139
Статьи О. А. Коки.
- VI. ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.
1. Парижскіе Театры:
1. Последняя любовь, комедія Леона Гильера. 2. Шевалье де Сень-Реми, драма Варнера и Премаре. 3. Несчастенъ, какъ негръ, водевиль Клервилля и Сиродена. 4. Обѣтъ дѣвушки, комедія-водевиль Маркъ-Мишеля и Куалька. 5. Полковой фельдшеръ, комедія-водевиль Сувестра и Труссара. 6. Помощь противъ пожара, комедія-водевиль Леффрана и Нюна. 7. Выспаться — что пообѣдать, водевиль Корделье-Делану и Роша. 8. Страя шляпа, водевиль Комбруса и Бризбара. 9. Шарлотта Корде, драма Дюмануара и Клервилля. 151
2. Лондонскіе театры. 162
- VII. КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.
Письма о состояніи музыки во Флоренціи 165
- VIII. СМѢСЬ.
Ложная г-жа Мольеръ. — Сынъ Александра Дюма. — Колыбель славы — Россини въ домашнемъ быту. — Листъ въ Константинополѣ. — Искусство татуированія 183
- IX. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.
Новая трагедія «Стафффордъ». — *Домъ Шиллера*. — *О сдачѣ Бу-Мазы*. — *Забавный примѣръ находчивости*. — *Процессъ за портретъ лошади*. — *Молодой композиторъ Адрианъ Бозльде*. — *Полезьа мумій*. — *Страсть англичанъ къ этикету*. — *Новое употребленіе сирнаго звира*. — *Оригинальный скряга*. — *Памятникъ въ честь г-жи Малибранъ*. — *Вашингтонскій театръ*. — *Честное имя всего дороже*. — *Гекоръ Гарвони*. — *Драматургъ и романистъ Шеридонъ Полсъ* 196
- X. ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ ИЗЪ ЖИЗНИ И ОБЩЕСТВА.
Алегри въ Павловскѣ. (Изъ дневника фешенбля.) 203

ПАНТЕОНЪ
ТЕАТРОВЪ.

ДЪВИА ДЕ БЕЛИЛЬ,

Д Р А М А.

СОЧ. АЛЕКСАНДРА ДЮМА.

ПЕРЕВОДЪ В. ПЕТРОВА.

ДЪЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ГЕРЦОГЪ ДЕ РИШЛЬЕ, перъ Франціи.

КАВАЛЕРЪ Д'ОВИНЬИ, Бретонской дворянинъ, поручикъ королевской гвардіи.

ГЕРЦОГЪ Д'ОМОНЪ, капитанъ гвардіи.

КАВАЛЕРЪ Д'ОВРЭ, уполномоченный маршаловъ Франціи, смотритель за поединками.

ШАМИЛЬЯКЪ.

Первый лакей маркизы де-При.

Первый лакей герцога де Ришлье.

Маркиза де-При.

Дъвица Габріэль де Белиль.

Маріетта, горничная маркизы де-При.

Дѣйствіе происходитъ въ Шантильи, 25 и 26 іюня, 1726 года.

Д Ъ Й С Т В І Е І.

(Будуаръ, смежный съ спальней.)

С Ц Е Н А І.

МАРКИЗА де-При (за туалетомъ.) МАРИЕТТА (распечатываетъ письма и бросаетъ ихъ въ горящую курильницу.)

МАРКИЗА. Читай мнѣ только подписи: я напередъ знаю ихъ содержаніе.

МАРИЕТТА. Сударыня, вы сегодня очень равнодушны.

МАРКИЗА. Э! да развѣ ты не видишь, моя милая, что всѣ эти объясненія въ любви, всѣ эти увѣренія въ преданности, обращены не къ дочери откупщика Пленёвъ, не къ женѣ маркиза де-При, а къ фавориткѣ герцога Бурбонскаго, премьерника Регента и перваго министра его величества Людовика XV? Жги же ихъ, жги.

МАРИЕТТА, (читаетъ подписи.) Г. де-Носе.

МАРКИЗА, (причесываясь.) Жги.

МАРИЕТТА Г. д'Омонъ.

МАРКИЗА. Жги, жги.

МАРИЕТТА, Вотъ любовь, которая превращается въ ничто!

МАРКИЗА. Всѣ?

МАРИЕТТА. Всѣ.

МАРКИЗА. Ничего нѣтъ отъ герцога Ришелье?

МАРИЕТТА. Ничего.

МАРКИЗА. Это странно!

МАРИЕТТА. Позвольте мнѣ признаться, сударыня: вы меня серьёзно беспокоите?

МАРКИЗА. Это какъ?

МАРИЕТТА. Я боюсь, что вы начинаете любить не на шутку.

МАРКИЗА. Кого? Герцога?

МАРИЕТТА. Герцога.

МАРКИЗА. Ты думаешь?

МАРИЕТТА. Я боюсь этого. Берегитесь, сударыня: отъ такой любви умирають.

МАРКИЗА. Вотъ!

МАРИЕТТА. Мадамъ Мишлень.....

МАРКИЗА. Обойщица.....

МАРИЕТТА. Что за дѣло. На вашемъ мѣстѣ, я бы объ этомъ подумала.

МАРКИЗА. Почему же ты думаешь, что я нахожусь въ такой опасности?

МАРИЕТТА. По-признакамъ.

МАРКИЗА. Право?

МАРИЕТТА. Да какъ же! Вы беспокоитесь, когда нѣтъ отъ него писемъ, равнодушны — когда есть письма отъ другихъ, вѣрны уже три недѣли.... Болѣзнь въ третьей степени, въ послѣднемъ періодѣ.

МАРКИЗА. Ты еще больше удивишься, какъ я тебѣ скажу кое-что.

МАРИЕТТА. Что же такое?

МАРКИЗА. Очень любопытное.

МАРИЕТТА. Простите, сударыня: но я давно уже не удивлялась.

МАРКИЗА. Знай-же: Герцогъ вѣрнень.

МАРИЕТТА. Позвольте мнѣ усомниться въ этомъ!

МАРКИЗА. Сомнѣвайся, если хочешь; но я тебя увѣрлю.

МАРИЕТТА. Несмотря на его путешествіе въ Парижъ?

МАРКИЗА. Да, несмотря на его путешествіе.

МАРИЕТТА. Такъ вы дали ему любовнаго напечатка.

МАРКИЗА. Нѣтъ, я взяла съ него слово.

МАРИЕТТА. Ахъ! прекрасное ручательство: это въ родѣ письма къ Шатру.

МАРКИЗА, *(вынимая изъ кошелька половину золотой монеты.)*
Посмотри: видишь ты это?

МАРИЕТТА. Половина золотой монеты?

МАРКИЗА. Да; ну! Герцогъ де Ришльё не возвратилъ мнѣ еще другую половину.

МАРИЕТТА. Что вы хотите сказать?

МАРКИЗА. То, что онъ еще меня любитъ.

МАРИЕТТА. Это требуетъ объясненія.

МАРКИЗА. Я сейчасъ скажу тебѣ.... Что составляетъ несчастье въ любви? Желаніе быть любимымъ тогда, когда уже самъ не любишь.

МАРИЕТТА. Это очень умно сказано.

МАРКИЗА. Ну! когда я возобновила связь съ герцогомъ, послѣ его возвращенія изъ Вѣны, мы съ нимъ рѣшили — и это безъ всякихъ отговорокъ, что связь эта не должна ни въ какомъ случаѣ слѣдаться для насъ мученіемъ; потомъ мы разрѣзали эту золотую монету на двѣ части. и взяли каждый по одной. Мы положили, что первый, кто перестанетъ любить, въ ту же минуту возвратитъ другому свою половину; съ условіемъ, не говорить противъ этого ни слова, не дѣлать ни малѣйшаго упрека. Г. де Ришльё не возвратилъ мнѣ еще своей половины; значитъ онъ меня любитъ.

(Г-жа де-При опускаетъ монету въ кошелекъ, запираетъ его и кладетъ на туалетъ).

МАРИЕТТА. О, да это чудесно! Можетъ быть такое обыкновеніе въ Австріи: если такъ, то это много говоритъ въ пользу германской образованности.

ЛАКЕЙ *(входя)*. Герцогъ де Ришльё проситъ позволенія засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе.

МАРКИЗА. Герцогъ де Ришльё?

ЛАКЕЙ. Онъ сейчасъ приѣхалъ изъ Парижа и спрашиваетъ, можно ли видѣть г-жу Маркизу.

МАРКИЗА. Конечно, *(лакей уходитъ. Мариеттъ.)* Вотъ почему не было письма отъ него.

МАРИЕТТА. Это удивительно! Прикажете васъ оставить однихъ.

МАРКИЗА. Сейчасъ, я увижу.

СЦЕНА II.

ТѢЖЕ И ГЕРЦОГЪ ДЕ РИШЛѢ.

ГЕРЦОГЪ, *(въ дверяхъ.)* Маркиза, позвольте ли вы мнѣ явиться въ такомъ беспорядкѣ?

МАРКИЗА. Неужели вы сомнѣваетесь, любезный герцогъ?

ГЕРЦОГЪ, *(цѣлуя ея руку.)* Не слишкомъ ли много тщеславія будетъ отвѣчать вамъ — нѣтъ?

МАРКИЗА. Вы позволите, чтобъ эта дѣвушка кончила мой туалетъ?

ГЕРЦОГЪ. Какъ же! *(онъ опирается на канapé, на которомъ сидитъ Маркиза.)*

МАРКИЗА. Вы приѣхали изъ Парижа?

ГЕРЦОГЪ. Десять минутъ назадъ.

МАРКИЗА. Что тамъ новаго?

ГЕРЦОГЪ. Носятъ по улицамъ раку св. Женевьевы.

МАРКИЗА. Зачѣмъ?

ГЕРЦОГЪ. Чтoбъ выпросить солнышка.

МАРКИЗА. И парижане за этимъ обращаются къ св. Женевьевѣ?

ГЕРЦОГЪ. Что же дѣлать? Они не знаютъ, что теперь отъ васъ зависитъ дождь и ясная погода.

МАРКИЗА. Кстати, видѣли вы мадамъ Далленвилъ?

ГЕРЦОГЪ. Да, у Шарро.

МАРКИЗА. Что она дѣлаетъ?

ГЕРЦОГЪ. Она продолжаетъ худѣть.

МАРКИЗА. О! не можетъ быть: она была и то уже не осызаема.

ГЕРЦОГЪ. Ну, теперь она дѣлается незримой. Вотъ все. А здѣсь?

МАРКИЗА. О, Боже мой! Рѣшительно ничего, о чемъ стоило бы труда говорить. Герцогъ де Бурбонъ охотился; — ждала васъ. Вотъ какъ прошло время.

ГЕРЦОГЪ. Я думаю, д'Оврѣ въ Шантильи.

МАРКИЗА. Да, здѣсь.

ГЕРЦОГЪ. Въ качествѣ уполномоченнаго гг. маркизовъ и смотрителя за поединками. Не пронюхалъ ли онъ какойнибудь дуели?

маркиза. Ну, нѣтъ, сколько мнѣ извѣстно.

герцогъ. Онъ одинъ приѣхалъ?

маркиза. Съ д'Омономъ.

герцогъ. О, по чести, этотъ бравый герцогъ, всегда причесанный на-канунъ и бритый на прошлой недѣлѣ, по моему, самый неблагопристойный человекъ во всей Франціи.

маркиза (*Маріеттъ*). Довольно; ты мнѣ больше не нужна; но не уходи далеко.

(*Маріетта уходитъ*.)

С Ц Е Н А III.

герцогъ, маркиза.

герцогъ, (*сидясь подлѣ Маркизы*). Любезная Маркиза! наконецъ мы одни!

маркиза. Послѣ восьми дней отсутствія, тогда — какъ вы должны были оставаться въ Парижѣ только пять.

герцогъ. Восемь дней!.. Неужели этого много, чтобъ повертеться около молодого короля, послѣ двухъ-лѣтняго изгнанія въ Вѣну?

маркиза. Да, и чтобъ увидѣться съ мадамъ де-Вилларъ, съ мадамъ де-Дюра, съ мадамъ де-Вильруа, съ мадамъ де-Собранъ, съ мадамъ де-Муши, съ мадамъ де-Шаролэ, съ мадамъ де-Субизъ, съ мадамъ.....

герцогъ. Но это родъ упрека.

маркиза. А еслибъ и такъ, чтобы вы сказали?

герцогъ. Что вы сдѣлали его прежде, чѣмъ я вамъ успѣлъ сдѣлать.

маркиза. Мнѣ? Какой же упрекъ, позвольте узнать?

герцогъ. Въ продолженіи этихъ восьми дней ни строчки письма, ни малѣйшаго слова о любви. Знаете ли, что я не видалъ даже вашего почерка?

маркиза. Ахъ, герцогъ! Какъ дипломатъ, вы дѣлаете грубую ошибку. Можно ли, чтобъ фаворитка первого министра

писала къ своему любовнику, особенно, когда этотъ любовникъ называется герцогъ де Ришелье? Мы очень хорошо знаемъ, какое употребленіе вы дѣлаете изъ подобныхъ вещей, милостивый государь.

герцогъ. А, вы хотите сказать о письмѣ герцогини Беррійской! Вотъ въ чемъ меня упрекають, въ прекраснѣйшемъ поступкѣ на моемъ любовномъ поприщѣ! въ поступкѣ Баярда! Я возвратилъ ей письмо, чтобъ не опечалить Риомы. Но что вы скажите о д'Омонѣ, который воспользовался моимъ отсутствіемъ, чтобъ измѣннически уѣхать въ Шантильи?

маркиза. Дѣло въ томъ, что я незнаю, по любви ли это, но право, онъ мнѣ кажется глуповатъ.

герцогъ. О, Маркиза! Вы его лишите и остальнаго ума. — Вы вѣдь меня любите?

маркиза. А вы?

герцогъ. Я? — до безумія. Кстати, позвольте мнѣ, хотя вы и не пишете, моя прекрасная скромница, поднести вамъ эти таблетки? Это все, что я нашелъ новѣйшаго и достойнѣйшаго для васъ.

маркиза. Вы думаете застать меня въ распλοхъ и имѣть выгоду предо мною. Позвольте же и мнѣ, мой вѣрный кавалеръ, такъ-какъ говорятъ, что вы сдѣлались экономомъ, предложить вамъ этотъ кошелекъ: я его сама вышивала...

герцогъ. Ахъ, какъ это мило съ вашей стороны, Маркиза!

маркиза, (смотря на таблетки.) Мой гербъ! рѣшительно это для меня.

герцогъ, (смотря на кошелекъ.) Мой вензель! Нельзя сомнѣваться! (она хочетъ открыть таблетки.) Ахъ, не открывайте; когда меня не будетъ, тогда въ добрый часъ! (она встаетъ.)

маркиза. Вы меня ужъ оставляете?

герцогъ. Мнѣ надо сдѣлать визитъ герцогу.

маркиза. Вы знаете, онъ завтра уѣзжаетъ?

герцогъ. Да, я это узналъ; онъ приглашенъ на охоту въ Рамбульи: не такъ-ли?

маркиза. Рѣшительно, епископъ Фрежюской въ немилости, и мы — король Франціи.

герцогъ. Цѣлую ручки вашего величества.

маркиза. Скоро?

герцогъ. Вы этого требуете? *(въ сторону, уходя)* Она меня еще любитъ, эта добрая Маркиза. *(выходитъ)*.

маркиза. Бѣдный герцогъ! Влюбленъ больше, чѣмъ когда-нибудь! Онъ нехотѣлъ, чтобъ я открыла его таблетки — какое нибудь любовное письмецо! Какой нибудь мадригалъ! *(она открываетъ ихъ.)* Что я вижу? Половина моего секина!

герцогъ, *(показывается въ дверяхъ, держа въ одной рукъ кошелекъ, въ другой монету, и указывая на нее, говоритъ.)* Маркиза!

маркиза, *(держа въ одной рукъ таблетки, а другую показывая монету.)* Герцогъ! *(оба смѣются).*

герцогъ. Чортъ возьми! наши сердца рѣшительно созданы одно для другаго!

маркиза. О, совершенно, мой любезный герцогъ! какая удивительная симпатія!

герцогъ, *(приближаясь.)* Такъ вы меня уже не любите больше?

маркиза. О, нѣтъ, я васъ буду любить всегда, а вы?

герцогъ. О, и я также.

маркиза. Какъ подруга.

герцогъ. Какъ другъ.

маркиза. Слѣдовательно, вы любите другую?

герцогъ. Боюсь; а у васъ новый поклонникъ?

маркиза. О! я съ ума схожу.

герцогъ, *(снова садясь.)* Ба! право? Вы мнѣ это расскажете?

маркиза. Довѣренность за довѣренность.

герцогъ. Это справедливо.... тѣмъ больше, что я на васъ рассчитывалъ!

маркиза. А, вы хотите мнѣ дать роль мадамъ де Вильяръ; ну, быть такъ! Посмотримъ, кто же?

герцогъ. Прежде вашъ чередъ.

маркиза. Молодой Бретонской дворянинъ, котораго я перевела изъ Шампанскаго полка въ королевскую гвардію.

герцогъ. Посредствомъ герцога Бурбонскаго?

маркиза. О, нѣтъ! съ помощію Мутренъ де Фурнеза.

герцогъ. А! посредствомъ этого добраго капитана! Правда, я и забылъ его, онъ все еще ребенокъ?

маркиза. Боже мой! да, послѣ зрѣлаго возраста.

герцогъ. А имя соперника?

МАРКИЗА. Кавалеръ д'Обиньи.

ГЕРЦОГЪ. А! фамилія хорошая! А знаетъ ли онъ о своемъ счастіи?

МАРКИЗА. Онъ ничего не знаетъ. Эполеты одни явились къ нему.

ГЕРЦОГЪ. Этотъ негодяй долженъ почитать себя крестникомъ волшебницы. Но гдѣ же онъ, если смѣю спросить?

МАРКИЗА. Здѣсь.

ГЕРЦОГЪ. А! здѣсь!

МАРКИЗА. Онъ отправлялъ отрядъ въ Шантильской гарнизонъ.

ГЕРЦОГЪ. Чортъ возьми! Какъ же вы не послали этотъ кошелекъ раньше?

МАРКИЗА. Онъ только вчера приѣхалъ.

ГЕРЦОГЪ. Виновать; онъ однакожъ не потерялъ времени.

МАРКИЗА. Ну, теперь ваша очередь... Я надѣюсь, что я была откровенна.

ГЕРЦОГЪ. Я буду таковъ же. Вообразите себѣ прекрасную особу....

МАРКИЗА. А! пощадите мое самолюбіе; я вамъ не описывала портрета моего кавалера.

ГЕРЦОГЪ. Справедливо,.... провинціалка.

МАРКИЗА. Гдѣ вы ее встрѣтили?

ГЕРЦОГЪ. У г. де Фрежюсъ, сначала. Потомъ у короля.

МАРКИЗА. Чтожъ это, новая ла Вальбергъ?

ГЕРЦОГЪ. Нѣтъ; вы ошиблись. Это благородная дѣвушка, изъ Бретани; она приѣхала просить помилованія своему отцу и братьямъ, заключеннымъ въ Бастилію. Г. де Фрежюсъ отправилъ ее къ королю, а король къ герцогу, такъ, что она приѣхала сюда за часъ до меня, сегодняшнимъ утромъ.

МАРКИЗА. И она здѣсь.

ГЕРЦОГЪ. Какъ и кавалеръ д'Обиньи..... Это удивительный случай.

МАРКИЗА. Точно, герцогъ?

ГЕРЦОГЪ. Честное слово!

МАРКИЗА. Что-же выйдетъ изъ всего этого?

герцогъ. Незнаю; но дѣло общааетъ быть довольно забавнымъ; но—немногу запутывается.

маркиза. Вы забыли....

герцогъ. Что такое?

маркиза. Имя этой прекрасной Бретонки.

герцогъ. Дъвица де Белиль.

маркиза. Внучка Фуке?

герцогъ. Именно.

маркиза. Но вы знаете, герцогъ, эти Белили мои враги.

герцогъ. Ба! кто это вамъ сказалъ? Парисъ Дюверней, который изъ цѣловальника сдѣлался солдатомъ гвардіи, а изъ солдата гвардіи — капиталистомъ. Можно ли вѣрить обвиненіямъ подобнаго человѣка?

маркиза. Однакожъ отецъ замѣшанъ въ дѣлѣ Лебланка, а дѣти обвинены въ измѣнѣ.

герцогъ. Э, Боже мой! Обыкновенно говорятъ эти вещи для того, чтобы посадить человѣка въ Бастилію; имъ вѣрятъ до-тѣхъ-поръ, пока онъ еще не посаженъ, а потомъ, когда его посадятъ, его тамъ и оставляютъ, но ужъ ни чему не вѣрятъ больше. Маркиза, я былъ три раза въ Бастилии, и я очень сожалею, о тѣхъ, которые туда идутъ, и еще болѣе о тѣхъ, которые оттуда возвращаются.

лакей. Мадмоазель де Белиль.

маркиза. Зачѣмъ ты докладываешь, не спросивъ напередъ, хочу ли я принимать?

лакей. Вы изволили сказать сегодня по утру....

маркиза. Да; я сказала, что принимаю; но не всѣхъ же.

герцогъ. О, Маркиза! Я васъ умоляю.

маркиза. Я ни въ чемъ немогу вамъ отказать, любезный герцогъ. (лакею) Проси.

герцогъ. Вы очаровательны.

маркиза. Кажется, моя роль начинается.

С Ц Е Н А IV.

ТѢЖЕ, ДЪВИЦА ДЕ БЕЛИЛЬ.

МАРКИЗА. Пожалуйте, сударыня.

дѣв. де белль. Какъ вы добры, что удостоили принять меня.

маркиза. Не меня за это должно благодарить, а герцога де Ришлье.

дѣв. де белль. Господина герцога!

маркиза. Онъ мнѣ сказалъ, что дѣло, которое привело васъ сюда, крайне нужное и не можетъ откладываться.

дѣв. де белль. Душевно благодарю г. герцога! Я имѣла счастье встрѣтить его на дорогѣ, очень кстати, чтобъ отворить мнѣ двери въ Версаль, кажется, что онъ не оставилъ меня и въ Шантильи. Но послѣ этого благодарю васъ, сударыня, васъ, которой милость и доброта — составляютъ для меня счастливое предзнаменованіе.

маркиза. И такъ, скажите, чѣмъ я могу вамъ служить?

дѣв. де белль. Мое имя сказало вамъ, кто я; мой поступокъ долженъ вамъ объяснить, въ чемъ состоитъ милость, о которой я умоляю. Мой отецъ, старшій дворянинъ, обвиненъ въ козняхъ и притѣсненіяхъ, братья обвинены въ убійствѣ и заговорѣ. Вы очень хорошо понимаете, сударыня, что это не возможно, однакожъ я цѣлые три года напрасно ждала у моей матери, чтобъ правосудіе ихъ оправдало. Мать моя умерла и я очутилась между могилой и темницей. Тогда я отправилась одна подъ защитой моего несчастія.

маркиза. Чего же вы хотѣли?

дѣв. де белль. Видѣть г. де Фрежюсъ, броситься къ ногамъ короля!

маркиза. И?

дѣв. де белль. И — я была оттолкнута всѣми. Г. де Фрежюсъ сказалъ мнѣ, что политическія дѣла до него не касаются; король, занятый удовольствіями своего возраста, не знаетъ о состояніи тѣхъ, которыхъ притѣсняютъ его именемъ. Наконецъ, меня послали къ герцогу Бурбонскому, и я пришла къ вамъ, сударыня, почему? по инстинкту, потому, что вы женщина, потому что и я бѣдная Бретонская дѣвушка, устранившая придворными, дрожащая всякую минуту отъ мысли, сдѣлать какую нибудь ошибку противъ этикета, я чувствую себя счастливой только въ ту минуту, когда могу говорить съ женщиной.

герцога. И будьте увѣрены, сударыня, что Маркиза сдѣласть все, что будетъ отъ нея зависеть: я вамъ обещаю это, ей именуемъ.

лакей. Г. герцогъ д'Омонъ, кавалеръ д'Оврѣ.

герцогъ. Вотъ чортъ принесъ!

маркиза. Вы видите, мой другъ, какъ ни велико участие, которое мнѣ внушаетъ ваша преданность, я должна принимать. Мы будемъ продолжать этотъ разговоръ позже.

дѣв. де Белиль. Ахъ, сударыня, позже, найду ли я въ васъ столько же готовности меня выслушать? Мнѣ надобно еще рассказать вамъ такъ много обстоятельствъ, которыя или убѣдятъ вашъ умъ, или тронутъ ваше сердце! Кто знаетъ даже, могу ли я въ другой разъ добраться до васъ и не сдѣлаютъ ли гонители нашей фамилии завтра врагомъ ту, которую я сегодня умоляю, какъ моего ангела хранителя?

маркиза. Какъ же быть? Я бы готова васъ выслушать, но.....

герцогъ. И, Маркиза, можно уладить все это. Войдите съ госпожею де Белиль въ эту комнату, а я отъ вашего имени приму этихъ господъ.

маркиза. Я ни въ чемъ немогу вамъ отказать сегодня, г. герцогъ. Примите ихъ вмѣсто меня. Пожалуйста.

дѣв. де Белиль. Небо внушило мнѣ мысль придти къ вамъ. И небо вознаградитъ васъ обоихъ, потому, что я,.... я могу только благодарить.

СЦЕНА V.

ришье, потомъ герцогъ д'Омонъ и кавалеръ д'Оврѣ.

герцогъ. Какъ все это идетъ чудесно: я извлекаю отца и сынозей изъ Бастилии, и какъ всякое доброе дѣло не остается безъ награды, — я буду вознагражденъ, — или нѣтъ больше человѣческой справедливости. *(слухъ)* Проси этихъ господъ *(они входятъ)*. Здравствуйте, герцогъ.

д'Омонъ. Здравствуйте, герцогъ!

герцогъ (*обращаясь къ д'Оврэ*). А, это вы, кавалеръ! Мы съ вами, кажется, не видались съ того дня, какъ я хотѣлъ рѣзаться съ графомъ Эммануэлемъ де Бавьёръ и какъ вы насъ остановили. Да, чортъ возьми! остановили именемъ гг. маршаловъ Франціи. Забудемъ прошлое.

д'оврэ. Забудемъ прошлое, забудемъ прошлое! легко сказать! Что вы меня прощаете за то, что я васъ спасъ можетъ быть отъ удара шпаги, это понятно, но надобно знать, простимъ ли мы васъ за то, что вы пробыли съ Маркизой на единѣ цѣлый часъ, между-тѣмъ, какъ намъ не позволено даже поцѣловатьъ край ея платья.

д'омонъ. И она тебѣ передала свои права?

герцогъ. Да, и я воспользуюсь ими, чтобъ дать тебѣ свѣтъ отъ ея имени.

д'омонъ. Мнѣ?

герцогъ. Тебѣ.

д'омонъ. Дай!

герцогъ. Слушай, д'Омонъ; Богъ сдѣлалъ тебя хорошимъ дворяниномъ; король сдѣлалъ тебя герцогомъ и перомъ; герцогиня Орлеанская дала тебѣ синюю ленту, жена тебя сдѣлала... капитаномъ гвардіи; я сдѣлалъ тебя кавалеромъ св. Людовика; знакъ этотъ доставляетъ мнѣ случай обнять тебя сегодня: сдѣлай же ты самъ хоть одно для себя: обрѣй бороду.

д'омонъ. Чего жъ ты хочешь, мой любезный? Это остатокъ Регенства: насъ любили прежде такими, и не мы перемѣнили это: женщины. Къ чорту моду! Не всѣ же, подобно тебѣ, одарены способностію перенимать все и пролезать всюду. Только одинъ Фронсакъ могъ сдѣлаться Ришелье! Но мы увидимъ, какъ ты вывернешься при улучшеніи нравовъ, о которомъ толкуютъ философы.

герцогъ. А, вотъ что! Неужели въ самомъ дѣлѣ, кавалеръ, мы сдѣлались такими постыжками, какъ говорить д'Омонъ?

д'оврэ. Любезный герцогъ, не говорите мнѣ объ этомъ. Прежде, вы знаете, всѣ женщины имѣли одного духовника и двухъ любовниковъ: нынче на оборотъ: у нихъ одинъ любовникъ и два духовника. Это впрочемъ въ порядкѣ вещей: мы перешли отъ кардинала къ епископу, отъ Любуа — къ Флери.

герцогъ. Ба! вы всегда были мизантропомъ, любезный д'Оврэ?

д'омонъ. Нѣтъ, клянусь честью, сущая правда! Притомъ же изъ вѣрнаго источника: ему сказала это его жена.

д'овре. Ну, вотъ ты и ошибся въ этомъ д'омонъ: мнѣ сказала объ этомъ твоя...

д'омонъ. Въ такомъ случаѣ это вѣрно, какъ нельзя больше! ты видишь теперь, мой любезный, что въ замѣнъ твоего совѣта, и я могу тебѣ дать совѣтъ въ свою очередь — ступай назадъ въ Вѣну.

лакей. Г. кавалеръ д'Обиньи.

герцогъ. А, а! мой соперникъ. Рѣшительно, эта Маркиза женлива со вкусомъ. Зачѣмъ же воротиться въ Вѣну?

д'овре. Потому, что здѣсь нечего дѣлать.

герцогъ. Говорите тише,, господа!

д'овре. Э! что за вздоръ: мы говоримъ для всѣхъ.

герцогъ. Ну, это мы еще увидимъ.

д'омонъ. Клянусь честью, герцогъ; я не повѣрю, чтобъ ты могъ сдѣлаться еще больше волокитой, чѣмъ ты былъ. Тебя доканаа любовница принца Евгенія. Ты думаешь, что сдѣлался великимъ тактикомъ, потому-что встрѣчался съ нею на самомъ полѣ сраженія: ступай въ Вѣну, мой любезный.

герцогъ. Пари.

д'овре. Какое?

герцогъ. Мнѣ нужно 1000 лундоровъ. Д'омонъ такъ скупъ, что не хочетъ дать въ займы; а ты такой мотъ, что не въ состояннн дать: я хочу у васъ ихъ выиграть, у каждаго по 500.

д'омонъ. Почему-же и не такъ. Согласенъ.

д'овре. И я тоже.

герцогъ. Вы говорите, что женщины сдѣлались въ мое отсутствіе строги и добродѣтельны?

д'омонъ. Да, это наше мнѣніе.

герцогъ. Ну; такъ я держу пари, я, герцогъ де Ришельё, слышите ли вы д'овре, слышишь ли д'омонъ, я держу пари, что у первой дѣвушки, или вдовы, въ 24 часа выпрошу тайное свиданіе, будетъ ли это здѣсь, или при выходѣ изъ замка.

д'овре. Одно слово! надобно опредѣлить точнѣе: тайное любовное свиданіе?

герцогъ. Чортъ возьми! Дѣлами занимается мой управитель.

д'омонъ. Тайное любовное свиданіе?

герцогъ. Тайное любовное свиданіе.

д'овре. А гдѣ оно будетъ, свиданіе?

герцогъ. Въ ея комнатѣ, если вамъ угодно.

д'омонъ. Въ которомъ часу?

герцогъ. Въ полночь, если хотите.

д'овре. А какъ это доказать?

герцогъ. Э, чортъ возьми! Я вамъ брошу записку изъ ея окна; этого достаточно, я думаю?

д'омонъ. Идѣтъ!

д'овре. Согласенъ: держу половину.

герцогъ. Еще разъ повторю: первая дѣвушка, жена или вдова, которую мы увидимъ, будетъ ли это въ замкѣ, или внѣ замка, съ условіемъ однакожь....

д'омонъ. Съ какимъ?

герцогъ. Если будетъ хорошенькая.

д'овре. Ну, ужъ разумѣтся.

второй лакей. Маркиза де-При.

герцогъ. Ахъ, эта не въ счетъ, господа: мнѣ даромъ до-
станутся ваши дѣвѣги.

С Ц Е Н А VI.

тѣжъ и маркиза; за ней лакей несетъ ея молит-
венникъ.

маркиза. Извините, гг. извините. Я была занята все утро. Теперь надобно отправиться къ обѣднѣ. Завтра балъ въ замкѣ, вы слышали?

д'омонъ (кланяясь.) Маркиза.

маркиза (герцогу.) Пожалуйте ко мнѣ въ часъ; мнѣ нужно поговорить съ вами.

герцогъ. Благодарю.

д'овре. Не позволитъ ли намъ Маркиза, явиться завтрашнимъ утромъ, чтобъ вознаградить за сегодняшнюю суровость?

МАРКИЗА. Невозможно, кавалеръ: завтрашнимъ утромъ я провожаю герцога въ Парижъ, и возвращусь прямо къ балу! Прощайте, герцогъ; до завтра господа! *(она уходитъ въ противоположную дверь; лакей за ней.)*

д'ОВРЭ. Ну, что скажете, герцогъ? Маркиза у обѣдни! Если это продолжится, мадамъ де Параберь умретъ кармелиткою. д'ОМОНЪ. Э, господа, господа! Мы и не посмотримъ.

(Дъв. де Белиль проходитъ по галлерей.)

герцогъ. Мадмоазель де Белиль!

д'ОВРЭ. А! А! Это кажется васъ затрудняетъ.

д'ОМОНЪ. На этотъ разъ ты не возмешь даромъ нашихъ денегъ.

герцогъ. Нѣтъ, но я надѣюсь ихъ выиграть.

д'ОВРЭ. Хорошо же, идетъ, 1000 лундоровъ.

д'ОБИНЫ *(приближаясь.)* Одно слово, гг.; не вы, а я держу пари.

герцогъ. Вы?

д'ОБИНЫ. Да, я.

герцогъ. Почему такъ?

д'ОБИНЫ. Потому, что я имѣю право: я женюсь черезъ 3 дня, на той, которую герцогъ долженъ обезчестить въ 24 часа.

Д Ъ Й С Т В І Е П.

(Декорація таже.)

С Ц Е Н А I.

МАРКИЗА И ГЕРЦОГЪ *(входя.)*

МАРКИЗА. И вы держали пари?

герцогъ. Держалъ.

МАРКИЗА. Какая глупость!

герцогъ. Я пользуюсь репутаціею умнаго человѣка?

МАРКИЗА. Вы потеряли еѣ.

ГЕРЦОГЪ. Срокъ завтра, въ 11 часовъ утра; а теперь только 5 часовъ вечера.

МАРКИЗА. А съ кѣмъ держали вы этотъ прекрасный пари?

ГЕРЦОГЪ. Я вамъ скажу, когда выиграю. Для васъ достаточно знать, что я защищаю ваши выгоды, что я вѣренъ моему слову; теперь надѣюсь на ваше.

МАРКИЗА. На мое слово?

ГЕРЦОГЪ. Да, не обѣщались ли вы помогать мнѣ во всемъ, что я не предприму?

МАРКИЗА. Точно.

ГЕРЦОГЪ. Ну, такъ я надѣюсь на васъ.

МАРКИЗА. Можете.

ГЕРЦОГЪ. Вы это говорите такимъ тономъ.....

МАРКИЗА. Какимъ? вѣдь слово ужъ дано?

ГЕРЦОГЪ. Прощайте, Маркиза.

МАРКИЗА. Вы меня оставляете?

ГЕРЦОГЪ. Я иду познакомиться съ мѣстностію.

МАРКИЗА. Она живетъ?

ГЕРЦОГЪ. Въ трактирѣ Солнца.

МАРКИЗА. О, да! я теперь вспомнила; она мнѣ говорила сегодня утромъ.

ГЕРЦОГЪ. Трактирщикъ славный малый; онъ обкрадываетъ нашъ родъ въ продолженіи трехъ поколѣній, и ни въ чемъ не откажетъ.

МАРКИЗА. Ступайте же и возвращайтесь скорѣе. Вы знаете, что герцогъ хочетъ вамъ вручить депеши.

ГЕРЦОГЪ. И притомъ мнѣ нужно съ вами увидѣться.

МАРКИЗА. До свиданія. *(Герцогъ уходитъ)* Мариетта?

С Ц Е Н А II.

МАРКИЗА, МАРИЕТТА *(выходитъ изъ кабинета, слыва отъ зрителей.)*

МАРКИЗА. Ты была тутъ?

МАРИЕТТА. Я ничего не слыхала.

МАРКИЗА. Это значитъ, ты слышала все.

Т. VII. Отд. I.

МАРИЕТТА. О, совершенно противъ воли.

МАРКИЗА. Ну, что скажешь ты о герцогѣ?

МАРИЕТТА. Я скажу, что, какъ человекъ влюбленный, онъ скоро утѣшился, получивъ половину своего секина.

МАРКИЗА. Развѣ это не было условлено?

МАРИЕТТА. И неужели вы хотите за этотъ недостатокъ вѣрности соблюдать его условія?

МАРКИЗА. О, напротивъ!

МАРИЕТТА. Въ добрый часъ, иначе вы не были бы женщиной.

МАРКИЗА. Глупецъ! Прийти и рассказать мнѣ все съ однимъ условіемъ — не открывать ничего г-жѣ де Белиль!

МАРИЕТТА. Это значитъ вызвать васъ на борьбу, г-жа Маркиза.

МАРКИЗА. И онъ думаетъ, что можетъ полагаться на меня въ этомъ дѣлѣ?

МАРИЕТТА. Я надѣюсь, что онъ обманется.

МАРКИЗА. О, да! Впрочемъ это будетъ доброе дѣло: покровительствовать бѣдной дѣвушкѣ, безъ защиты, безъ опытности..... противъ нападеній такого волокиты, какъ герцогъ де Ришльѣ.

МАРИЕТТА. Точно, это доброе дѣло; а доброе дѣло выкупаетъ два дурныхъ, говоритъ г. де Фрежюсъ.

МАРКИЗА. Что ты хочешь этимъ сказать?

МАРИЕТТА. Что на страшномъ судѣ, г-жа Маркиза, вы мнѣ отдадите то, что будетъ для васъ лишнее.

МАРКИЗА. Ты очень умна для горничной.

МАРИЕТТА. Это не моя вина, сударыня: умъ сообщается. Я это узнала, опредѣлившись къ вамъ. Вотъ почему я не затруднялась жалованьемъ..... Ахъ! на вашемъ мѣстѣ, г-жа Маркиза.....

МАРКИЗА. Ну?

МАРИЕТТА. Я не только бы сдѣлала доброе дѣло, но еще постаралась бы мистифировать господина Ришльѣ, что было бы еще лучше.

МАРКИЗА. Развѣ ты не видишь, что я о томъ же думаю.

МАРИЕТТА. Вы нашли средство?

МАРКИЗА. Почти.

лакей. Г-жа де Белиль.

маркиза. Она является удивительно кстати (лакею). Проси.

С Ц Е Н А ІІІ.

МАРКИЗА, МАРИЕТТА, ДѢВ. ДЕ БЕЛИЛЬ.

дѢВ. ДЕ БЕЛИЛЬ. Простите, сударыня..... Но я не могла удержать моего нетерпѣнія; я надѣялась, что вы извините эту новую докучливость. Видѣли вы герцога Бурбонскаго?

маркиза. Да, дитя мое; но я ни въ чемъ не успѣла.

дѢВ. ДЕ БЕЛИЛЬ. О, Боже мой, что вы говорите!

маркиза. Герцогъ очень предубѣжденъ.

дѢВ. ДЕ БЕЛИЛЬ. О, я очень несчастлива, что не получила отъ неба способности передать вашей душѣ убѣжденіе, которое наполняетъ мою душу.... О, еслибъ вы знали....

маркиза. Э, Боже мой! не меня вамъ нужно убѣждать; но герцогъ Бурбонскій!.... позвольте, есть человѣкъ, который имѣетъ на него большое вліяніе, и который, если возметъ за ваше дѣло, можетъ такъ сильно защищать его, что навѣрное его выиграетъ.

дѢВ. ДЕ БЕЛИЛЬ. Кто же этотъ человѣкъ? назовите мнѣ его, сударыня, и гдѣ бы онъ ни былъ, я найду его.

маркиза. Вамъ не нужно будетъ для этого оставлять Шантльи.

дѢВ. ДЕ БЕЛИЛЬ. Онъ здѣсь?

маркиза. Да, здѣсь.... но, въ самомъ дѣлѣ, я забыла.... вы его знаете.

дѢВ. ДЕ БЕЛИЛЬ. Кто же это, сударыня?

маркиза. Это герцогъ де Ришлье!

дѢВ. ДЕ БЕЛИЛЬ. Я спасена въ такомъ случаѣ: онъ былъ такъ добръ для меня въ Версали! и здѣсь такъ же, сударыня, вы припомните: сегодня утромъ....

маркиза. Справедливо. Надо написать къ нему, попросить свиданія.

дѣв. де Белиль. О, посмотрите, не счастливое ли это предзнаменованіе? мы думали одинаково: вы говорите, что надобно писать, я уже это сдѣлала.

маркиза. И вы отослали письмо?

дѣв. де Белиль. Нѣтъ, я хотѣла вамъ его показать... спросить — прилично ли было мнѣ просить свиданья у г. герцога де Ришлье?

маркиза. О! Но побудительная причина такъ священна, что можно быть безопаснымъ отъ всякаго ложнаго толкованія.

дѣв. де Белиль. Я такъ и думала.

маркиза. Впрочемъ, это свиданіе вы можете назначить здѣсь.... у меня.

дѣв. де Белиль. О, еслибъ вы позволили....

маркиза. Какъ же!

дѣв. де Белиль. Гдѣ его можно будетъ найти?

маркиза. Я велю его отыскать.

дѣв. де Белиль. Какъ вы добры!

маркиза. Но я сдѣлаю еще лучше.

дѣв. де Белиль. Что такое?

маркиза. Какъ я это раньше не вздумала? вы вѣдь одни здѣсь, не правда-ли? По-крайней-мѣрѣ, вы мнѣ такъ говорили.

дѣв. де Белиль. Совершенно одна.

маркиза. Въ гостинницѣ?

дѣв. де Белиль. Да.

маркиза. Ну, пребываніе въ гостинницѣ сопряжено съ неудобствами.... вы не можете тамъ оставаться.

дѣв. де Белиль. Но я никого незнаю въ Шантильи.

маркиза. А обо-мнѣ вы и забыли?

дѣв. де Белиль. Вы!

маркиза. Когда я начну что-нибудь дѣлать, то дѣлаю уже полноѣ. Я компрометирована и мнѣ нечего стыдиться, если я не успѣю.... но мы будемъ осаждать герцога Бурбонскаго до-тѣхъ-поръ, пока онъ не сластся.... Ну, для начала, я ввожу непріятели въ крѣпость.... вы посѣляетесь здѣсь.

дѣв. де Белиль. Чѣмъ я заслужила столько милостей? А я трепетала, отправляясь умолять васъ о покровительствѣ!.... но я немогу принять вашего обязательнаго предложенія.

МАРКИЗА. А почему же это, смѣю васъ спросить? это меня ни сколько не обезпokoитъ!... я вамъ уступаю эти двѣ комнаты и рабочій кабинетъ, а сама помѣшусь въ сосѣднихъ покояхъ: мы будемъ жить, какъ двѣ добрыя подруги.

дѢВ. ДЕ БЕЛИЛЬ. О, г-жа Маркиза! Боже мой! еслибъ вы знали, какъ вы меня обрадовали!... я увѣрена, что если вы захотите, все пойдетъ хорошо!....

МАРКИЗА. Я уже начала, я надѣюсь.... И когда мы будемъ жить вмѣстѣ, мы будемъ очень несчастливы, если не поправимъ прошлыхъ несчастій и не предупредимъ будущихъ... Но не должно терять времени въ такомъ важномъ дѣлѣ... отправляйтесь въ гостиницу и перенесите сюда все, что у васъ есть. (Она звонитъ, входитъ Мариетта). Узнай, готова ли карета? (обращается къ г-жѣ де Белиль): я сейчасъ отправлю ваше письмо къ герцогу.

МАРИЕТТА. Готова, сударыня.

МАРКИЗА. Проводи мадамозель, и исполняй ея приказанія.

дѢВ. ДЕ БЕЛИЛЬ. Я незнаю, какъ васъ благодарить. (Она хочетъ поцѣловатьъ руку у Маркизы.)

МАРКИЗА. Что вы дѣлаете? (она цѣлуетъ ее въ лобъ.) Я васъ жду здѣсь. Прощайте.

(Дѣвица де Белиль выходитъ; за нею слуга).

С Ц Е Н А VI.

МАРКИЗА И МАРИЕТТА.

МАРКИЗА, (открываетъ письмо и читаетъ). Право, я незнаю ничего неблагоразумиѣ признательности: нужно перемѣнить только два слова въ этомъ письмѣ, чтобъ герцогъ Ришелье: благодаря доброму мнѣнiю, которое онъ о себѣ имѣетъ, напелъ, что въ немъ пробивается другое чувство. Вы не знаете моего почерка, г-нъ герцогъ: это очень кстати; подъ именемъ дѢВ. ДЕ БЕЛИЛЬ, мы можетъ-быть, будемъ имѣть довольно значительную переписку.

МАРИЕТТА. Сударыня.

МАРКИЗА. Остаься здѣсь, и если приѣдетъ герцогъ, попро-

си его подождать: черезъ пять минутъ я выйду. *(Она входитъ въ кабинетъ.)*

МАРИЕТТА. Слушаю. Хорошо еслибъ я дождалась герцога де Ришлье..... Никогда не останешься въ накладѣ, когда ждешь его.

—
С Ц Е Н А V.

МАРИЕТТА И ГЕРЦОГЪ.

ГЕРЦОГЪ, *(въ дверяхъ.)* А Маркиза?

МАРИЕТТА. Извините г. герцогъ, она сейчасъ выйдетъ.

ГЕРЦОГЪ. А, а! это ты Мариетта?

МАРИЕТТА. Точно такъ г. герцогъ.

ГЕРЦОГЪ. Прости меня Господи! кажется я тебѣ никогда ничего не давалъ, душа моя?

МАРИЕТТА. Прошу извинить г. герцогъ: вы мнѣ дали 25 лундоровъ въ первый разъ, какъ прошли по тайной лѣстницѣ.

ГЕРЦОГЪ. И все тутъ?

МАРИЕТТА. И потомъ этотъ кошелекъ и перстень, когда вышли въ послѣдній разъ въ ту-же дверь.

ГЕРЦОГЪ. Этотъ перстень! маленькой алмазъ, который едва стоитъ 100 пистолей! Но я веду себя какъ настоящій негодяй.... Вотъ возьми, душа моя. *(онъ даетъ ей свой кошелекъ, обвивая руку во-кругъ шеи.)*

МАРИЕТТА. Ахъ! г-нъ герцогъ, благодарю!

—
С Ц Е Н А VI.

ГЕРЦОГЪ, МАРИЕТТА И МАРКИЗА.

МАРКИЗА. Герцогъ! что вы дѣлаете съ этой дѣвушкой.

ГЕРЦОГЪ. Я прощаюсь съ нею, г-жа Маркиза, и плачу ей жалованье.

МАРКИЗА. Ступай, Мариетта *(Мариетта уходитъ)*. Кажется все идетъ по вашему желанію, г-нъ герцогъ.

ГЕРЦОГЪ. Кто вамъ это сказалъ?

МАРКИЗА. Обыкновенно не бываютъ откровенны, когда ер-
дты.

ГЕРЦОГЪ. Но я, напротивъ.

МАРКИЗА. Въ такомъ случаѣ, герцогъ, я увеличу ваши на-
джды.

ГЕРЦОГЪ. Какимъ образомъ?

МАРКИЗА. Дѣвица де Белиль сейчасъ была здѣсь.

ГЕРЦОГЪ. Въ самомъ дѣлѣ?

МАРКИЗА. Она васъ искала.

ГЕРЦОГЪ. Ба!

МАРКИЗА. И не найдя васъ....

ГЕРЦОГЪ. Ну!...

МАРКИЗА. Она оставила....

ГЕРЦОГЪ. Что?

МАРКИЗА. Вотъ это.

ГЕРЦОГЪ. Письмо?

МАРКИЗА. Письмо.

ГЕРЦОГЪ. Мнѣ?

МАРКИЗА. Вамъ.

ГЕРЦОГЪ. Что ей нужно отъ меня?

МАРКИЗА. Она проситъ у васъ свиданія.

ГЕРЦОГЪ. Чортъ возьми! это очень кстати: я только-что
хотѣлъ просить того-же у нея!

МАРКИЗА. Видите, счастье такъ вамъ и идетъ прямо въ
руки.

ГЕРЦОГЪ. Кого я долженъ благодарить за это?

МАРКИЗА. Свое имя, во-первыхъ; во 2-хъ, ей сказали, что
вы имѣете большое вліяніе на герцога Бурбонскаго, и она хо-
тѣла просить васъ похлопотать въ ея пользу.

ГЕРЦОГЪ. О, какъ же! съ большимъ удовольствіемъ. Но я,
впрочемъ, уже сказалъ слова два.

МАРКИЗА. Что же герцогъ?

ГЕРЦОГЪ. Онъ очень дурно расположенъ.

МАРКИЗА. О, но вѣдь вы знаете, съ настойчивостью изъ
него все можно сдѣлать.

ГЕРЦОГЪ. Кстати, онъ меня спрашивалъ?

маркиза, Нѣтъ еще; но я думаю, скоро спросить; ждите здѣсь.

герцога. Вы уходите?

маркиза. Мнѣ нужно приказать кое-что по случаю перемѣщенія: я уступаю эту комнату подругѣ. До-свиданія, герцогъ.

С Ц Е Н А VII.

герцогъ (одинъ),

Увидимъ, что мнѣ пишетъ г-жа де Белиль. (читаетъ.) «Будетъ ли столько добръ и милостивъ герцогъ де Ришлье, что согласится какъ можно скорѣе удѣлить дѣвицѣ де Белиль минуту для разговора?» Но это будетъ милость для меня, моя красавица; эти провинціалки удивительно наивны! «Дѣвица де Белиль надѣется не обмануться, полагаясь «на его покровительство, въ замѣну котораго обѣщаетъ ему «безграничную признательность.» Это какъ нельзя больше справедливо, моя милая просительница; вы будете имѣть мое покровительство, а я вашу признательность... Письмо однакожъ неробко написано для простодушной дѣвушки... Увидимъ впрочемъ... Я подозреваю что-то недоброе въ услужливости Маркизы... Не должно позволить играть собою, какъ ребенкомъ... Письмо я получилъ отъ маркизы де При, надобно увѣриться, что его писала дѣв. Белиль... Вотъ она.

С Ц Е Н А VIII

герцогъ и дѣв. де Белиль.

дѣв. де Белиль. Г. герцогъ де Ришлье!...

герцогъ. Чортъ возьми! да она дрожитъ, кажется...

дѣв. де Белиль. Простите герцогъ, но я признаюсь, что при видѣ васъ, никакъ немогу удержаться отъ нѣкотораго волненія.

герцогъ. Какъ мнѣ это понимать, сударыня?

дѣв. де велиль. Боже мой! очень просто. Всякой разъ, какъ васъ увижу, я немогу не подумать, что можетъ быть, вы тотъ человѣкъ, которому суждено положить конецъ всѣмъ моимъ несчастіямъ. Неужели только случай привелъ васъ сюда изъ Вѣны, гдѣ вы жили два года, за тѣмъ, чтобы я васъ встрѣтила въ Версали, а потомъ въ Шантильи? Несчастные суевѣрны, герцогъ, и я увѣрена, что и вы не всегда можете защитить себя отъ предчувствій.

герцогъ. Отъ предчувствій, сударыня! но я былъ бы очень благодаренъ, если бы невѣрилъ имъ, особенно послѣ этихъ трехъ дней! о, да! я вѣрю, какъ и вы, предчувствіямъ, и буду очень несчастливъ, если они меня обманутъ.

дѣв. де велиль. Маркиза была такъ милостива и передала вамъ письмо?

герцогъ. Она мнѣ сказала, что оно отъ васъ? Я очень обязанъ Маркизѣ: безъ сомнѣнія, она вамъ подала мысль адресоваться ко мнѣ?

дѣв. де велиль. Герцогъ, я буду откровенна: я объ этомъ думала, прежде, чѣмъ она сказала. Отнесите это къ моей докучливости: я думаю, что вы не захотите лишитъ меня надежды. Говорятъ, что вы очень могущественны; вы знаете, чего я прошу: свободы отца и братьевъ. Счастье цѣлаго семейства въ вашихъ рукахъ.

герцогъ. Я неуспокоюсь до-тѣхъ-поръ, пока ваша преданность не получитъ награду, которую она заслуживаетъ. Но то, о чемъ вы просите, зависитъ отъ воли высшей, чѣмъ моя: я могу быть только посредникомъ между красотой и могуществомъ. Потрудитесь дать мнѣ письмо; напишите его также, какъ вы говорили, съ чувствомъ, и сегодня же я его вручу герцогу Бурбонскому.

лакей. Дешени, которыхъ ожидалъ г. герцогъ де Ришль-готовы.

герцогъ. Видите, мнѣ нужно васъ оставить на минуту. Тысячу извиненій, сударыня. Вотъ все, что нужно для письма; чрезъ нѣсколько минутъ я возвращусь.

дѣв. де велиль. Чѣмъ я васъ отблагодарю?...

герцогъ. Тѣмъ, что будете считать меня въ числѣ своихъ друзей.

дъв. де Белиль. О! господи! герцогъ...
герцогъ. Пишите (*уходя*). Такимъ образомъ я лучше всего
узнаю, отъ нея ли было письмо.

С Ц Е Н А IX.

дъв. де Белиль (*пишетъ*)...

Боже мой! чего мнѣ не рассказали о дворѣ? Что тамъ толь-
ко люди злые и завистливые!... (*она перестаетъ говорить и
начинаетъ писать*). Я обращалась только къ двумъ особамъ,
одна изъ нихъ сдѣлалась моей подругой, а другая братомъ.

маркиза (*входитъ и опирается на кресла*). Что вы дѣлаете,
моя милая?

дъв. де Белиль. Ахъ; это вы! я пишу письмо къ перво-
му министру.

маркиза. Кто вамъ присовѣтовалъ это?

дъв. де Белиль. Герцогъ Ришлье.

маркиза. Какъ же вы думаете послать его, прямо?

дъв. де Белиль. Нѣтъ, онъ обѣщался доставить.

маркиза. Когда?

дъв. де Белиль. Онъ сейчасъ за нимъ воротится.

маркиза (*всторону*). Онъ въ чемъ-то сомнѣвается (*ей*). По-
смотримъ, что вы тутъ пишете. О, но какъ же это можно,
моя милая! Для этого есть употребительныя формы, которы-
ми вы пренебрегли.

дъв. де Белиль. Ахъ, будьте такъ добры, объясните мнѣ
ихъ?

маркиза. Я сдѣлаю лучше. Уступите мнѣ ваше мѣсто, я
напишу письмо.

дъв. де Белиль. О, въ самомъ дѣлѣ? Но вы забываете,
что герцогъ Бурбонской узнаетъ вашу руку?

маркиза. Не бойтесь, это не повредитъ вашему дѣлу?....
Увидимъ. Пустите же меня и посмотрите, не пришелъ ли гер-
цогъ де Ришлье: ему совсѣмъ ненужно знать, что я оказы-
ваю вамъ эту маленькую услугу.

дѣв. де белиль (*отворяя боковую дверь*).⁷ Я никого не вижу.
маркиза. Хорошо. Имя вашего отца?

дѣв. де белиль. Карлъ — Людовикъ — Августъ Фукъ де Белиль.

маркиза. Титулъ?

дѣв. де белиль. Герцогъ де Жизоръ, маркизь де Белиль, графъ Анделиской и Вернонской.

маркиза. А ваши братья? Кто они?

дѣв. де белиль. Одинъ капитанъ, другой поручикъ королевской арміи.

маркиза. И они въ темницѣ?

дѣв. де белиль. Мой отецъ уже три года, братья пять мѣсяцевъ.

маркиза. Хорошо, мы возвратимъ свободу бѣднымъ узникамъ.

дѣв. де белиль. О, Маркиза, еслибъ это сбылось?

маркиза. Вотъ, возьмите, — теперь оно по всѣмъ правиламъ этикета.

МАРИЕТТА (*въ дверяхъ спальни*). Когда вамъ угодно будетъ, сударыня, занять комнату, — она готова.

маркиза. Сейчасъ: мадмоазель ожидаетъ одного человѣка; не уходи.

МАРИЕТТА. Я буду тамъ; если буду нужна вамъ, г-жа Маркиза, вы позвоните.

маркиза. Хорошо. Оставь насъ.

С Ц Е Н А X.

ТѢЖЕ. ГЕРЦОГЪ.

ГЕРЦОГЪ, (*въ дверяхъ смотритъ на обликъ женщины*). Вмѣстѣ!

МАРИЕТТА. Герцогъ! (*она открываетъ книгу*).

ГЕРЦОГЪ. Я въ отчаяніи, сударыня, что заставилъ себя дожидаться.

дѣв. де белиль. Не извиняйтесь, г. герцогъ: просьба только что кончена, и если вамъ угодно взять на себя передать ее...

ГЕРЦОГЪ. Конечно.

дъв. де Белиль. Такъ вотъ она.

герцогъ, (*открываетъ письмо*). Та же рука; письмо было отъ нея (*громко*). Будете ли вы такъ милостивы, сударыня, что позволите сегодня же увѣдомить васъ о слѣдствіяхъ моихъ стараній?

дъв. де Белиль. Спросите объ этомъ у Маркизы, герцогъ; позволить ли она.

герцогъ. Это какъ?

дъв. де Белиль. Маркиза была такъ милостива ко мнѣ, что помѣстила меня у себя на все время, какъ я останусь въ Шантильи!

герцогъ. А! А!

дъв. де Белиль. Она для меня уступила свои комнаты.

герцогъ. Въ самомъ дѣлѣ? Такъ эта подруга, которую вы ожидали, Маркиза...

маркиза. Была мадамъ де Белиль, герцогъ. Вы понимаете, что неприлично было г-жѣ де Белиль, совершенно одной оставаться въ гостинницѣ.

герцогъ. Безъ сомнѣнія; и вы правы, Маркиза: вы поступили прекрасно; но надѣюсь, это не переменитъ нашихъ отношеній, и вы не откажете мнѣ въ позволеніи отдать г-жѣ де Белиль отчетъ въ моихъ поступкахъ...

маркиза. О, какъ жел! она у себя дома и можетъ васъ принимать, когда ей угодно.

герцогъ. Въ такомъ случаѣ, эта милость зависитъ отъ васъ...

дъв. де Белиль. Приходите когда вамъ угодно, герцогъ; я всегда васъ буду ждать, какъ друга, и принимать, какъ спасителя.

герцогъ. Но если, можетъ-быть, я увижу герцога нѣсколько поздно...

дъв. де Белиль. Я въ продолженіи трехъ лѣтъ привыкла ждать съ боязнью и слезами, и мнѣ пріятно будетъ сегодня ждать съ радостью и надеждой.

герцогъ. И такъ до вечера, сударыня.

дъв. де Белиль. До вечера, герцогъ!

герцогъ. Можетъ-быть, при томъ, что я долженъ буду вамъ сообщить, свидѣтели будутъ лишніе.

дѣв. де Белиль. Я постараюсь, чтобъ мы были одни, г-нъ герцогъ.

герцогъ. Вы удивительно милы.

(Дѣв. де Белиль уходитъ къ себѣ).

С Ц Е Н А XI.

герцогъ, маркиза.

герцогъ, (облокотившись на спинку стула Маркизы). А, а! такъ-то вы держите свое слово, Маркиза?

маркиза. Въ чемъ же я отъ него отступила, герцогъ?

герцогъ. Вы обѣщались помогать мнѣ во всѣхъ моихъ предпріятіяхъ, и вотъ при первомъ же, дѣйствуете противъ меня.

маркиза. Въ предпріятіи, основанномъ на продажности трактирщика! Фи! это было бы очень нетрудно и недостойно васъ... здѣсь — въ добрый часъ! безъ измѣны и не въ расплохъ! Надобно будетъ выпросить, потому-что нельзя иначе получить. Впрочемъ, я не сомнѣваюсь, что вы получите.

герцогъ. Будь я — не я, если на своемъ не поставлю. Я вамъ очень благодаренъ, что вы даете мнѣ случай прибавить еще одну побѣду къ прежнимъ моимъ успѣхамъ. Право, я у этихъ добрыхъ нѣмцевъ совсѣмъ заржавѣлъ.

маркиза. Такъ вы не теряете надежды успѣть, если бы даже, я была противъ васъ?

герцогъ. Нѣтъ; съ условіемъ, однакожъ, что вы будете дѣйствовать противъ меня законнымъ образомъ.

маркиза. Чего же вы требуете отъ меня?

герцогъ. Во-первыхъ, глубочайшей тайны.

маркиза. Это уже обѣщано.

герцогъ. Въ десять часовъ вы оставите г-жу де Белиль.

маркиза. Согласна.

герцогъ. Наконецъ, съ десяти часовъ до полуночи г-жа де Белиль будетъ одна.

маркиза. Оно такъ и будетъ: сегодня вечеромъ я отправляюсь въ Парижъ и уступаю вамъ мѣсто ея собесѣдника.

герцогъ. Больше я и не требую.

МАРКИЗА. Позвольтежъ и мнѣ въ свою очередь....

ГЕРЦОГЪ. Справедливо.

МАРКИЗА. Вы недовѣритесь ни одному служителю въ замкѣ.

ГЕРЦОГЪ. Ни одному.

МАРКИЗА. Вы не употребите ни любовнаго напитка, ни опиума, какъ вы неразъ дѣлали, герцогъ.

ГЕРЦОГЪ. Я отказываюсь отъ этихъ средствъ.

МАРКИЗА. Наконецъ, вы отдадите мнѣ ключъ отъ этой потайной двери.

ГЕРЦОГЪ. Съ охотой бы, Маркиза; но поспѣшивъ уѣхать изъ Парижа за г-жею де Белиль, я забылъ его тамъ.

МАРКИЗА. А!

ГЕРЦОГЪ. Увѣряю васъ, это правда.

МАРКИЗА. Честное слово?

ГЕРЦОГЪ. Слово де Ришльѣ...

МАРКИЗА. Ваша дерзость восхитительна, герцогъ!

ГЕРЦОГЪ. Вы меня балуете, Маркиза.

МАРКИЗА. Вы позволите мнѣ сказать одно слово Мариеттѣ?

ГЕРЦОГЪ. Вы позволите мнѣ отдать приказаніе Жерменю?

МАРКИЗА. *(въ дверь на-право.)* Мариетта!

ГЕРЦОГЪ. *(въ дверь на-лѣво.)* Жермень!

МАРКИЗА. *(Мариеттѣ.)* Вели заложить мою дорожную карту, которая безъ гербовъ, и чтобъ она меня дождалась, у маленькой двери въ паркѣ.

МАРИЕТА. Слушаю. *(она выходитъ.)*

ГЕРЦОГЪ. *(Жерменю.)* Загони моихъ двухъ лучшихъ лошадей, но чтобъ у меня былъ маленькой ключъ, который ты найдешь въ Парижѣ, на каминѣ, въ спальнѣ, въ аметистовой чашѣ.

ЖЕРМЕНЬ. Будетъ исполнено, г. герцогъ. *(онъ выходитъ.)*

МАРКИЗА. Такъ вы упорствуете въ своемъ намѣреніи?

ГЕРЦОГЪ. Выигрывали сраженія и хуже.

МАРКИЗА. И противъ лучшихъ генераловъ, не правда ли?

ГЕРЦОГЪ. Ну, не скажу этого; потому что теперь я имѣю дѣло съ юностью, соединенной... съ опытностью.

МАРКИЗА. И такъ до вечера, любезный герцогъ.

ГЕРЦОГЪ. *(цѣлуя ея руку.)* До вечера, прелестная Маркиза.

(герцогъ уходитъ.)

СЦЕНА XII.

МАРКИЗА.

Да, г. герцогъ... вы проиграете, я вамъ за это отвѣчаю. А! Вы такъ поспѣшно уѣхали изъ Парижа, что забыли даже взять съ собою ключъ, о которомъ прежде такъ заботились!.. Вътреникъ! Ну! безъ этого ключа вы проведете ночь на улицѣ, господинъ герцогъ: теперь июнь мѣсяць, погода прекрасная, это нисколько не повредитъ вашему здоровью, драгоценному для всѣхъ насъ.

СЦЕНА XIII.

МАРКИЗА, дѢВ. ДЕ БЕЛИЛЬ

МАРКИЗА. А! кстати, моя милая.

дѢВ. ДЕ БЕЛИЛЬ. Не имѣете ли вы еще что-нибудь мнѣ сказать, г-жа Маркиза?

МАРКИЗА. Можетъ быть. Сейчасъ, разговаривая съ герцогомъ, я думала о васъ, о медленности, съ которой необходимо сопряжены всѣ его хлопоты...

дѢВ. ДЕ БЕЛИЛЬ. О, у меня достанетъ мужества для всего, даже для ожиданія.

МАРКИЗА. Бѣдное дитя! какое самоотверженіе! Давно вы не видали своего отца?

дѢВ. ДЕ БЕЛИЛЬ. Три года, сударыня.... съ самаго дня его заключенія.

МАРКИЗА. Три года!.. и вы не просили, чтобъ васъ пустили въ Бастилію?

дѢВ. ДЕ БЕЛИЛЬ. О, сударыня! я просила, умоляла, и мнѣ постоянно отказывали въ этой милости. Понимаете ли вы? Отказать дочери въ позволеніи обнять своего отца! Безъ сомнѣнія тѣ, которыхъ я просила, никогда не имѣли дѣтей!

МАРКИЗА. И вы были бы счастливы, еслибъ могли видѣться съ вашимъ отцомъ?

дѢВ. ДЕ БЕЛИЛЬ. И вы еще спрашиваете?

маркиза. Очень счастливы?

дѣв. де Белиль. Ахъ!

маркиза. Особа, которая бы вамъ доставила это счастье, могла бы надѣяться на вашу скромность?

дѣв. де Белиль. О, что вы говорите, какую надежду мнѣ подаете, сударыня? я, я могла бы увидѣть своего отца.... вдругъ войти въ его темницу!.. И тогда, какъ онъ думаетъ, что я далеко отъ него, я бы бросилась къ нему на грудь и вскричала: батюшка, это я!.. батюшка, я здѣсь!.. О, простите меня сударыня... но видите... я на колѣнахъ прошу васъ: скажите, что мнѣ нужно сдѣлать, чтобъ заслужить такую милость?...

маркиза, (поднимая ее.) Слушайте.

дѣв. де Белиль. Ахъ! да, да я слушаю.

маркиза. Подумайте, что мы здѣсь играемъ судьбою людей.

дѣв. де Белиль. Да, сударыня; не опасайтесь: я знаю, что все это очень важно и опасно.

маркиза. Губернаторъ Бастиліи — мой другъ, я могу вамъ дать письмо къ нему.

дѣв. де Белиль. Письмо къ нему, сударыня? и съ этимъ письмомъ...

маркиза. Вы увидите своего отца. Нужно слишкомъ два часа съ половиной, чтобъ приѣхать въ Парижъ: вы отправитесь въ десять часовъ, приѣдете туда около полуночи; пробудете часа три съ графомъ де Белиль, и успѣете возвратиться сюда такъ рано, что еще всѣ будутъ спать.

дѣв. де Белиль. Какъ! и это будетъ сегодня, сударыня! сегодня вечеромъ! Я увижу въ эту ночь моего отца, котораго не видала уже три года! О, простите меня, сударыня; но я съ ума схожу отъ радости.

маркиза. Все это однакожъ съ условіемъ, которое вы понимаете...

дѣв. де Белиль. Говорите, говорите.

маркиза. Подумайте же о томъ, что я дѣлаю! я беру на себя открыть предъ вами государственную темницу, которая отворяется только по слову перваго Министра или предъ подписью короля.

дѣв. де белиль. Да, я понимаю, и благодарю васъ за это маркиза. Подумайте, что того, что я дѣлаю для васъ, я недѣлала ни для кого въ мірѣ. Герцогъ Бурбонскій этого не знаетъ. Ревнивый къ своей власти, онъ мнѣ никогда не проститъ этого поступка. Г. де Белиль содержится подъ строжайшею тайной: его свобода, его жизнь, будутъ зависѣть отъ того, какъ вы сохраните клятву; малѣйшая нескромность съ вашей стороны и г. де Белиль — погибъ.

дѣв. де белиль. Боже великій!

маркиза. Да! припомните Фуке: можетъ случиться съ сыномъ, что было съ отцомъ. Поклянитесь же мнѣ, что до-тѣхъ-поръ, пока герцогъ Бурбонскій будетъ министромъ, вы не скажете никому, что видѣли своего отца. Для всѣхъ, вы провели ночь въ замкѣ; подумайте же прежде, чѣмъ дадите обѣщаніе.

дѣв. де белиль. Клянусь вамъ всѣмъ, что есть священнѣйшаго въ мірѣ; жизнью моего отца клянусь вамъ, что до-тѣхъ-поръ, пока герцогъ будетъ министромъ, никто не узнаетъ, что я видѣлась съ моимъ отцомъ, и что для этого нынѣшнюю ночь оставляла замокъ.

маркиза. Ну! помните же свои обѣщанія. Вы не должны терять времени: вы возьмете одну изъ моихъ каретъ, почтовыхъ лошадей и возвратитесь сюда къ 6-ти часамъ утра, черезъ маленькую дверь въ паркѣ.

дѣв. де белиль. О, сударыня! за что вы дѣлаете столько милостей для меня!

маркиза. Такъ; я васъ люблю, вотъ и все! Смотрите же, тайна.

дѣв. де белиль. О, будьте покойны.

маркиза. Будьте готовы черезъ минуту.

дѣв. де белиль. Сейчасъ.

(Маркиза уходитъ.)

С Ц Е Н А Х І V.

ДЕ БЕЛЛЬ, ПОТОМЪ КАВАЛЕРЪ Д'ОБИНЫ.

дѣв. де белль. Боже мой! я увижу моего отца, какое счастье! О, Маркиза — ангелъ для меня!....

лакей. Г. кавалеръ д'Обиньи.

дѣв. де белль. Д'Обиньи! въ первый разъ въ жизни у меня будетъ тайна, которой онъ не будетъ знать! Проси. *(Лакей уходитъ. Входитъ кавалеръ, она идетъ къ нему на встрѣчу и протягиваетъ руку.)* Здравствуйте, Рауль!

д'Обиньи. Что съ вами, Габріэль? Вы такъ веселы?

дѣв. де белль. Это оттого, что мое сердце полно надежды, Рауль; съ-тѣхъ-поръ, какъ я здѣсь, мнѣ кажется, что я во всемъ успѣваю, что судьба предупреждаетъ всѣ мои желанія. Ахъ! мы спасемъ моего отца, спасемъ моихъ братьевъ, и мы будемъ вдвойнѣ счастливы; счастливы нашей любовью, счастливы ихъ счастьемъ. Благодарите лучше Бога, вмѣсто того, чтобъ прогнѣвлять его своими сомнѣніями. Что касается до меня, я немогу вамъ сказать больше: я молюсь, я вѣрю, я надѣюсь.

д'Обиньи. О, Боже мой! Тогда, какъ вы такъ веселы и до-вѣрчивы, я такъ холоденъ и печаленъ! Вы всего надѣетесь, я всего боюсь. Я незнаю почему, но я слабъ, какъ дѣтя. То, что васъ такъ успокоиваетъ, ободряетъ, — то ужасаетъ меня. Вы думаете, что это дѣлается рукою благодѣтельною, высшею, я трепещу, что это дѣлаетъ рука человѣческая, гибельная! Это, можетъ-быть, глупость, Габріэль; но глупость такая ужасная, что стоитъ, чтобъ о ней жалѣли, какъ объ истинномъ несчастіи.

дѣв. де белль. Ахъ, вы несправедливы къ Провидѣнію, Рауль; и особенно въ эту минуту.

д'Обиньи. А что же такое случилось въ эту минуту? Скажите мнѣ, Габріэль: вы видите, я только и желаю быть успокоеннымъ: на комъ основываете вы свои надежды?

дѣв. де белль. Во первыхъ: на г-жѣ де При, которая была такъ добра и любезна ко мнѣ, что почтила меня своей дружбою и сдѣлала меня почти своею сестрою.... она даже

не позволила мнѣ оставаться въ гостинницѣ: что больше могла бы сдѣлать мать для дочери?

д'овиньи. Ну, чтожъ дѣлать! сомнѣнія, о которыхъ я вамъ говорилъ, зависятъ конечно отъ минуты, въ которую приходятъ: они не относятся къ добротѣ г-жи де При, которая меня не беспокоитъ. Вы не говорили ей о нашей свадьбѣ, Габріэль?

дѣв. де велиль. Развѣ это не тайна?

д'овиньи. Такъ берегитесь же, особенно здѣсь... я имѣю причины думать, что если Маркиза узнаетъ объ этомъ, то можетъ перемѣнить свое расположеніе къ вамъ. Но скажите мнѣ, не видѣли ли вы еще кого-нибудь сегодня, кромѣ Маркизы?

дѣв. де велиль. О, да, Рауль. Я видѣла другую особу, на которую надѣюсь еще больше, чѣмъ на Маркизу; потому-что эта особа не знаетъ неудачи.

д'овиньи. Могу я узнать ея имя?

дѣв. де велиль. Безъ сомнѣнія: это имя не тайна.

д'овиньи. Кто-же это?

дѣв. де велиль. Герцогъ де Ришлье.

д'овиньи. Герцогъ де Ришлье!

дѣв. де велиль. Что съ вами?

д'овиньи. Герцогъ де Ришлье! вы видѣли его сегодня?

дѣв. де велиль. Онъ только-что вышелъ отсюда.

д'овиньи. Что онъ здѣсь дѣлалъ?

дѣв. де велиль. Онъ оканчивалъ аудіенцію у герцога.

д'овиньи. И вы должны съ нимъ еще видѣться?

дѣв. де велиль. Онъ мнѣ сказалъ, что можетъ-быть, придется отдать отчетъ о своихъ стараніяхъ въ моемъ дѣлѣ.

д'овиньи. Габріэль!

дѣв. де велиль. Боже мой, вы меня пугаете!

д'овиньи. Но знаете ли вы этого человѣка, къ которому васъ адресовали?

дѣв. де велиль. Я знаю его, какъ всѣ знаютъ; кто же не знаетъ г. де Ришлье?

д'овиньи. И зная его, неужели вы надѣетесь, что онъ вамъ даромъ оказываетъ свое покровительство?

дѣв. де велиль. Рауль! можетъ-быть я неправа, но я не умю, такъ какъ вы, видѣть зло въ добромъ. Г. де Ришлье обходился со мной до настоящаго времени, какъ другъ; если онъ явится ко мнѣ въ другомъ видѣ, я надѣюсь, вы мнѣ въ-

рите столько и полагаетесь на меня, что какъ бы ни было велико вліяніе герцога, я откажусь отъ его покровительства, если оно можетъ замарать мою честь, которая только одна и осталась у меня, и имя, которое хочу перемѣнить на ваше.

д'обиньи. О, въ своей невинности, вы и не подозреваете, что это за человекъ, Габріэль.. Души самыя чистыя тускнѣютъ отъ дыханія его любви: нѣтъ репутаціи, которой бы онъ не коснулся и не оставилъ безъ пятна. Если онъ разъ привялъ намѣреніе, — его не затруднятъ никакія средства, чтобъ достигнуть предположенной цѣли; хотя нѣкоторыя изъ этихъ средствъ затруднили бы каждаго, кто не такъ могущественъ, какъ онъ. Габріэль, вы видите теперь, чего я боюсь, будьте же милостивы ко мнѣ; сжаьтесь нао-мною.

дѣв. де белиль. Чего же вы требуете, Рауль? Что нужно мнѣ дѣлать.. скажите, я на все готова.

д'обиньи. Общайтесь мнѣ не принимать сегодня вечеромъ герцога де Ришлье.

дѣв. де белиль. Общаюсь.

д'обиньи. Ни видѣться съ нимъ гдѣ-бы-то-ни было въ другомъ мѣстѣ!

дѣв. де белиль. Еще разъ общаюсь.

д'обиньи. Я надѣюсь на ваше слово, Габріэль.

дѣв. де белиль. И справедливо.

д'обиньи. Если вы не сдержите слова, вы не знаете еще, сколько несчастій можетъ быть для насъ обоихъ.

дѣв. де белиль. Какъ это?

д'обиньи. Я немогу вамъ сказать... Но наконецъ, вы мнѣ общались... неправда ли, вы мнѣ общаетесь еще разъ не видѣться съ герцогомъ Ришлье сегодняшнимъ вечеромъ?..

дѣв. де белиль. Я вамъ общалась, и общаюсь еще разъ: покойны ли вы теперь?

д'обиньи. Да.

дѣв. де белиль. Ну! теперь, Рауль, оставте меня.

д'обиньи. Уже!

дѣв. де белиль. Поздно.

д'обиньи. Еще нѣтъ 10-ти часовъ.

дѣв. де белиль. Мнѣ нужно писать письмо... я утомлена... Притомъ же, прѣлично ли вамъ такъ долго оставаться со мною?

д'овиньи. Вы должны же бы были принять герцога де-Ришль?

д'в. де Белиль. Г. герцогъ де Ришль — человекъ посторонній: я не люблю герцога де Ришль, а васъ люблю, Рауль.

д'овиньи. Вы меня любите и удаляете отъ себя, тогда-какъ, не нарушая приличій, могли бы удѣлить мнѣ еще часъ времени.

д'в. де Белиль. Часъ! Ахъ, невозможно, Рауль!. Слушайте, Рауль, я васъ прошу...

д'овиньи. Вы меня просите, чтобъ я васъ оставилъ!.. Но, Боже мой!. Что же здѣсь дѣлается?

д'в. де Белиль. Ничего не дѣлается; съ чего вы это взяли? Развѣ удивительно, что послѣ ночи, проведенной въ дорогѣ, и послѣ утомительнаго дня.—я желаю немного отдохнуть?... Или, вы стали ревнивы, Рауль?.... Но отъ чего? Я васъ никогда не видѣла такимъ... Пойдите... вотъ бѣгъ 10-ть часовъ.

д'овиньи. Я ухожу, сударыня.

д'в. де Белиль. Сударыня! Ахъ, вы жестоки, знаете ли вы это? Вы меня видите счастливой и веселой, и какъ вы неприлично видѣть меня такою... моя радость васъ беспокоитъ, и вамъ хочется, чтобъ я была по-прежнему — печальна... О, это легко, очень легко, Рауль... Для этого достаточно одного вашего слова; достаточно одного звука, въ которомъ бы я приметилла сомнѣніе, или скорбь .. Смотрите, Рауль... Ну, вотъ я теперь по-прежнему — печальна, — вы этого хотѣли... довольны вы теперь?

д'овиньи. Простите меня, Габріэль, простите! Но я васъ такъ сильно люблю, что немогу вѣрить своему счастью: мнѣ кажется, что все намъ вредитъ, что все ищутъ только насъ посорить... Простите... я ухожу... я виновата.

д'в. де Белиль. До-свиданія, Рауль.

д'овиньи. Въ которомъ часу могу я завтра увидѣть васъ?

д'в. де Белиль. Такъ рано, какъ вамъ угодно. Въ восемь часовъ, напримѣръ.

д'овиньи. Прощайте, прощайте. Вы не примете герцога?

д'в. де Белиль. Но будьте же покойны.

д'овиньи. Прощайте. *(Она уходитъ)*.

С Ц Е Н А XV.

дѣв. де Белиль, потомъ маркиза.

дѣв. де Белиль. Онъ ушелъ... Чего мнѣ стоило разстаться съ нимъ - и не сказать, что меня дѣлаетъ столь счастливой! (*идетъ къ двери нальво отъ зрителей*). Г-жа Маркиза! г-жа Маркиза!

маркиза. Я здѣсь,

дѣв. де Белиль. Ну?

маркиза. Вотъ вамъ письмо.

дѣв. де Белиль. Карета?

маркиза. Готова.

дѣв. де Белиль. Лошади?

маркиза! Заложены...

дѣв. де Белиль. Куда я должна пройти?

маркиза. Скупайте за Мариеттой.

дѣв. де Белиль. Ахъ, сударыня! Чѣмъ я васъ отблагодарю?....

маркиза. Рѣшительной тайной.

дѣв. де Белиль. Можете ли вы въ этомъ сомнѣваться?

маркиза. Еслибъ я сомнѣвалась, я не съѣла бы для васъ того, что дѣлаю въ эту минуту.

дѣв. де Белиль! Прощайте, сударыня.

маркиза. Прощайте. (*Дѣв. де Белиль уходитъ*).

С Ц Е Н А XVI.

маркиза одна, потомъ лакей.

маркиза. Вотъ наконецъ одва уѣхала. 10¼ часовъ... пора! я увѣрена, что Ривилье уже выступилъ въ походъ. Укрѣпимся же. (*она звонитъ*). (*Лакей входитъ*). Затвори ставни у этого окна (*въ сторону*). Удивительная вещь: разомъ сълзать доброе дѣло и отмстити!.. (*лакею*) Ты не видишь никого на улицѣ?

лакей. Мнѣ кажется, я вижу какого-то челоуѣка, закутаннаго въ плащъ.

МАРКИЗА, *(въ сторону)*. Плащъ въ іюнь мѣсяцѣ! это долженъ быть онъ *(лакею)*. Затвори.

ЛАКЕЙ. Вамъ больше ничего не угодно мнѣ приказать?

МАРКИЗА. Дѣв. де Белиль очень боязлива : останься въ передней до свѣта и непускай никого.

ЛАКЕЙ. Слушаю. *(Онъ уходитъ)*.

МАРКИЗА. Теперь, хорошо: для большей безопасности, загородимъ дверь; остается еще дорога черезъ трубу, но она заложана рѣшеткою.

ЛАКЕЙ, *(сквозь дверь)*. Г. Ришлье идетъ по-большой лѣстницѣ.

МАРКИЗА. Мы не принимаемъ его, точно также, какъ другихъ. *(Слушая)*. Хорошо; да; спать. Чудесно! Вотъ онъ уходитъ. Мы сейчасъ его услышимъ у этого окна. Г. Герцогъ; я сдержала свое слово: я ничего не открыла, я оставила дѣв. де Белиль въ 10 часовъ.... и дѣв. де Белиль будетъ одна съ 10 часовъ до полуночи.... Теперь догоняйте ее на большой дорогѣ. Э, э! но... я обманываюсь, кажется, по маленькой лѣстницѣ.... нѣтъ; я не ошибаюсь, это онъ; у него былъ ключъ! *(Она задуетъ восковые свѣчи.)*

ГЕРЦОГЪ. Когда не пускаютъ въ одну дверь, надобно пройти въ другую.

МАРКИЗА, *(въ сторону)*. Если я позову людей, онъ надѣлаетъ шуму: г. герцогъ Бурбонскій все узнаетъ, и тогда я пропала.... Одно средство, чтобъ онъ не надѣлалъ шуму: надобно и мнѣ молчать...

ГЕРЦОГЪ. Право, Жермень, драгоценный человекъ: двадцать лѣтъ въ 2 часа съ четвертью! Загнать двухъ лошадей... изъ-а ключа. Ночь темна, прекрасно. Хорошо, что я на всякой случай написалъ письмо прежде. Я видѣлъ, когда шелъ сюда, противъ стѣны, у этого окна какое-то существо, завернутое въ плащъ; это долженъ быть мой пріятель. *(Часы бьютъ 10 часовъ съ половиною.)* 10 часовъ съ половиной! онъ на своемъ мѣстѣ, и я тоже. Исполнимъ наши условія. *(Онъ идетъ къ окошку и открываетъ его безъ шума.)* Слышите, милостивый государь; милостивый государь!... человекъ въ плащѣ!... да идите же сюда ближе, если угодно.... такъ хорошо. Можетъ быть, вы знаете кавалера д'Обинья... потрудитесь, пожалуйста, передать ему эту записку отъ герцога Ришлье: Вотъ.... держите.. *(Онъ бро-*

саетъ письмо за окно и запираетъ ставни.) Я встрѣтилъ карету Маркизы. Дъв. де Белль теперь одна здѣсь! идемъ!

Д Ъ Й С Т В І Е Ш.

(Таже декорация.)

С Ц Е Н А I.

Д'ОВИНЬИ, ЛАКЕЙ.

ЛАКЕЙ. Но г. кавалеръ, теперь только 7 часовъ утра: никто еще не вставалъ.

Д'ОВИНЬИ. Что за дѣло? Я все-таки войду: мнѣ нужно говорить съ дъв. де Белль, тотчасъ, какъ она встанетъ. (Лакей уходитъ.) Здѣсь ли онъ еще? Я до последней минуты ждалъ его, и не видалъ, чтобы онъ вышелъ. Но не сонъ ли я вижу, спрашиваю я себя! нѣтъ! все это дѣйствительность... Вотъ комната, гдѣ я былъ вчера, вотъ окно, изъ котораго онъ мнѣ бросилъ письмо; улица, гдѣ я стоялъ... О, Боже мой! Боже мой! Я немогу повѣрить... Габріэль меня обманываетъ!... и такъ безчестно!... О, невозможно!

С Ц Е Н А II.

Д'ОВИНЬИ, ДЪВ. ДЕ БЕЛЛЬ.

ДЪВ. ДЕ БЕЛЛЬ. Это вы, Рауль! я услышала вашъ голосъ, и пришла сюда.

Д'ОВИНЬИ. Вы уже встали.

ДЪВ. ДЕ БЕЛЛЬ. Развѣ вы не сказали вчера, что будете сюда рано?

Д'ОВИНЬИ. Да, согласенъ; но какъ же вы, удаливши меня вчерашній вечеръ такъ поспѣшно, поторопились видѣть сегодня утромъ?

ДЪВ. ДЕ БЕЛЛЬ. И вы все еще думаете объ этомъ, Рауль?

Д'ОВИНЬИ. Да, но что же дѣлать? не всегда можно управлять

своими мыслями. Воспоминаніе объ этомъ преслѣдовало меня цѣлую ночь и ужасно безпокоило.

дѣв. де белиль. Безпокоило? но отъ чего же?

д'обиньи. Э! отъ чрезвычайнаго утомленія, которое заставило васъ желать, чтобъ я удалился.

дѣв. де белиль. Вы мнѣ отвѣчаете очень странно, сегодня, Рауль. Видно, что вы безпокойны, чѣмъ-то заняты. Отъ чего? Что съ вами? говорите же!

д'обиньи. Со мной! — ничего. Но объ васъ этого нельзя сказать: вы такъ веселы и счастливы! Есть у васъ еще какія нибудь новыя надежды?

дѣв. де белиль. Да, я видѣла прекрасный сонъ. Мнѣ снилось, что одинъ добрый геній унесъ меня на своихъ крыльяхъ, и отворилъ мнѣ двери Бастили: я опять увидѣла своего отца, онъ прижалъ меня къ своему сердцу; осыпалъ меня поцѣлуями; онъ мнѣ говорилъ о васъ, Рауль, о нашей свадьбѣ, которую такъ долго откладывали, и въ заключеніе утѣшалъ себя мыслию, что я буду имѣть въ васъ друга и покровителя. О, это былъ чудесный сонъ, какъ видите; и исчезнувъ, онъ оставилъ по себѣ воспоминаніе, исполненное надеждою.

д'обиньи. Ну, и я также Габріэль; и я также видѣлъ сонъ.

дѣв. де белиль. Вы, Рауль.

д'обиньи. Да, я; но онъ былъ не такъ хорошъ, какъ вашъ.

дѣв. де белиль. Не оттого ли вы такъ печальны?

д'обиньи. Да, мнѣ снилось, что вчера простясь со мною, вы, несмотря на свое обѣщаніе, приняли герцога де Ришлье.

дѣв. де белиль. Что вы хотите сказать?

д'обиньи. Ничего; вы мнѣ рассказали свой сонъ; я теперь рассказываю мой; вотъ и все!

дѣв. де белиль. Потомъ?

д'обиньи. Мнѣ снилось, что я былъ на улицѣ, противъ этого окна; что это окно отворилось; на балконѣ показался человекъ и бросилъ мнѣ письмо.... и — странная вещь! — Мой сонъ, можетъ быть, гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ вашъ.... вотъ это письмо... вотъ письмо, Габріэль: я нашелъ его проснувшись.

дѣв. де белиль. Письмо!

д'обиньи. Да, читайте.

дѣв. де белиль, (*читаетъ*.) «Теперь 11 часовъ вечера; я въ

«комнатъ дль. де Белль; завтра я скажу вамъ, во сколько часовъ я вышелъ оттуда.»

дль. де белль. Что это значить?

д'обинья. Это значить, сударыня, что герцогъ де Ришль, увидьвъ васъ вчера утромъ, когда вы прошли мимо его, держалъ о васъ безчестное пари, и что онъ его выигралъ.

дль. де белль. Я васъ не понимаю.

д'обинья. Ну! такъ я вамъ сейчасъ объясню. — Герцогъ де Ришль, котораго вы обещались не принимать, былъ вами принятъ: онъ пришелъ сюда вчера, послъ того, какъ я вышелъ. Герцогъ де Ришль былъ съ вами въ этой комнатъ, герцогъ де Ришль отворилъ это окно, и изъ этого окна бросилъ мнъ письмо. Понимаете вы теперь?

дль. де белль. Да что вы мнъ такое говорите!

д'обинья. То, что безъ сомнвня, вы знаете также хорошо, какъ и я! Только вы не знаете того, что я былъ предупрежденъ обо всемъ, что я былъ тамъ, подъ этимъ окномъ. Что я оставался тамъ до утра, ожидая, какъ онъ выйдетъ, потому, что ваша честь мнъ еще столь дорога, что я не позволю, чтобы подобная тайна была разомъ известна двумъ... Ахъ! такъ вотъ почему вы были вчера такъ смущены! Вотъ почему вы такъ упорно желали, чтобы я васъ оставилъ! Вотъ почему вы имъли нужду быть одной! Ахъ! видите ли, я всю ночь скитался около замка, потому, что... еслибъ я нашелъ отпертую дверь, еслибъ я могъ попасть сюда... знаете ли вы, Габриэль, что я убилъ бы васъ обоихъ, да, обоихъ! И его, и васъ, когда бы я увидьлъ васъ у моихъ ногъ, на колынахъ, умоляющую пощады?...

дль. де белль. Но развъ вы съ-ума сошли, чтобъ говорить мнъ подобныя вещи? Я, я приняла герцога де Ришль послъ вашего ухода! Г. де Ришль провелъ здьсь ночь! Да что это такое! Да кавалеръ ли вы д'Обинья? Я ли дльвица де Белль? Вы ли мнъ это говорите, мнъ, вашей невѣсть, мнъ, которая черезъ три года должна носить ваше имя? Да это ужасно, Рауль.

д'обинья. До того ужасно, что я и самъ едва могу повѣрить! Да! мнъ должно было видть своими глазами!... Но знаете ли? да! Габриэль! я питалъ къ вамъ такую довѣренность, что еслибъ я только видьлъ — то подумалъ бы, что глаза меня

обманули.... Но это письмо, Габріэль, какъ вы мнѣ его объясните!

дѣв. де белиль. Да что я вамъ булу отвѣчать? Я сама себѣ немогу объяснить! Да развѣ не могъ кто-нибудь войти сюда безъ моего вѣдома?

д'обиньи. Безъ того, чтобъ вы не слышали, — могъ войти сюда человекъ? откуда? Кто ему отворилъ? Двери были крѣпко заперты, и ихъ хорошо стерегли... Сейчасъ меня не хотѣли пустить... меня! О, Габріэль! Габріэль! И это случилось!.. видите ли? И я вамъ скажу, да! я скажу вамъ: дѣвушка — вы позабыли любовь свою: вы видѣли предъ собою двухъ человекъ, изъ которыхъ одинъ могъ возвратить свободу вашему отцу, а другой могъ только умереть по одному вашему слову. Тотъ, кто могъ больше, назначилъ цѣну своему покровительству.

дѣв. де белиль. Государь мой!

д'обиньи. Я не говорю, что вы виновны, Габріэль; я говорю только, что вы не осмѣлились отказать герцогу въ свиданіи, котораго онъ просилъ; я говорю, что вы приняли его здѣсь, не такъ ли? и что въ ту минуту, какъ вы его оставили, онъ написалъ эту записку и бросилъ ее за окно. Вотъ, что я говорю, Габріэль. Ну! признайтесь же мнѣ во всемъ, и я васъ прощу.

дѣв. де белиль. Благодарю, Рауль! я вижу, что изъ любви ко мнѣ, вы ищите сами себя обмануть. Но я не принимаю этого средства, которое вы мнѣ предлагаете! Еслибъ послѣ моего обѣщанія, я приняла герцога де Ришлье, я была-бы недостойна прощевія. Но онъ не требовалъ отъ меня свиданія; но я его ему не давала; но я не видала его.. и у меня есть самое простое средство доказать вамъ это.

д'обиньи. Какое же?

дѣв. де белиль. Это письмо отъ герцога, говорите вы?

д'обиньи. Онъ мнѣ самъ бросилъ его изъ окна.

дѣв. де белиль. Я сейчасъ пошлю просить сюда герцога де Ришлье; вы спрячетесь тамъ; я его приму въ этой комнатѣ и вы, не проронивъ ни одного слова, услышите весь нашъ разговоръ. И если г. де Ришлье видѣлъ меня вчера послѣ 8 часовъ вечера, я позволяю вамъ, Рауль, вѣрить всему.

д'обиньи. О! я не осмѣлился бы васъ просить объ этомъ,

Габріэль; но вы мнѣ предлагаете: я согласенъ. — Во всемъ этомъ есть какая-то постыдная тайна, которой я немогу понять!

дѣв. де белиль. Ну! такъ эта тайна объяснится, только будьте покойны, Рауль: ни движеніемъ, ни словомъ, не дайте подозрѣвать, что вы тамъ!

д'обинья. Даю слово.

дѣв. де белиль. Какой-же вы глупецъ!....

д'обинья. О! вамъ нетрудно будетъ убѣдить меня, да! — Нѣтъ! невозможно, чтобъ въ этой прелести голоса, въ этихъ свѣтлыхъ глазахъ, скрывалась ложь: я уже вамъ вѣрю, почти.

дѣв. де белиль. Нужды нѣтъ; вы мнѣ повѣрите еще больше, когда я пошлю за герцогомъ, не правда ли?

лакей. Г. герцогъ де Риншль.

дѣв. де белиль. Само небо его посылаетъ. Сейчасъ. (Раулю). Войдите же въ эту комнату, Рауль, и помните свое обещаніе.

д'обинья. Вашу руку, Габріэль.

дѣв. де белиль. Еслибъ вы заслуживали....

д'обинья. Вашу руку.

(Она даетъ ему руку, онъ ее цѣлуетъ и входитъ въ кабинетъ).

С Ц Е Н А III.

дѣв. де белиль, герцогъ.

дѣв. де белиль. Вы пришли кстати, милостивый государь; войдите, прошу васъ.

герцогъ. Вы сегодня прелестнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Въ это утро я почти не надвлялся васъ видеть и ногъ вы одна-кожъ меня приняли....

дѣв. де белиль. Я сейчасъ хотѣла послать за вами.

герцогъ. А! Но это больше, чѣмъ я могъ ожидать! *(онъ хочетъ поцѣловать ея руку).*

дѣв. де белиль. Господи нѣ герцога.

герцога. Ну?

дѣв. де белиль. Я хочу попросить у васъ объясненія, — объясненія, которое касается до моей чести.

герцога. Вашей чести! но неужели, кто осмѣлился коснуться ея, сударыня? Говорите, ... я буду тамъ, гдѣ нападаютъ... говорите же... я васъ слушаю.

дѣв. де белиль. Дѣло идетъ объ пари, которое вы держали.

герцога. Э. Боже мой! да, сударыня! Должно вамъ во всемъ признаться; да; но я васъ любилъ прежде этого пари. Съ той минуты, какъ я васъ увидѣлъ, я почувствовалъ, что мое сердце не принадлежитъ уже мнѣ. Я за вами слѣдовалъ изъ Парижа въ Версаль, изъ Версаля въ Шавильи!... Я прѣхалъ сюда для васъ... для одной васъ, клянусь вамъ... Мнѣ предложили пари... два другіе такіе же сумазброда, какъ я... вы не были его предметомъ, ваше имя небыло произнесено въ этомъ пари: пари пало на первую особу, которая пройдетъ!.... вы прошли... моя честь была въ залогъ; случай слѣзла, что моя любовь и моя честь соединились вмѣстѣ, на одной особѣ... Вотъ истина, сударыня; совершенная истина. Если я слѣзла проступокъ, онъ совершенно невольный, и я надѣюсь, что вы меня простите!

дѣв. де белиль. Да, точно г. герцога, я вамъ прощу этотъ проступокъ, хотя онъ и ужасенъ; потому-что, сознайтесь, когда потеряна знатность, чины и богатство, когда остается только доброе имя, сознайтесь, говорю я, что ужасно видѣть, какъ это доброе имя, эта святая вещь, дѣлается игрушкой праздныхъ придворныхъ, которые, если не могутъ лишить его, стараются, по-крайней-мѣрѣ, его очернить. Ну.... г. герцога... да... въ уваженіе всего того, что вы слѣзали для меня, хотя я теперь и понимаю истинный источникъ этой доброты и услужливости, который я почитала прежде чистымъ и безкорыстнымъ, да, я прощу вамъ этотъ пари... съ условіемъ, однакожъ, чтобъ вы мнѣ объяснили, какимъ образомъ это письмо вчера было брошено изъ этого окна между 10 и 11 часами вечера... Вотъ возьмите, милостивый государь, прочтите...

герцога. Это не нужно... я знаю это письмо.

дѣв. де белиль. Какъ! вы его знаете?

герцогъ. Развѣ это не моя рука? Впрочемъ, я буду утверждать, что тамъ нѣтъ подписи.

дѣв. де белль. Вы писали это письмо?

герцогъ. Признаюсь.

дѣв. де белль. И вы бросили его изъ этого окна?

герцогъ. Да, изъ этого окна.

дѣв. де белль. Кому-же?

герцогъ. Почему я знаю? Безъ сомнѣнія, тому, кто его дождался.

дѣв. де белль. Вы были здѣсь, въ этой комнатѣ?

герцогъ. Конечно!

дѣв. де белль. Но вы были безъ меня?

герцогъ. Какъ! безъ васъ?

дѣв. де белль. Вы были здѣсь, со мною?

герцогъ. Безъ сомнѣнія.

дѣв. де белль. Со мною!

герцогъ. Съ вами.

дѣв. де белль. Вы лжете, герцогъ.

герцогъ. Я лгу! я?

дѣв. де белль. Да, вы; и безстыдно лжете!...

герцогъ. Извините, сударыня; но когда женщина начинаетъ говорить такимъ образомъ съ мужчиной, ему остается только уйти.

дѣв. де белль, *(удерживая его)*. О, нѣтъ! нѣтъ! вы не уйдете такимъ образомъ!... потому, что вы называетесь Ришлье, потому, что вы два раза герцогъ и два раза перъ: неужели вы захотите, для того, чтобъ выиграть жалкое пари, вы позволите себѣ оклеветать женщину... и — когда эта женщина потеряла все, исключая любви одного человека, котораго она любить, такой клеветой лишить ее этой послѣдней любви! О! я обращаюсь къ вашему имени, къ вашему достоинству, къ вашей чести, которая идетъ по ложной дорогѣ и можетъ заблудиться, герцогъ, скажите истину... да, истину, да, и это здѣсь, передо-мною! передо-мною, которую вы оскорбили.. и эта истина... вы тѣмъ менѣе поколеблетесь сказать ее, что я женщина, и что нельзя предположить, чтобы изъ боязни вы продолжали утверждать то, что сказали прежде.

герцогъ. Э, Боже мой! да, я виноватъ, я долженъ бы былъ

казаться проигравшимъ. Ну! хотите вы, я напишу кавалеру? я скажу ему, на-примѣръ, что я нашёлъ дверь запертой, и что следовательно это письмо не значить ничего! хотите вы, чтобъ я ему признался, что я проигралъ?... я готовъ сдѣлать все, что вамъ угодно. Не дай Богъ, чтобъ черезъ мое глупое тщеславіе, разошелся бракъ, отъ котораго, говорите вы, зависитъ ваше счастье! Я, наконецъ, пожертвую собою! Это самое малое, что я для васъ долженъ сдѣлать!

дѣв. де велиль. Герцога, есть что-то адское въ томъ, что вы мнѣ говорите!.. Это правда!.. Я не думала, что развратъ можетъ простираться такъ далеко! нѣтъ, государь мой, нѣтъ! нѣтъ! я не письма у васъ прошу! нѣтъ! Я требую отъ васъ признанія! признанія здѣсь, признанія въ эту же минуту... признанія, что все, что вы сказали до этого — ложь! что вы говорили это вопреки истинѣ, къ стыду вашего имени, къ стыду вашей чести!.. Я хочу, чтобъ вы сознались, что вы оклеветали меня, милостивый государь! да, низко оклеветали... я не разбираю словъ, и говорю такъ, какъ внушаетъ мнѣ негодованіе... Да, вы признаетесь во всемъ... и я не скажу, чтобъ я васъ за это стала презирать болѣе; напротивъ, я вамъ обѣщаюсь, что я васъ прошу.

герцогъ, (*въ полголоса*). Понимаю! Что-же вы мнѣ не покажете знакомъ, что здѣсь кто-то спрятанъ, и что насъ подслушиваютъ?

дѣв. де велиль, (*громко*). Никто не спрятанъ, милостивый государь! никто насъ не подслушиваетъ... Здѣсь нѣтъ никого, кромѣ меня... Отвѣчайте же мнѣ?

герцогъ. Ну! если здѣсь никого нѣтъ... если я долженъ отвѣчать только вамъ, тогда я скажу, что я думалъ, будто знаю женщинъ, и что я былъ большой глупецъ; что всякій день онѣ меня учатъ чему-нибудь, меня, который всякой день думаетъ, что ему нечему у нихъ учиться, и что вы въ особенности, предоставили себѣ честь дать мнѣ такой урокъ, какого я никогда не получалъ!

дѣв. де велиль. Довольно, г. герцогъ; оставьте меня.

герцогъ. Я повинуюсь, государыня; но не теряю еще все надежды, и буду имѣть честь явиться къ вамъ сегодня вечеромъ, въ тотъ же часъ, какъ и вчера, и тогда можетъ-быть,

я буду принять лучше, чѣмъ теперь. *(Онъ кланяется и уходитъ).*
 дѣв. де белль. О! о! Боже мой! Боже мой!

СЦЕНА IV.

дѣв. де белль, д'овинья.

д'овинья, *(отворяя дверь)*. Ну!..

дѣв. де белль. О!

д'овинья. Я сдѣлалъ все, что вы говорили. Я спрятался, я слушалъ, я слышалъ, и несмотря на все это — не показался... Довольны вы?

дѣв. де белль, *(останавливая его)*. Рауль! *(онъ проходитъ сцену, чтобъ уйти)*.

д'овинья. О! оставьте меня!

дѣв. де белль. Рауль!... выслушайте!... да, вы справедливо боялись вчера; да, ваши предчувствія были основательны, да, судьба противъ насъ... противъ насъ... потому, что она васъ поражаетъ столько же, какъ и меня; но вы не оставьте меня такимъ образомъ. Есть во всемъ этомъ какое-то недоумѣніе, какое-то безчестное коварство, котораго я дѣлаюсь жертвою... И я немогу понять, отъ чего и какъ это... Тутъ какая-то тайная злоба, которая запутала и душитъ меня!.. Рауль, не можетъ быть, чтобъ мой голосъ вдругъ потерялъ надъ вами всю силу! Рауль, не можетъ быть, чтобъ вы повѣрили, что въ одинъ часъ я забыла правила всей моей жизни; Рауль, не можетъ быть, чтобъ между вчерашнимъ и сегодняшнимъ днемъ, я сдѣлалась безчестною!.. О!.. Но... если-бъ мнѣ пришли и сказали, что вы сдѣлали какую-нибудь низость или преступленіе... струсли въ битвѣ, или убили кого-нибудь; кто-бы ни была та особа, которая мнѣ сказала это... Нѣтъ! а клянусь вамъ, Рауль, я бы не повѣрила.

д'овинья. Наконецъ, герцогъ... Герцогъ вошелъ сначала сюда, сударыня?

дѣв. де белль. Я не отрицаю этого.

д'овинья. Изъ булуара онъ прошелъ въ эту комнату?

дѣв. де белль. Можетъ статься.

д'Обиньи. А! наконецъ вы признаетесь!

дѣв. де Белль. Да, я признаюсь... но вы не знаете... вы не можете знать!..

д'Обиньи. Въ такомъ случаѣ, васъ не было въ этой комнатѣ, вы провели ночь въ другой?

дѣв. де Белль. Рауль! я дала страшную клятву; Рауль, я ничего немогу сказать: клянусь вамъ.

д'Обиньи. Но нѣтъ ли кого-нибудь, кто-бы изъ жалости къ вамъ и ко мнѣ, могъ разрѣшить вашу клятву?

дѣв. де Белль. Да, вы правы: это внушилъ вамъ самъ Богъ; да, когда она увидитъ, въ какой позости меня обвиняютъ, она позволитъ мнѣ сказать все, и вы увидите тогда, вы увидите... *(она звонитъ, является Мариетта)*. Маркиза де При дома? — гдѣ она? скажите ей, что мнѣ нужно видѣть ее сію же минуту; я умоляю ее придти... Идите же.

МАРИЕТТА. Г-жа Маркиза де При отправилась въ Парижъ сегодня утромъ, и не возвратится раньше вечера.

дѣв. де Белль. О, да это ужасный случай. Рауль, вы подождете до вечера... вечеромъ вы узнаете все. *(Она дѣлаетъ движеніе, чтобъ уйти)*. Рауль, вы не уйдете такъ... Рауль, клянусь вамъ.....

д'Обиньи. Да, вы говорите правду, это ужасный случай. Вчера въ полдень, вы оставляете гостиницу, чтобъ поселиться въ замкъ; вчера вечеромъ, я прихожу къ вамъ, и въ первый разъ мое присутствіе тяготитъ васъ, и вы желаете, чтобъ я васъ оставилъ; я васъ заставилъ поклясться, что вы не увидите съ герцогомъ: послѣ меня онъ приходитъ; часъ назадъ, вы отрицали, что онъ не приходилъ, а теперь вы сознаетесь, что можете быть, онъ пробылъ въ этой комнатѣ до 3-хъ часовъ утра. Вы не были здѣсь, говорите вы, въ этой комнатѣ, и не можете сказать, гдѣ вы были; васъ связываетъ клятва, которую вы дали: это священное обязательство, хотя и неожиданное. Но только одна особа можетъ васъ разрѣшить отъ клятвы, она и этой особы нѣтъ въ Шавтильи. Вы правы, это странное стеченіе обстоятельствъ, до-того странное, что нельзя ему повѣрять;—и я не вѣрю!

дѣв. де Белль. Что могу я вамъ сказать, Рауль? Да, да, всѣ доказательства противъ меня; да, это можетъ-быть, будетъ стоить мнѣ жизни, и я погибну, какъ гибнетъ

моя честь! Но я готова умереть, чтобъ не нарушить клятвы, которую дала. Дѣлайте теперь, что хотите, Рауль, я васъ не удерживаю больше, *(она упадаетъ въ кресла)*.

д'овиньи, *(дѣлаетъ движеніе, чтобъ уйти, потомъ возвращается)*. Слушайте, Габріэль; я знаю, что этотъ человекъ, чтобъ достигнуть цѣли, какая бы она ни была, владѣетъ средствами таинственными и неизвѣстными. Признайтесь, онъ далъ вамъ какого-нибудь напитка, какого-нибудь наркотическаго яду, какой-нибудь мерзкой отравы! Признайтесь мнѣ, что онъ вошелъ сюда во время вашего сна, и что вы пробудились уже поздно... признайтесь мнѣ въ этомъ, и это не лишитъ васъ моей любви, не перемѣнитъ ничего въ нашей будущности: я его убью, вотъ и все. Ну, признайтесь же мнѣ въ этомъ, Габріэль, я лучше хочу знать все... Но не говорите мнѣ о невозможномъ отсутствіи, о клятвѣ, которой я не вѣрю! Вы видите, Боже мой! я хочу только одного, чтобъ я могъ васъ любить всегда? Я предлагаю вамъ легкое средство... Пусть вы меня обманули, пусть вы виновны — примите его! Да, онъ употребилъ хитрость, или силу, неправда ли? это низкій человекъ и я долженъ имѣть дѣло только съ нимъ, я долженъ мстить только ему. О! да скажите же мнѣ что-нибудь, чему-бы я могъ повѣрить, чтобы имѣло видъ истинны, если вы не хотите, чтобы я умеръ сумасшедшимъ, проклиная васъ, смотрите, ради Бога, смотрите, я на колынахъ, Габріэль! Видите, видите... ради самаго неба прошу васъ, говорите же... я жду... я слышу...

дѣв. де белль. Я немогу вамъ ничего сказать, кромѣ того, что есть, Рауль. Я не видала герцога де Ришль съ 8 часовъ вчерашняго вечера.

д'овиньи. О! это уже слишкомъ, сударыня; теперь я знаю, что мнѣ дѣлать.

дѣв. де белль. Я васъ умоляю...

д'овиньи. О, оставьте меня, оставьте меня!

дѣв. де белль. Рауль! Рауль!

д'овиньи. Въ послѣдній разъ, хотите вы признаться въ истинѣ?

дѣв. де белль. Я вамъ немогу ничего сказать.

д'овиньи. Пусть же Богъ васъ проститъ, сударыня! но я... я васъ никогда не прощу, *(онъ быстро удалется)*.

дѣв. ДЕ БЕЛНЬ, *(падая на колѣна)*. Боже мой! Боже мой!
Попилуй мена!

ДѢЙСТВІЕ IV.

СЦЕНА I.

А'омонъ, д'овре, шампльакъ и нѣсколько другихъ господъ *(играютъ въ банкъ, на-право отъ зрителей)*.
Двое другихъ молодыхъ людей играютъ въ кости, за столомъ, на-лѣво отъ зрителей, маркиза и ршлье *(прогуливаются)*.

герцогъ. Какъ будто ни понимала ничего, честное слово! Она съ удивительно самоувѣренностью утверждала, что не понимаетъ того, что я хотѣлъ сказать.

маркиза. Но, скажите, какъ вы попали въ будуаръ?

герцогъ. Э! да черезъ потайную дверь!

маркиза. А какъ же вы мнѣ сказали, что у васъ не было ключа?

герцогъ. Я говорилъ правду. Но я за нимъ послалъ.

маркиза. Въ Парижъ?

герцогъ. Въ Парижъ.

маркиза. Въ два часа? Да это баснословно!

герцогъ. Въ 2 часа 14 минутъ. Жермень загналъ моихъ двухъ лучшихъ лошадей: Тюрена и Ромула; мнѣ это стоитъ 1000 лундоровъ.

маркиза. Вы самый великопшвѣйшій волокита, какого я знаю.

герцогъ. Маркиза! хотѣте-ли, я вамъ кое въ чемъ признаюсь?

маркиза. Признайтесь.

герцогъ. По чести, я объ нихъ не жалю!

маркиза. Ахъ, герцогъ! вотъ слово, которое я никогда не забуду. Ну, теперь въ свою очередь, я вамъ тоже скажу кое-что.

герцогъ. Дослушайте, я вѣдь еще не кончилъ.

маркиза. Хорошо; кончите.

герцогъ. Вы потеряли бы прекраснѣйшую исторію.

маркиза. Трудно однакожь еще что-нибудь прибавить къ тому, что вы сказали.

герцогъ. Напротивъ; и вы увидите... Знаете ли, кто былъ тотъ человекъ, съ которымъ я держалъ пари?

маркиза. Кто?...

герцогъ. Кавалеръ д'Обиньи!

маркиза. Кавалеръ д'Обиньи?

герцогъ. Но слушайте, это еще, — не все..

маркиза. Да вы мнѣ рассказываете исторію изъ тысячи и одной ночи.

герцогъ. Этотъ кавалеръ д'Обиньи долженъ черезъ три дни жениться на дѣв. де Белиль.

маркиза. Въ-самомъ-дѣль?

герцогъ. Какъ честный человекъ!

маркиза. Вѣдь я вамъ говорила, что эти Белили — мои враги!

герцогъ, Теперь, видите Маркиза, какъ несправедливо вы поступали, желая, чтобъ я проигралъ пари, между-тѣмъ, какъ у меня была одна цѣль—отмстить за подругу.

маркиза. Такъ она хотѣла выдти за кавалера?

герцогъ. Э! Боже мой, да: вы видите, рѣдко такъ случается. Кажется, однакожь, свадьба бы еще долго не состоялась; молодой человекъ не получилъ еще наследства, и къ довершенію несчастія занимаетъ не высокой постъ; а г. графъ де Белиль, который сидитъ теперь въ темницѣ, желалъ, чтобъ его зять былъ что-нибудь побольше, чѣмъ прапорщикъ или корнетъ... Такимъ образомъ легко могло-быть, что молодые люди, долго еще тщетно вздыхали другъ объ другѣ, еслибъ вдругъ, — я вамъ рассказываю истину, Маркиза,—не зная, какъ и почему молодой человекъ не получилъ диплома на поручика гвардіи его величества. Съ этого времени,—вы понимаете, Маркиза, — не было уже ни препятствія, ни даже разстоянія, потому, что въ ту минуту, какъ невеста выгружалась въ Версали, женихъ присталъ къ берегу въ Шантильи... Ну! при такомъ положеніи дѣлъ, вѣроятно въ одинъ прекрасный вечеръ, вашъ придворный священникъ, тихонько обвинчалъ бы ихъ въ капеллѣ замка, еслибъ я не бросился имъ поперегъ дороги. И мнѣ это крайне жаль, честное слово! Видя, какъ вы мнѣ мало благодарны, за то, что я для

вась сдѣлалъ, Маркиза. Теперь ваша очередь. Что вы хотѣли сказать?

МАРКИЗА. Да; но я вамъ ничего не скажу.

ГЕРЦОГЪ. А почему же, если позволите?

МАРКИЗА. Потому, что теперь все хорошо, и было бы жаль, что-нибудь переменить въ этой исторіи. Впрочемъ, что сказалъ объ этомъ кавалеръ?

ГЕРЦОГЪ. Да, кажется, онъ принялъ это очень серьезно.

МАРКИЗА. Въ-самомъ-дѣлѣ?

ГЕРЦОГЪ. Да: онъ былъ у меня три раза сегодня, и всякой разъ записывался съ отмѣткой, въ которомъ часу онъ былъ. Къ несчастію, я былъ на охотѣ, гдѣ загналъ третью лошадь; но вы понимаете, что возвратясь, и узнавъ о чести, которую мнѣ дѣлалъ кавалеръ, я ему отплатилъ въжливостью за въжливость, и съ своей стороны, былъ у него... Но намъ несуждено было встрѣтиться... Мнѣ сказали, что онъ ушелъ.... Я записался... и жду. Ну, а вы, Маркиза, какія новости привезли изъ Парижа?

МАРКИЗА. Ни одной! я только-что пріѣхала, и тотчасъ отправилась назадъ. Герцогъ прибылъ въ ту самую минуту, какъ король садился въ карету, его величество приказалъ не дожидаться его къ ужину, но послѣ ужина обѣщался быть при игрѣ герцога. Это такая милость, какой еще не бывало.

ГЕРЦОГЪ. Берегитесь нашего епископа; если будетъ буря, — она будетъ съ его стороны. Когда я видѣлся съ нимъ въ послѣдній разъ, онъ мнѣ сдѣлалъ такую добрую рожу, что я право, боюсь.

МАРКИЗА. Ба! вы на него клеветаете, герцогъ. Это человекъ смиренный, который думаетъ только объ отставкѣ, и презираетъ почести.... Развѣ вы забыли, что по смерти регента, онъ самъ представилъ герцога королю?

ГЕРЦОГЪ. Хмъ! онъ это сдѣлалъ потому, что не ловко было представить самого себя....

МАРКИЗА. Вы обманываетесь; и вотъ доказательство: при малѣйшей тревогѣ де Фрежюсъ оставляетъ отечество и уаляется.

ГЕРЦОГЪ. Да; два раза онъ это дѣлалъ, и два раза увѣрялся, что его высокій ученикъ не можетъ безъ него обойтись. Вы говорите, что онъ презираетъ почести, не такъ ли? Ну,

такъ вы увидите его первымъ министромъ и кардиналомъ... Не такъ ли, д'Омонъ?

д'омонъ. Милый мой, я проигрываюся.

герцогъ. Ба! да вѣдь ты знаешь пословицу, герцогъ: несчастливъ въ картахъ, счастливъ въ любви.

д'омонъ. Ну, вотъ; а со мной случается на оборотъ: я проигрываю вездѣ.

маркиза. Вы худо выбираете время нравиться, герцогъ. Я пришла просить васъ, танцовать со мною третью кадрили.

д'омонъ. Вы меня далеко отбрасываете, Маркиза,

маркиза. Я ангажирована на двѣ первыя. Мосье д'Овре, передайте свои карты герцогу, мнѣ нужно поговорить съ вами.

д'овре. Сдѣлайте одолженіе, герцогъ!

герцогъ. Охотно. Когда вы возвратитесь, кавалеръ, вы найдете д'Омона побитаго и довольнаго. Ты понтировалъ, герцогъ?

д'омонъ. Да!

герцогъ. Ну, такъ давай же скола карты. (*д'Омонъ даетъ карты*).

д'овре, (*прогуливается съ Маркизой*). Сударыня, я васъ слушаю.

маркиза. Сейчасъ; нужно, чтобъ эти господа насъ не слышали.

д'овре. Чортъ возьми! объясненіе!

маркиза. Вотъ ужъ ваше самолюбіе и поскакало въ галопъ. Совсѣмъ нето, что вы думаете; я съ вами хочу говорить совершенно о другомъ дѣлѣ. Если вы увидите, что придетъ кавалеръ д'Обиньи.... вѣдь вы знаете этого молодаго поручика, онъ еще недавно вступилъ въ королевскую гвардію? Не теряйте его изъ виду. Я подозреваю, что между нимъ и герцогомъ де Ришлье, плетъ дѣло о дуэли.

д'овре. Какой бѣсъ этотъ де Ришлье! онъ никакъ не можетъ удержаться, честное слово! Съ нимъ однимъ мнѣ больше хлопотъ, чѣмъ со всѣмъ дворянствомъ Франціи! Кстати, за что эта дуэль?

маркиза. Незнаю, но какая бы ни была причина, — ваша обязанность кавалеръ, какъ уполномоченнаго господъ маршаловъ Франціи, остановить ее. Теперь вы предупреждены.... Ну, проводите же меня въ танцевальную залу: я вамъ все сказала, что нужно.

герцогъ, (собирая деньги у д'Омона.) д'Овре; посмотрите, что я для васъ дѣлаю.

д'ОВРЕ, (входя въ танцевальную залу.) Прекрасно. Продолжайте.

герцогъ. Вѣдь я тебѣ говорилъ д'Омонъ... ты никогда не долженъ впередъ играть со мною!... всегда проиграешь!...

д'ОМОНЪ. Ставлю вдвое.

герцогъ. Вдвое, хорошо.

С Ц Е Н А II.

тѢЖЕ И д'ОВИНЬИ.

д'ОВИНЬИ, (смотритъ въ дверяхъ и примѣлая Ришлье.) Наконецъ-то!... (онъ входитъ и медленно становится противъ герцога.)

герцогъ, (поднимая глаза.) А! А! это вы, кавалеръ!

д'ОВИНЬИ. Да, г. герцогъ; могу я вамъ сказать два слова?

герцогъ. Сю минуту: дайте только убить карту и я къ вашимъ услугамъ.

д'ОВИНЬИ. Хорошо; я подожду.

герцогъ. Ну, вотъ! вѣдь я тебѣ говорилъ, д'Омонъ! Передвинь сюда деньги. Хорошо, спасибо. Шатильякъ садись на мое мѣсто, оно счастливо. (Вставая.) Ну, вотъ и я, милостивый государь! (Шатильякъ садится на мѣсто герцога).

д'ОВИНЬИ. Я васъ ждалъ вчера на улицѣ до четырехъ часовъ утра.

герцогъ. Можетъ быть, я вышелъ черезъ дверь въ паркъ.

д'ОВИНЬИ. Я имѣлъ честь быть сегодня у васъ три раза!...

герцогъ. Я слышалъ объ этомъ съ живѣйшимъ сожалѣниемъ. Я былъ на охотѣ; но возвратившись, тотчасъ-же, въ свою очередь!... Вамъ вѣроятно говорили!...

д'ОВИНЬИ. Да; что вы потрудились зайти въ гостиницу. Я полагаю, лишнее бы было объяснять вамъ цѣль моихъ визитовъ?

герцогъ. Ну, нѣтъ, потрудитесь, кавалеръ.

д'ОВИНЬИ. Вы понимаете, государь мой, что когда задѣва-

ють доброе ния женщины, у которой отецъ и братья въ Бастильн.... *(Входитъ кавалеръ д'Овре и тихонько приближается.)*

герцогъ. Должно дать удовлетвореніе ея любовнику? Это справедливо, клянусь честью, кавалеръ, и я это повинмаю очень хорошо. Располагайте мною. Я къ вашимъ услугамъ.

д'овиньи. Я думаю, что лишнее говорить вамъ, что истинная причина нашей дуэли должна оставаться тайною!

герцогъ. Причину можно придумать, какую вамъ угодно. Похищеніе инфанты, напрямѣръ. Впрочемъ мы найдемъ сноходительныхъ свидѣтелей.

д'овиньи. Я полагаю, было бы лучше вовсе ихъ не брать?

герцогъ. Очень хорошо. Въ назначенный часъ вы пойдете прогуляться; я выйду тогда же и отправлюсь въ аллею, въ которой вы будете меня дожидаться. Такимъ образомъ, это будетъ не дуэль, а встреча.

д'овиньи. А... какое мѣсто вамъ угодно назначить?

герцогъ. Но я думаю самое близкое къ замку.

д'овиньи. Въ такомъ случаѣ — аллею въ Сильвійскомъ лѣсу.

герцогъ. Прекрасно.

д'овиньи. Время?

герцогъ. Прошу васъ назначить.

д'овиньи. Девять часовъ утра, если вамъ угодно.

герцогъ. Прекрасно. Оружіе?

д'овиньи. Мнѣ ненужно вамъ этого говорить. Мы оба дворяне, а оружіе дворянъ — шпага. Мы выйдемъ со шпагами; никто этого не замѣтитъ, никто ничего не можетъ сказать.

герцогъ. Прекрасно. Завтра въ 9-ть часовъ, въ Сильвійскомъ лѣсу съ одними шпагами.

д'овиньи. Это рѣшено.

д'овре, *(ударяя ихъ по плечу маленькой черной палочкой съ бѣлымъ яблокомъ.)* Стой! именемъ короля! Вы подлежите суду Франціи, черезъ 8 дней, черезъ насъ, вѣстника и провозвѣстника, кавалера д'Овре, уполномоченнаго гг. маршаловъ Франціи и смотрителя за поединками.

д'овиньи. Насъ подслушала.

герцогъ. д'Овре!... чтобъ васъ чертъ побралъ, кавалеръ! нельзя имѣть ни малѣйшаго объясненія, безъ того, чтобъ вы не явились тутъ со своей черной палочкой!

д'овре. Да! это я, господа, и подумайте, герцогъ; подумай-

те вы, кавалеръ! это не шутка, потому, что вы предупреждены, и считая съ этой минуты, ваши головы между плахой и топоромъ. Дайте же мнѣ честное слово, что до-того времени, какъ гг. маршалы Франціи, не разсудятъ, — быть ли между вами дуэли, или не быть, — у васъ не будетъ ни дуэли, ни встрѣчи.

герцогъ. Это зависитъ отъ г. д'Обиньи, кавалеръ. Если онъ вамъ дастъ свое слово, я даю свое. Впрочемъ, я васъ предупреждаю, что обязанъ слѣдовать за нимъ всюду, куда ему угодно будетъ вести меня, — даже на эшафотъ.

д'Обиньи. Я желалъ вашей смерти, герцогъ; — но я желалъ вамъ дать ее отъ своей руки! Процессъ и судьи — совершенно лишніе. Между мной и г. де Рышлье не должно быть другого судьи, кромъ Бога. Я даю вамъ свое слово г. д'Овре.

д'Овре. Что не будетъ между вами, ни дуэли, ни встрѣчи?

д'Обиньи. Слово кавалера.

герцогъ. Слово герцога и Пера.

д'Овре. Хорошо, господа: я полагаюсь на ваше слово. *(Онъ отходитъ и опирается на стулъ одного изъ игроковъ.)*

лакей, *(входя.)* Курьеръ изъ Парижа отъ имени его величества, проситъ позволенія говорить сію же минуту съ герцогомъ д'Омономъ.

д'Омонъ, *(вставая.)* Господа, вы позволите...

одинъ изъ игроковъ. Какъ же, какъ же г. герцогъ! Королевская служба прежде всего....

(Д'Омонъ выходитъ изъ-за стола и идетъ за слугою.)

герцогъ. Кавалеръ! я очень жалю.

д'Обиньи. Еще не все потеряно, герцогъ. Вы должны были думать, что это не можетъ кончиться такимъ образомъ, и что я не далъ бы своего слова, еслибъ не нашелъ другаго средства кончить дѣло. Неужели вы полагали, что я могъ удовольствоваться такимъ скорымъ и легкимъ извиненіемъ? Въ такомъ случаѣ, вы меня снова обидите, герцогъ.

герцогъ. Признаюсь, кавалеръ, я удивился, что вы такъ легко согласились...

д'Обиньи. Вы должны однакожъ это понимать: причина нашей дуэли не такова, чтобъ мы могли объявить ее въ судъ. Дѣв. де Белиль и безъ того довольно окомпрометрована,

чтобъ мы могли еще публично позорить ее подобными спорами: вѣтъ, герцогъ! О, будьте покойны, это не можетъ такъ остаться.

герцогъ. Но, подумайте, кавалеръ; мы теперь обязаны честнымъ словомъ...

д'овиньи. Что между нами не будетъ ни дуэли, ни встрѣчи: вотъ и все. Но тотъ, кто серьезно хочетъ отмстить за нанесенное ему оскорбленіе; тотъ, кто уже не можетъ надѣяться въ этомъ мѣрѣ ни на спокойствіе, ни на счастье; кто твердо рѣшился погибнуть отъ руки противника, или погубить его какимъ-бы то ни было образомъ, тотъ, г. герцогъ, всегда найдетъ тысячу средствъ, для исполненія своего намѣренія. Нужно только, чтобъ его противникъ былъ мужественъ и понималъ, что нельзя ни въ чемъ отказать человѣку, котораго всего лишили.

герцогъ. Лъщу себя надеждой, кавалеръ, что вы найдете во мнѣ такого мужественнаго противника.

д'овиньи. Справедливо, г. герцогъ; я потому и далъ свое слово, что надѣялся на ваше мужество.

герцогъ. Вы хорошо слышали, и я рискую своимъ именемъ, если откажусь отъ вашего предложенія, какое бы оно ни было.

д'овиньи. Ну! г. герцогъ, вотъ кубокъ, вотъ кости. На три раза... и тотъ, кто проиграетъ.

герцогъ. Тотъ, кто проиграетъ...

д'овиньи. Прострѣлить себя голову; это тоже родъ дуэли, противъ котораго суду нечего сказать.

герцогъ. А! А! это очень замысловато!...

д'овиньи. Вы колеблетесь, герцогъ?

герцогъ. Гм! но послушайте, предложеніе очень странное...

д'овиньи. Г. герцогъ, вы отказываетесь?

герцогъ. Нѣтъ; но я размышляю.

д'овиньи. Г. герцогъ, подумайте, что можетъ случиться во 2-й разъ въ минуту вашего вызова...

герцогъ. Что можетъ случиться?

д'овиньи. Что вы найдете позади себя офицера коннетаблей!

герцогъ. Послѣ?

д'овиньи. Послѣ могутъ сказать, что очень удобно быть предупрежденнымъ г. д'Овре?

герцогъ. Не скажутъ ничего, милостивый государь; я согласенъ.

д'Обиньи. Хорошо, герцогъ! я ожидалъ этого отъ васъ.

герцогъ. Только я у васъ попрошу шесть часовъ промежутка. Въ подобныхъ случаяхъ, всегда нужно привести кое-какія дѣла въ порядокъ...

д'Обиньи. Шесть часовъ, — быть такъ! *(они подходятъ къ столу.)*

герцогъ, *(садясь.)* Я въ восхищеніи, что буду играть съ вами?

д'Овре. Ахъ! вы играете?..

герцогъ. Э! Боже мой! да мы играемъ: хотите вы быть въ половинѣ со мною, д'Овре?

д'Овре. Охотно; но вы играете не на наличныя...

д'Обиньи. Нѣтъ; мы играемъ на слово... Вамъ, герцогъ.

герцогъ. Я не ставлю ничего. Начинайте, кавалеръ.

д'Овре. 50 лувдоровъ за Рившль, Шамильякъ.

шамильякъ. Держу.

д'Овре. Ну, господа.

д'Обиньи, *(тряся кости.)* Если вамъ угодно, г. герцогъ. *(кидаетъ.)* Пять.

герцогъ, *(кидаетъ.)* Восемь.

шамильякъ. Я пользуюсь правомъ продолжать игру.

д'Овре. Но, узнайте прежде, угодно ли будетъ имъ продолжать.

герцогъ. Да.

д'Обиньи. Вамъ начинать, герцогъ.

герцогъ. Согласенъ. Можетъ быть, вы будете счастливые, кавалеръ. Девять.

д'Обиньи, *(тряся кости.)* Вы несчастливы, г. Шамильякъ, и я начинаю думать, что вы были бы въ убыткѣ, играя за меня: 11 — ть. Я ошибся.

шамильякъ. Мы квитъ, д'Овре.

герцогъ. Продолжаете вы, г. д'Обиньи?

д'Обиньи. Безъ сомнѣнія, г. герцогъ.

д'Овре. И я тоже.

герцогъ. Семь.

д'Обиньи. Семь.

д'Овре. Партія — нуль.

герцогъ. Не оставимъ ли мы такъ, кавалеръ?

д'Обиньи. Вотъ мой отвѣтъ. Девять.

герцогъ. Одиннадцать.

д'Обиньи, *(вставая.)* Я проигралъ, герцогъ.

шампльякъ. Вотъ вамъ 50 — ть луидоровъ, д'Овре.

герцогъ. *(подходя къ кавалеру д'Обиньи.)* Кавалеръ... скажите мнѣ... я надѣюсь, вы не примете серьезно этой партіи?

д'Обиньи. Почему вы такъ думаете, смѣю спросить.

герцогъ. Потому, что такая партія невозможна.

д'Обиньи. Еслибъ она была невозможна, вы бы не согласились на неѣ.

герцогъ. Да; но еслибъ я проигралъ.....

д'Обиньи. Еслибъ вы проиграли, вы бы сдержали свое слово, какъ я сдержу свое. Долги игорные священны, г. герцогъ.

герцогъ. О! но я васъ прошу.

д'Обиньи. Теперь три часа утра. Въ 9 часовъ, герцогъ, я вамъ заплачу *(онъ уходитъ.)*

герцогъ, *(идя за нимъ.)* Вы съ ума сходите; надѣюсь, что вы ничего не сдѣлаете съ собою...

(Д'Обиньи оборачивается, кланяется герцогу и уходитъ.)

С Ц Е Н А Ш.

герцогъ *(на аванс-сценѣ, оставленный мало-по-малу всѣми гостями, которые уходятъ въ танцовальную залу.)*

Онъ сдѣлаетъ, какъ говоритъ, я въ этомъ увѣренъ. Есть люди, которыхъ нужно только разъ видѣть, чтобы судить о нихъ.... Но.... неужели нѣтъ никакого средства помѣшать ему сдѣлать подобную глупость?.. О!.. какъ подумаешь, что прійдя домой, хладнокровно... одинъ... онъ хочетъ... да это убійство, клянусь честью!.. Молодость, храбрость, прекрасное имя... и все это перестанетъ существовать!.. черезъ 6 часовъ!.. и за безславное пари, которое я бы желалъ лучше сто

разъ проиграть, тѣмъ болѣе, что теперь, пусть чортъ меня возьметъ, если я понимаю, какъ я его выигралъ.... Клянусь честью, если этотъ малой прострѣлитъ себѣ голову,—это будетъ меня преслѣдовать цѣлую жизнь... Еслибъ я былъ въ Парижѣ, я бы бросился къ королю, выпросилъ—бы тайное повелѣнiе, и посадилъ—бы кавалера въ Бастаю... тамъ... развѣ повѣсятся на засовъ.... Но здѣсь нѣтъ средства.... право, я схожу съ ума.

С Ц Е Н А IV.

ГЕРЦОГЪ ДЕ РИШЛЬЁ, ГЕРЦОГЪ Д'ОМОНЬ.

Д'омонь, *(который подошелъ сзади и слышалъ послѣднiя слова.)* Да и есть отъ чего сойти съ ума.

герцогъ. Отъ чего?

д'омонь. Да отъ того, что случилось.

герцогъ. Развѣ и съ тобой что нибудь случилось? Въ самомъ дѣлѣ, ты такъ разстроенъ.

д'омонь. И есть отъ чего. Ты незнаешь Парижскихъ новостей!

герцогъ. Нѣтъ.

д'омонь. Въ кабинетъ рѣшительная перемѣна.

герцогъ. Ба!

д'омонь. Епископъ Фрежюской—первый министръ.

герцогъ. Мосьё де Флери?

д'омонь. Да, онъ.

герцогъ. А герцогъ Бурбонской?

д'омонь. Арестованъ.

герцогъ. Арестованъ? принцъ крови!

д'омонь. Арестованъ.

герцогъ. Да, какъ же это?

д'омонь. Въ ту минуту, какъ онъ сѣлся въ карету, чтобъ ѣхать къ королю въ Рамбули, куда онъ самъ его пригласилъ, явился Шарфо и спросилъ у него шпагу.

герцогъ. Не можетъ быть!

д'омонъ. Любезный мой, а говорю тебѣ сущую правду; епископъ произвелъ настоящую серальскую революцію... Но это еще не все.

герцогъ. Какъ, еще не все! Еще есть что-нибудь?

д'омонъ. Я получилъ тайное повелѣніе, по которому маркиза де При должна быть сослана въ свое помѣстье.

герцогъ. А зачѣмъ оно адресовано тебѣ?

д'омонъ. Потому, что мнѣ, какъ капитану гвардіи, вѣльно ее проводить...

герцогъ. Ахъ, бѣдный мой д'Омонъ! Ну, что-же ты думаешь дѣлать?

д'омонъ. Надо повиноваться, чортъ возьми!

герцогъ. Дана ли, по-крайней-мѣрѣ, отсрочка въ королевскомъ приказѣ?

д'омонъ. Ни одной минуты. Курьеръ не иначе долженъ возвратиться въ Парижъ, какъ увидѣвъ, что мы отправились.

герцогъ. Ну, д'Омонъ, держись: вотъ Маркиза; она ищетъ тебя, ты далъ слово танцовать съ ней...

д'омонъ. Я бы желалъ лучше провалиться сквозь землю!

С Ц Е Н А V.

ТѢЖЕ, МАРКИЗА.

МАРКИЗА. Ну, д'Омонъ, что же вы тутъ дѣлаете? я васъ ожидаю!

герцогъ. Что онъ дѣлаетъ, сударыня? Спросите его лучше, что онъ будетъ дѣлать. Я убѣжденъ, что онъ еще и самъ не знаетъ.

МАРКИЗА. Что вы хотите сказать?

д'омонъ. Сударыня, простите меня; но я очень несчастливъ; я въ отчаяніи!

МАРКИЗА. Вы, д'Омонъ! Вы несчастливый отъ чего же?

герцогъ. Маркиза, чтобы ни случилось, прошу считать меня въ ряду вашихъ друзей; располагайте моимъ вліяніемъ, если только оно не пропало вмѣстѣ съ вашимъ!

МАРКИЗА. Съ мной! я лишилась власти? Да что вы тутъ говорите? въ умъ-ли вы оба?

Д'ОМОНЪ. Вы знаете, сударыня, что нельзя не повиноваться королю.

МАРКИЗА. Э! да кто-же думаетъ не повиноваться его величеству?

ГЕРЦОГЪ. Боже мой, — да онъ; бѣдный д'Омонъ! который желалъ бы неповиноваться, но принужденъ исполнить приказанія, вмѣ полученныя.

МАРКИЗА. Какія приказанія вы получили, г. герцогъ? Говорите, ради Бога, говорите.

Д'ОМОНЪ. Ненадобно отчаяваться, сударыня. Можетъ быть, это минутная немилость, не больше.

МАРКИЗА. Немилость! Но вы меня уморите оба своими приготовлениями: видите, я спокойна; говорите же мнѣ все, тотчасъ же.

ГЕРЦОГЪ. Маркиза! герцогъ арестованъ, вы сосланы въ свои помѣстья, а д'Омонъ получилъ приказаніе, сію же минуту проводить васъ въ мѣсто вашего изгнанія.

МАРКИЗА. Не можетъ быть, герцогъ. (д'Омонъ показываетъ указъ): Ахъ, Боже мой! подпиши его величества... Но немогу ли я видѣться съ герцогомъ Бурбонскимъ?

ГЕРЦОГЪ. Къ чему это? Вѣдь онъ и самъ арестованъ?

МАРКИЗА. Писать къ королю?

Д'ОМОНЪ. Безполезно: г. де Флери распечатаетъ письмо.

МАРКИЗА. Къ королевѣ?

ГЕРЦОГЪ. Это другое дѣло.

МАРКИЗА. Да, да; она вспомнитъ, что я ее извлекла изъ изгнанія, чтобъ возвестъ на первый тронъ въ міръ. Но кто ей отдастъ мое письмо?

ГЕРЦОГЪ. Я, Маркиза, и лично.

МАРКИЗА. Благодарю, герцогъ. Д'Омонъ, приготовьте мнѣ эту бумагу и перья, (она садится писать). О, Боже мой! Боже мой!

ГЕРЦОГЪ, (всматриваясь въ почеркъ). Маркиза!

МАРКИЗА. Что-же?

ГЕРЦОГЪ. Маркиза, это вашъ почеркъ?...

МАРКИЗА. Безъ сомнѣнія; зачѣмъ вамъ?

ГЕРЦОГЪ. Зачѣмъ? затѣмъ что... (вынимаетъ изъ кармана

письмо 2-го дѣйствія): это письмо и эта просьба не отъ дѣвицы де Белиль, а отъ васъ, Маркиза, и это вы, о! такъ это вы меня приняли въ ея комнату, гдѣ я думалъ найти ее?

МАРКИЗА. Неблагодарный!...

ГЕРЦОГЪ. Боже мой! Боже мой! *(онъ хочетъ выйти)*.

МАРКИЗА. Но куда же вы идете? подождите, пока я кончу письмо?

ГЕРЦОГЪ. О! не до вашего письма теперь.

МАРКИЗА. Да, что такое?

ГЕРЦОГЪ. Что такое? Что такое! то, сударыня, что черезъ 6 часовъ одинъ изъ храбрѣйшихъ дворянъ во-Франціи прострѣлитъ себѣ голову; и этимъ онъ обязанъ будетъ вамъ, если я не приду во время; вотъ, что это такое.

(Онъ идетъ, въ дверяхъ является д'Овре).

МАРКИЗА. Онъ съ ума сошелъ!

д'ОВРЕ, *(обращаясь къ Ришлье.)* Извините, мой любезный герцогъ, но я долженъ попросить вашу швагу.

ГЕРЦОГЪ. Какъ!?!...

д'ОВРЕ, *(показывая повеліе)*. По приказанію его величества.

ГЕРЦОГЪ. Арестованъ!

д'ОВРЕ. Его величество требуетъ васъ въ Парижъ; чтобъ вы отдали ему сейчасъ же отчетъ въ вашемъ поведеніи.

ГЕРЦОГЪ. О! сударыня!... Если этотъ молодой человекъ, по вашей милости застрѣлится, я вамъ этого не прощу во всю жизнь! Идемте! государь мой, идемте!

ДѢЙСТВІЕ V.

(Декорация та же, что и въ 5-мъ дѣйствіи).

СЦЕНА I.

дѣвица де БЕЛИЛЬ, ЛАКЕЙ.

дѣв. де БЕЛИЛЬ. Не правда ли, вѣдь ты хорошо знаешь кавалера д'Обиньи, молодого поручика королевскаго полка, который былъ здѣсь вчера и третьяго дни и котораго имя ты объявлялъ два раза?

лакей. Я его знаю, сударыня; можете быть совершенно покойны.

дѣв. де Белиль, (*запечатывает письмо*). Ищи его до-тѣхъ-поръ, пока найдешь. Впрочемъ, я думаю, онъ еще дома; теперь только-что семь часовъ утра... Потомъ, когда ты его найдешь, отдай ему это письмо и приведи его сюда: мнѣ нужно говорить съ нимъ сію же минуту! Послушай, прежде, чѣмъ пойдешь, пошли ко-мнѣ Мариетту.

лакей. Она уѣхала изъ замка вмѣстѣ съ Маркизой, сегодня ночью.

дѣв. де Белиль. А Маркизы нѣтъ въ замкѣ?

лакей. Она отправилась съ герцогомъ д'Омономъ еще прежде, чѣмъ кончился балъ.

дѣв. де Белиль. Но она возвратится... она пріѣдетъ... сегодня?

лакей. Немогу вамъ сказать! Но если угодно, постараюсь узнать.

дѣв. де Белиль. Да; но сперва отнеси это письмо: оно очень нужное (*онъ выходитъ*). Боже мой! что же здѣсь дѣлается! Вчера она сказала, что не можетъ со мною видѣться... сегодня утромъ уѣхала!... Я тутъ ничего не понимаю (*лакей возвращается*). Ну! ты еще не ушелъ?

лакей. Кто-то идетъ по большой лѣстницѣ; угодно вамъ принять, сударыня?

дѣв. де Белиль. О, нѣтъ! нѣтъ! Я никого непринимаю.

лакей. Извините; но точно...

дѣв. де Белиль. Ну?

лакей. Это кавалеръ д'Обиньи.

дѣв. де Белиль. О, такъ проси, проси скорѣе! и скажи мнѣ тотчасъ же, когда Маркиза возвратится.

С Ц Е Н А П.

дѣвица де Белиль, д'Обиньи.

д'Обиньи (*въ передней*). Дѣв. де Белиль.

дѣв. де Белиль. Пожалуйте, Рауль, пожалуйста: для васъ я

всегда дома: видите, я къ вамъ писала, я васъ ждала; но я не надѣялась васъ видѣть.

Д'обинья. И действительно меня привело сюда непредвидѣнное обстоятельство.

дѣв. де Белиль. Какое бы ни было это обстоятельство, я ему очень благодарна. Ахъ, вы здѣсь, Рауль! Вы со мной!

Д'обинья. Да; я пришелъ просить васъ оказать мнѣ услугу.

дѣв. де Белиль. Услугу, вамъ? О, говорите!

Д'обинья. У меня нѣтъ никого, Габріэль: мать моя умерла при моемъ рожденіи, отецъ убитъ въ Деванской битвѣ; у меня нѣтъ ни семейства, ни друзей.

дѣв. де Белиль. Ни друзей!

Д'обинья. Я рѣшительно незнаю, кого просить побережь очень важную для меня вещь, если вы не возьмете на себя этого труда.

дѣв. де Белиль. Что-же это такое?

Д'обинья. Это акты на мое имѣніе.

дѣв. де Белиль. Но за чѣмъ же вы отдаете мнѣ эти бумаги?

Д'обинья. Я ѣду, Габріэль.

дѣв. де Белиль. Вы ѣдете!

Д'обинья. Да, я расстаюсь съ вами; а въ дорогъ мало-ли что можетъ случиться.

дѣв. де Белиль. Что вы такое говорите?

Д'обинья. Я нехочу васъ пугать. Но кто можетъ предвидѣть будущее? Конечно, я бы назвалъ обманщикомъ того, кто бы мнѣ вздумалъ предсказывать происшествія, случившіяся со мною третьяго дни; но я нехочу больше, чтобъ меня застало врасплохъ несчастіе, какъ прежде. Я знаю, этимъ я неизбѣгну его; но, по-крайней-мѣрѣ, оно найдетъ меня готовымъ и рѣшительнымъ.

дѣв. де Белиль. Я слушаю васъ, Рауль, и не мяшаю вамъ говорить, хотя каждое ваше слово, какъ ударъ кинжала, поражаетъ до глубины мое сердце: продолжайте же, продолжайте, — вы не боитесь заставить меня страдать... Говорите; говорите....

Д'обинья. Повѣрьте, что съ своей стороны, мнѣ очень тяжело поступать такимъ образомъ. Но то, что я вамъ скажу, будетъ послѣднее важное слово, и этимъ все кончится.

дѣв. де Белиль. Я слушаю.

д'овиньи. Я сказалъ, что въ ту минуту, когда я хотѣлъ ѣхать, подумавъ о случайностяхъ, которымъ подвержена наша бѣдная жизнь, подумавъ, что можетъ быть, я уже не увижусь съ вами болѣе, я не захотѣлъ ѣхать, не испросивъ у васъ прощенья, за свои вчерашнія грубости... Не такъ легко расстаются съ надеждой на счастье, подобною той, которую питалъ я... уже четыре года. Потому, что уже четыре года, какъ я васъ люблю, Габріэль!

Но я размыслилъ потомъ, что если я умру вдали отъ васъ, вы можете подумать, что я умеръ, упрекая васъ, и что можетъ быть, эта мысль возмутитъ остатокъ вашей жизни... Я хотѣлъ, увѣжая, проститься съ вами, увы! уже не какъ женихъ съ невѣстой, а какъ братъ съ сестрою!

дѣв. де велиль. Рауль, вы жестоки; когда нибудь вы горько расскаетесь въ словахъ, которыя мнѣ говорите.

д'овиньи. Я не говорю вамъ однакожь ничего, кромѣ того, что долженъ вамъ сказать, чтобъ вы могли быть счастливы, если только вы можете быть счастливы! Неужели вы бы лучше хотѣли, чтобъ я ужалъ, не простясь съ вами и оставя васъ съ мыслью, что уношу въ сердце ненависть, тогда, какъ я васъ простилъ?

дѣв. де велиль. Простилъ!

д'овиньи. Да, простилъ; я не такъ давно еще получилъ на это силу: само небо ее мнѣ вдохнуло. Я провелъ часть ночи въ церкви. Да! забываютъ Бога въ счастіи; но когда счастіе уступитъ мѣсто бѣдствію, — всегда должно обращаться опять къ Богу. Увы! я забывалъ его такъ долго: я былъ такъ счастливъ! Но эту ночь я думалъ объ немъ, или лучше, — онъ думалъ обо мнѣ: я провелъ два часа въ церкви, плача и молясь! это васъ удивляетъ, Габріэль: Богъ вькогда вамъ не давалъ почувствовать необходимости молитвы, слезъ и алтара!

дѣв. де велиль. Бѣдный безумецъ!

д'овиньи. Вы правы, я былъ безумецъ. Но къ счастью—теперь исцѣленъ, потому, что я пришелъ домой, если не утѣшенный, по-крайней-мѣрѣ — спокойный... Тогда я сдѣлалъ приготовленія къ отъѣзду и пришелъ, какъ уже сказалъ вамъ, просить васъ побережечь эти бумаги... Если я возвращусь, вы ихъ мнѣ отдадите.... Если я умру, вы ихъ откроете.... Въ нихъ находятся нѣкоторыя посмертныя распоряженія, послѣдняя воля

умирающаго, на которую прошу васъ смотреть, какъ на вещь священную... Прощайте, Габріэль!

дѣв. де Белиль. (всторону.) Она еще не идетъ!

д'обиньи. Прощайте, Габріэль!

дѣв. де Белиль. Рауль!... Вы не увидите!

д'обиньи. Мнѣ должно вѣдать.

дѣв. де Белиль. Да, потому, что вы меня считаете виновной. Послушайте, я клянусь вамъ, Рауль, клянусь спасеніемъ моей матери, свободой моего отца, клянусь вашей жизнью, которая мнѣ дороже своей собственной, клянусь, Рауль; я невинна!

д'обиньи. Вы мнѣ уже говорили это, и я не повѣрилъ вамъ... Впрочемъ, развѣ я не слышалъ словъ герцога?

дѣв. де Белиль. Несмотря на его увѣрительный тонъ, котораго я сама немогу понять, — герцога солгалъ, или лучше, какъ я, былъ игрушкой какой-нибудь низкой хитрости. Но слушайте меня, Рауль.

д'обиньи. Я васъ слушаю...

дѣв. де Белиль. О! я мостунаю дурно, что хочу сказать вамъ... потому, что я клялась... Эту ночь... въ которую Ришелье увѣряетъ, что я приняла его.... въ эту ночь меня небыло въ замкъ...

д'обиньи. Вы не ночевали въ замкъ?

дѣв. де Белиль. Нѣтъ; я выѣхала отсюда въ 10 часовъ вечера, и возвратилась только въ 5 часовъ утра.

д'обиньи. Но гдѣ же вы были? ради Бога! гдѣ же вы были?

дѣв. де Белиль. Гдѣ я была... Ахъ! это только одна г-жа де При можетъ позволить мнѣ сказать вамъ.... я и то уже нарушила часть обѣщанія, сказавъ вамъ, что меня небыло здѣсь... Подумайте же, Рауль... будьте великодушны, Рауль, не спрашивайте меня больше.... я могу, чтобы удержать васъ здѣсь... о! я такъ страдала вчера, — что можетъ-быть, скажу вамъ все, все, забывъ священную клятву!

д'обиньи. Васъ небыло здѣсь!.. О! Боже мой, Боже мой!

дѣв. де Белиль. Я вамъ сказала, — меня здѣсь небыло... Теперь я васъ прошу объ одномъ... объ одномъ только.. подождите.. и если подождете напрасно, — вы меня убьете, или еще хуже, увидите, — презирая меня, Рауль! подождите же, чтобъ я могла представить васъ г-жѣ де При, и вымолить у

ней на колѣнахъ, — позволеніе открыть вамъ тайну.

д'овиньи. Г-жа де При! Но вѣдь вы хорошо знаете, что не увидите больше съ нею.

дѣв. де велиль. Какъ!

д'овиньи. Г-жа де При уѣхала сегодня ночью.

дѣв. де велиль. Уѣхала!

д'овиньи. Въ свои помѣстья, куда она послана въ ссылку.

дѣв. де велиль. Въ ссылку!

д'овиньи. Герцогъ Бурбонской увлекъ и ее въ своемъ паденіи... Но вы меня спрашиваете о вещахъ, которыя вы также хорошо знаете, какъ и я.

дѣв. де велиль. Герцогъ Бурбонской — уже не министръ?

д'овиньи. Нѣтъ, Габріэль; и вашъ отецъ свободенъ.

дѣв. де велиль. Герцогъ Бурбонской уже не министръ?

д'овиньи. Со вчерашняго вечера.

дѣв. де велиль. Поклянитесь мнѣ честью, Рауль...., что вы мнѣ говорите правду?

д'овиньи. Что съ вами?

дѣв. де велиль. Рауль, я васъ спрашиваю, — отвѣчайте мнѣ, какъ честный человекъ, — герцогъ Бурбонской министръ еще, или нѣтъ?

д'овиньи. Нѣтъ.

дѣв. де велиль. Но въ-такомъ-случаѣ, я вамъ все могу сказать; потому, что я разрѣшена отъ клятвы.

д'овиньи. Вы?

дѣв. де велиль. Да, я... Ахъ, Рауль! мы спасены!

д'овиньи. Спасены!

дѣв. де велиль. Да!.. въ эту ночь... Ахъ, какъ я счастлива!

д'овиньи. Ну! въ эту ночь.

дѣв. де велиль. Въ эту ночь съ письмомъ отъ г-жа де При, я уѣхала въ ея каретѣ. Эту ночь, въ которую ты думалъ, что я изменила тебѣ, несчастный! эту ночь я провела въ объятіяхъ моего отца, котораго, ты знаешь, я уже не видала три года.... И если ты сомнѣваешься, Рауль, — мой отецъ самъ поклянется тебѣ своими бѣлыми волосами, что я говорю истину.

д'овиньи. Молчите!.. Молчите!..

дѣв. де велиль. Вотъ причина моего смущенія, вотъ почему въ первый разъ я желала, чтобы ты оставилъ меня; вотъ почему, наконецъ, я не могла тебѣ ничего сказать; я поклялась

Маркизь, которая взяла съ меня слово, что до-тѣхъ-поръ, пока герцогъ Бурбонской будетъ министромъ, я буду хранить эту тайну, которая могла погубить ее и причинить смерть моему отцу. Спусти 10 минутъ, какъ вы оставили эту комнату, и уехала... и возвратилась только передъ тѣмъ, какъ вы сюда пришли.

д'овиньи. О!

дѣв. де Белиль. Ну! вы видите теперь, — что виноваты вы, и что я дѣлаюсь вашимъ судьей!.. Вспомните то, въ чемъ вы меня обвиняли, припомните, чему вы повѣрили, вспомните ужасныя слова, которыя вы мнѣ говорили, мнѣ, вашей Габріэли! Знаете ли вы, что послѣ того, какъ вы ушли отсюда, когда я чувствовала себя погибающею, вдали отъ моего отца, вдали отъ васъ, моего единственнаго и послѣдняго защитника, я думала, что меня оставилъ самъ Богъ, и я спрашивала себя, не лучше ли мнѣ умереть?

д'овиньи. Габріэль! Габріэль!

дѣв. де Белиль. Да! потому-что въ жизни я не могла оправдаться, можетъ-быть, вы повѣрили бы моей смерти! можетъ-быть, вы сказали бы: она умерла отъ того, что я хотѣлъ ее покينуть, — значитъ, она меня любила; а если любила, то не могла обмануть! Ну! теперь, кто изъ васъ двоихъ будетъ прощать другаго: вы, или я? Ни тотъ, ни другой! Вы меня любите и я васъ люблю: вотъ все. Забудемъ прошлое, будущее наше: оно вамъ улыбается. Будущее наше заключено въ двухъ словахъ: я тебя всегда любила; ты меня любишь еще!

д'овиньи. Довольно! довольно! Но въ такомъ случаѣ, скажите мнѣ... я былъ сумасшедшій... Вотъ теперь, я опять боюсь лишиться разсудка... если васъ небыло зясь, вы были въ Парижѣ.., все что говорилъ этотъ человекъ, была ложь... Значитъ, герцогъ солгалъ!.. О, это низко! О! (онъ смотритъ на стѣнные часы, которые бьютъ 8 часовъ съ половиной.) И остается только полчаса, чтобъ найти его, чтобъ отмстить ему!... Полчаса! не больше, какъ полчаса!.. О! Боже мой! Боже мой!

(Онъ бросается къ двери, Габріэль его удерживаетъ.)

дѣв. де Белиль. Рауль, я васъ не понимаю. Я вамъ доказываю, я вамъ повторяю, что люблю васъ; и вмѣсто того, чтобъ отвѣчать мнѣ, вы думаете объ этомъ человекѣ! оставьте

его, презирайте его клевету; мы выпросимъ благословеніе у моего отца: это будетъ легко теперь; потомъ, оставимъ Парижъ, возвратимся въ Бретань и будемъ счастливы!

д'Обиньи. Счастливы, Габріэль!.. счастливы!.. О! вы не знаете, въ свою очередь!.. вы не знаете!..

дѣв. де Велиль. Что-же такое?

д'Обиньи. Позвольте мнѣ выйти, позвольте мнѣ отыскать его до девяти часовъ.

дѣв. де Велиль. Вы не уйдете отсюда, Рауль... я незнаю, что вы хотите этимъ сказать, я незнаю, что вы хотите дѣлать... Но вы останетесь. О! я вамъ говорю, что вы не выйдете въ эту дверь. Я позову, я закричу.

д'Обиньи. О! умереть, умереть въ подобную минуту, — умереть безславно!.. Это ужасно!

дѣв. де Велиль. Но что вы такое говорите?

д'Обиньи. О! Габріэль! Габріэль! иди сюда... скажи мнѣ еще, что ты меня любишь, повтори мнѣ это еще разъ!.. я ошибался... я долженъ былъ вѣрить своимъ глазамъ; я долженъ былъ сомнѣваться больше въ самомъ себѣ, чѣмъ въ тебѣ! Но я считалъ тебя невѣрной: я думалъ, что долженъ отказаться отъ тебя навсегда! Боже мой: если бы ты подумала, что я измѣнилъ тебѣ, что бы сдѣлала?.. Ты умерла бы, не правда ли?.. Вотъ и всё! потому, что ты женщина, потому, что ты ангелъ! Ты не будешь думать о мщеніи, — ты умрешь, прощая... Но я!.. О! я хотѣлъ мстить!.. я былъ у этого чловѣка, Габріэль... можетъ быть я не долженъ бы былъ говорить ничего объ этомъ!.. Но я немогу больше... я его вызвалъ: мы должны были драться.

дѣв. де Велиль. Боже великій!

д'Обиньи. Насъ остановили... г. д'Овре взялъ съ насъ честное слово: намъ не оставалось больше никакого средства встрѣтиться, какъ объяснивъ въ собраніи маршаловъ, причину нашей дуэли!.. И эта причина была... твоё безчестье, Габріэль... или ты должна была погибнуть, или я былъ бы не отмщенъ! Тогда я предложилъ ему выиграть его, или проиграть свою жизнь въ кости.

дѣв. де Велиль. Рауль!..

д'Обиньи. Онъ согласился на это; потому, что онъ чловѣкъ храбрый.

дльв. де Белиль. И... д'овинья. И я проигралъ: вотъ и все.

дльв. де Белиль. Ахъ! я понимаю теперь: вы пришли ко мнѣ, чтобъ проститься со мною навсегда... Отъѣзды, о которомъ вы говорили, была ваша смерть!.. вы умерли бы за меня; Рауль: я была бы причиной вашей смерти!... Но вы не сдѣлаете этого: вы хотѣли умереть, потому, что считали меня виновной! Ну! вы видите, я невинна... вы знаете теперь, что я васъ люблю, что я васъ всегда любила... такъ зачѣмъ же умирать? Вы не можете умереть!.. О! этотъ человекъ!.. Боже мой! Боже мой! Зачѣмъ я встрѣтилась съ этимъ человекомъ?

д'овинья. Вы понимаете теперь, что я долженъ убить его.

дльв. де Белиль. О! вы не выйдете.. вы не оставите меня ни на минуту, ни на одну секунду.

д'овинья. Однакожъ, это одно средство для того, чтобъ мы могли спастись... умри онъ, и никто не будетъ знать того, что случилось!.. никто въ цѣломъ мѣрѣ не знаетъ, что сегодня въ 9 часовъ, я долженъ... Габріэль, смотрите, что я говорю такое.. я готовъ сдѣлать низость!.. и все это для васъ!.. Ахъ видите ли, я васъ люблю до безумія!

дльв. де Белиль. Да ты меня любишь, Рауль! и я также, я тебя люблю!.. однакожъ... ты жестокъ со мною... О! Боже мой! Боже мой! Если бы ты былъ у моихъ ногъ, какъ я теперь у твоихъ, ты заставилъ бы меня сдѣлать все, что бы захотѣлъ!.. Имя, честь, жизнь—я всё отдала бы тебѣ!.. Ахъ! вы мужчины, вы никогда не отдаете всего своего сердца любви: другой половиной обладаетъ гордость. Ну! скажи мнѣ, что мнѣ нужно дѣлать? Я немогу оставить тебя безъ помощи!.. Хочешь, я пойду, я отыщу его? Я скажу ему, что онъ убьетъ меня, лишавъ тебя жизни?.. О, сжался надо-мною, Рауль!.. Я чувствую, что теряю рассудокъ!.. Я съ ума схожу!..

д'овинья. Габріэль!.. Боже мой! Боже мой!.. пошли ей мужества!..

дльв. де Белиль. Мужества, чтобъ видѣть, какъ ты умрешь?.. Что-же такое ты говоришь мнѣ, Боже мой?.. или, чтобъ умереть съ тобою?.. Да, пожалуй, если ты хочешь, — я буду столь мужественна: я умру съ тобою.

д'овинья. О! это ужасно! умилосердись надо-мною, Габріэль! Габріэль!.. пощади!.. о! пощади меня!..

д'эв. де Белиль. Слышитель? *(входит)*

д'обивьи. Что?

д'эв. де Белиль. Это его голосъ!... это голосъ герцога!...

д'обивьи. Голосъ герцога! Да... точно.. О! само правосудіе Божіе ведетъ его сюда.

д'эв. де Белиль. *(усиливаясь удержатъ его)*. Рауль

д'обивьи. Въ свою очередь, Габріэль, войдите сюда... Я имью право требовать, чтобы сегодня вы сдѣлали для меня то, что для васъ я сдѣлалъ вчера.

д'эв. де Белиль. Нѣтъ! нѣтъ! Я не оставляю васъ однихъ.

д'обивьи. Габріэль! если вы останетесь!... я не отвѣчаю ни за что... если вы останетесь, я его убью у вашихъ ногъ!

д'эв. де Белиль. Я сдѣлаю все, что вамъ угодно!... все!...

д'обивьи. Будьте покойны... Идите же... идите...

герцогъ *(за дверями)*. Убирайся къ черту, негодяй! Я тебя говорю, что я знаю, что онъ здѣсь... что мнѣ должно съ нимъ говорить... и я буду говорить *(онъ отворяетъ дверь)*.

СЦЕНА III.

д'эв. де Белиль *(спрятанная)*, д'обивьи, герцогъ *(покрытый пылью)*.

д'обивьи *(герцогу, который бросается въ комнату)*. А! наконецъ, вы мнѣ попались!

герцогъ. А вы мнѣ. Я—таки довольно трусилъ, что не найду васъ больше. Теперь ужъ я васъ не отпущу.

д'обивьи. Герцогъ, вы солгали!

герцогъ. Я это знаю очень хорошо, чортъ возьми, что я солгалъ: я за тѣмъ и проскакалъ верхомъ по почтѣ десять миль, чтобъ вамъ это сказать. — Вы бы узнали это еще 6 часовъ прежде, еслибъ я не былъ арестованъ, какъ всѣ, и не отвезенъ въ Парижъ; но къ счастью, мнѣ нужно было сказать только одно слово королю, чтобъ оправдаться.... и я поспѣлъ въ пору.

(д'эв. де Белиль выходитъ изъ комнаты).

д'обвини. Что-же это значить?

герцогъ. Это значить, кавалеръ, что если вы не примите моихъ извиненій, если вы не простите меня, я буду горевать всю мою жизнь о томъ, что случилось между нами. Это значить, что я былъ обманутъ, осмъянъ, одураченъ, какъ глупецъ, г-жей де При, которая сама непонимала важности своего поступка. Это значить, кавалеръ, что дль. де Белиль самый чистый ангелъ, какой когда-либо сходилъ съ неба, и что я прошу позволенія склониться къ ея ногамъ и вымолить себъ прощеніе, потому, что я ее оскорбилъ, милост. государь, да, оскорбилъ, и я теперь сознаюсь въ этомъ, какъ въ поступкъ низкомъ и безчестномъ!... Ну, довольны ли вы, кавалеръ; и довольно ли этого?

дль. де Белиль. Ахъ! да, герцогъ.... все сказано, все ръшено! О! у васъ благородное сердце! О! Рауль! Рауль! чего же вы желаете еще, что не раздълаете моей радости и не благодарите Бога за наше счастье (герцогу). Вы не знаете, онъ хотълъ убить себя, несчастный!

герцогъ. Мы играли двъ партіи другъ-противъ-друга, кавалеръ; но я помню только ту, которую я проигралъ... Ну! заключаемъ мы теперь миръ или нтъ?

д'обвини, (представляя дль. де Белиль герцогу). Дль. де Белиль — моя жена. (представляя герцога де Ришлье дль. де Белиль). Г. де Ришлье — мой лучший другъ.

КОЛОКОЛА.

*Волшебная повесть о томъ, какъ нѣкіе колокола про-
возжали старый годъ и встрѣчали новый*

ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

—

ТРЕТЬЯ ЧЕТВЕРТЬ.

—

Черны грозныя тучи, мрачны глубокія воды, когда море мысли, пробуждаясь изъ глубокаго сна, выкинетъ поглощенные имъ трупы. Безобразныя, ужасныя чудовища возстаютъ въ этомъ преждевременномъ, несовершенномъ воскресеніи; различныя части и формы разнородныхъ предметовъ, соединяются и перемѣшиваются случайно между собою; и когда и какъ, и какими чудными переходами они снова отдѣляются другъ отъ друга, и какъ каждое ощущеніе, каждый предметъ мысли, снова принимаетъ свой обычный образъ и снова оживаетъ—того не скажетъ ни одинъ человѣкъ, хотя каждый человѣкъ бываетъ каждый день сосудомъ, въ которомъ совершается этотъ процессъ великой тайны.

Точно такъ же, нѣтъ возможности опредѣлить: когда и какъ ночью мракъ черной колокольни обратился въ яркій

свѣтъ; когда и какъ одинокая башня населилась тысячами образовъ; когда и какъ тихое «мучь его! гони его!» однообразно шептавшееся ему сквозь сонъ или обморокъ, обратилось въ громкій голосъ, кричавшій въ пробужденныя уши Тротти; «буди его!»; когда и какъ оставило его темное, сонное понятіе. Знаемъ только, что проснувшись и стоя, онъ видѣлъ слѣдующее волшебное видѣніе:

Онъ видѣлъ колокольню, на которую привлекла его волшебная сила крошечныхъ привидѣній, духовъ-колоколовъ. Они безпрестанно выползали, вылетали, выпадали, бросались изъ колоколовъ. Онъ видѣлъ ихъ во-кругъ себя на-полу; надъ собою—въ воздухѣ; одни ползли отъ него внизъ по веревкамъ; другіе смотрѣли на него сверху, съ массивныхъ балокъ, оконанныхъ желѣзомъ; выглядывали на него изъ щелей и просвѣтовъ въ стѣнахъ; уходили отъ него далѣе и далѣе кругами; какъ струи водъ, когда брошенный камень съ силою прорѣжетъ среди ихъ. Они были всѣхъ видовъ и образовъ; были тутъ уродливые и красивые, отвратительные и очаровательные; молодые и старые; добрые и злые; веселые и угрюмые; одни плясали, другіе пѣли; одни рвали на себѣ волосы, другіе ревѣли. Воздухъ сталъ отъ нихъ одною плотною массою. И безпрестанно они ходили по всѣмъ направленіямъ; опускались внизъ, взлѣтали вверхъ, убѣгали отъ него, подползали къ нему, не останавливаясь ни на одно мгновеніе. И камень, и кирпичъ, и аспидъ, и черепица, стали для него прозрачными, какъ и для нихъ. И видѣлъ онъ въ домахъ, какъ они суетились во-кругъ постелей спящихъ; какъ они однихъ утѣшали во-снѣ; другихъ сѣкли плетью, однимъ ревѣли надъ ушами; другимъ наигрывали у изголовья очаровательную музыку; однихъ тѣшили пѣніемъ птицъ и ароматомъ цвѣтовъ; другихъ пугали въ безпокойномъ снѣ, показывая имъ страшныя рожи въ волшебныхъ зеркалахъ, которыя держали въ рукахъ.

Онъ видѣлъ ихъ не только около спящихъ, но и около бодрствовавшихъ; они занимались самыми противорѣчащими дѣлами, принимали самые противоположныя виды. Одни подвязывали себѣ безчисленное множество крыльевъ, чтобы ускорить свой полетъ; другія обвѣшивали себя цѣпями и гириями, чтобы замедлить его. Одни подвигали стрѣлки часовъ впередъ;

другіе переводили ихъ назадъ; третьи силились совсѣмъ остановить часы. Одни совершали брачный обрядъ, другіе похороны; въ одной комнатѣ выборы, въ другой совершали балъ; вездѣ видѣлъ онъ неутомимое движеніе, неугомонную суету.

Смущенный этимъ роємъ странныхъ, безирестанно смѣняющихся образовъ, а также гуломъ колоколовъ, которые не переставали все время звонить, Тротти ухватился за деревянный устой, обращая то въ ту, то въ другую сторону блѣдное какъ смерть—лицо, въ нѣмомъ и безотчетномъ изумленіи.

Между-тѣмъ, какъ онъ такъ осматривался, колокола замолкли и мигомъ все измѣнилось! Весь рой духовъ исчезъ; образы ихъ сжимались, быстрота оставляла ихъ; они силились бѣжать, но падали, и немедленно умирали, и пропадали въ воздухѣ. И новые рой уже не смѣняли ихъ. Одинъ отсталый довольно живо бросился съ поверхности большого колокола, и вскочилъ на ноги, но не успѣлъ обернуться, какъ умеръ, и пропалъ. Нѣкоторые изъ послѣдніе-пришедшихъ, рѣзвившіяся на колокольнѣ, оставшись на ней, еще кружились нѣкоторое время, но и они становились съ каждымъ поворотомъ слабѣе, число ихъ уменьшалось, и скоро они всѣ послѣдовали за прочими. Послѣднимъ остался одинъ крошечный горбунокъ, забившійся въ звучный уголокъ, гдѣ онъ кружился, кружился и держался довольно долго, и съ такимъ упорствомъ, что онъ почти совсѣмъ сжался; оставалась одна нога, когда онъ рѣшился удалиться; наконецъ и онъ пропалъ, и на колокольнѣ стало тихо и безмолвно.

Тутъ только Тоби увидѣлъ въ каждомъ колоколѣ привидѣніе съ бороною, ростомъ съ самый колоколь. — И важно и мрачно смотрѣли на него эти исполинскія образы, а онъ стоялъ, какъ вкопанный на-полу.

Таинственныя, страшныя привидѣнія! Ни на что они не опирались, а стояли на темномъ воздухѣ, и окутанныя головы ихъ касались темной крыши; они были неподвижны и темны. Да, темны, хотя Тоби видѣлъ ихъ съ помощью какого-то свѣта, исходящаго отъ нихъ самихъ — другаго свѣта не было, — и у каждаго завернутая рука была приложена къ волшебнымъ устамъ.

Онъ не могъ опуститься въ люкъ, потому-что сланы оста-

вили его, онъ не могъ двинуться съ мѣста. Иначе, онъ бы это сдѣлалъ, — даже скорѣе бросился бы внизъ головою, съ колокольни, чѣмъ смотрѣть, какъ эти образы не спускали съ него глазъ, которые, казалось, видѣли бы и слѣдили бы за нимъ, хотя-бы имъ вырвали зрачки.

Потомъ страхъ уединеннаго мѣста, и темной, бурной ночи, окружавшей его, обхватилъ его своею волшебною рукою. Онъ былъ далекъ отъ всякой помощи; отдѣленъ отъ земли, на которой живутъ люди, длинною, темною, винтообразною лѣстницею, заселенною привидѣніями; высоко, высоко въ поднебесьи, куда ему было страшно днемъ смотрѣть на лѣтающихъ птицъ; отрѣзанъ отъ всѣхъ добрыхъ людей, которые въ такую пору спятъ спокойно у себя по домамъ; все это обдавало его холодомъ, проходило по немъ, не мыслью, а тѣлеснымъ ощущеніемъ. А между-тѣмъ, глаза его, мысли и страхъ были прикованы къ привидѣніямъ, смотрѣвшимъ на него; не похожи они были ни на какіе человѣческіе образы здѣшняго міра, въ глубокомъ мракѣ, окружавшемъ и обнимавшемъ ихъ со всѣхъ сторонъ, съ своими неестественными взорами и формами, и своимъ непостижимымъ стояніемъ на воздухѣ, а между-тѣмъ онъ видѣлъ ихъ такъ же ясно, какъ и суковатія дубовыя рамы, балки, полосы и косяки, на которыхъ висѣли колокола, и которыя окружали ихъ, будто обрубленный лѣсъ; и сквозь скважины и промежутки которыхъ, будто сквозь вѣтви засохшаго лѣса, они вперяли на него свои суровые и неподвижные взоры.

Порывъ вѣтра, — холодный и рѣзкій, — со стономъ пронесся сквозь колокольню. И между-тѣмъ, какъ онъ замиралъ, большой колоколъ, или духъ большаго колокола, заговорилъ.

«Зачѣмъ ты пришелъ!» спросилъ онъ. Голосъ его былъ глухъ и густъ, и Тоби показалось, что и въ другихъ колоколахъ раздались такіе же голоса.

«Мнѣ показалось, будто колокола произносили мое имя!» сказалъ Тоби, протягивая сложенные руки съ умоляющимъ видомъ. «Я самъ едва знаю, зачѣмъ я сюда зашелъ, и какъ зашелъ? Много лѣтъ я слушалъ колокола. Не разъ они ободряли меня.»

«И ты ихъ благодарилъ?» спросилъ колоколъ.

«Сколько разъ!» отвѣчалъ Тоби.

«Чѣмъ?»

«Я человекъ бѣдный», пробормоталъ Тебѣ; «ничѣмъ не могу благодарить, кромѣ словъ».

«Всегда ли благодарилъ?» спросилъ духъ колокола. «Не поносишь насъ никогда словами?»

«Нѣтъ!» отвѣчалъ Тебѣ, горячо.

«Никогда не отзывался о насъ несправедливо, ложно, злобно?» продолжалъ духъ.

Тебѣ хотѣлъ-было отвѣчать. «Нѣтъ!» Но остановился въ смущеніи.

«Голосъ времени,» сказалъ духъ, «кричитъ человекѣку: Иди впередъ! Время печется о его успѣхѣхъ и совершенствованіи; о его стремленіи къ высшему достоинству, къ большому счастью, къ лучшей жизни; о его движеніи впередъ къ той цѣли, которую онъ чувствуетъ въ своемъ сознаніи, видитъ передъ собою, которая опредѣлена ему еще тогда, какъ родился онъ и какъ родилось время. Наступали вѣка тѣмы, злобы и насилія, и прошла: несмѣтные милліоны страдали, жили и умерли, затѣмъ, чтобы указать ему дорогу впередъ. Кто старается обратить его назадъ или остановить въ его движеніи, останавливаетъ сильную машину, которая убьетъ незваного механика, и послѣ этой мгновенной задержки, пушится еще быстрѣе прежняго.

«Я никогда этого не дѣлалъ, сколько мнѣ самому извѣстно,» отвѣчалъ Тебѣ. «Если я когда это дѣлалъ, то развѣ печально; конечно, я никакъ бы не рѣшился это сдѣлать.»

«Кто влагаетъ въ уста времени, или его служителямъ,» продолжалъ духъ колокола, «крикъ скорби о времени, у котораго были свои испытанія и свои грѣхи, оставившіе такіе глубокіе слѣды, что ихъ увидить и слѣпой, — крикъ скорби, содѣйствующій настоящему времени только тѣмъ, что показываетъ людямъ, какъ нужна ему ихъ помощь, — кто дѣлаетъ все это, грѣшитъ. И ты согрѣшилъ такимъ образомъ противъ насъ—колоколовъ.»

Первый страхъ Тебѣ разсѣялся. Но онъ нѣкогда любилъ колокола, былъ имъ благодаренъ, какъ вы видѣли; и когда онъ увидѣлъ себя обвиненнымъ въ нанесеніи имъ оскорбленія, сердце его наполнилось раскаяніемъ и сожалѣніемъ.

«Если-бы вы знали,» сказала Тоби, сложивъ руки — «вы можете быть и знаете! — если-бы вы знали, сколько разъ вы бывали моими собесѣдниками; сколько разъ вы ободряли меня, когда меня брало уныніе; что вы были забавою моею малютки дочери, Мегъ (единственною забавою, какою она знала,) когда скончалась ея мать, и мы съ нею остались одни — вы не гнѣвались бы на меня за одно необдуманное слово!»

«Кто слышитъ въ насъ, колоколахъ, хоть одинъ звукъ презрѣнія, или холодности къ какой-либо надеждѣ, радости, печали, заботѣ многоскорбящей толпы; кто слышитъ, что мы своимъ говоромъ поддерживаемъ бы какое-нибудь вѣрованіе, измѣряющее людскія чувства и стремленія, какъ оно измѣряетъ подлую пищу, надъ которой часто плачется и увидаетъ человечество, — тотъ оскорбляетъ насъ. И ты оскорбилъ насъ!» сказалъ колоколь.

«Согрѣшилъ!» отвѣчалъ Тоби. «Простите меня!»

«Кто слышалъ, что мы становились отголоскомъ злыхъ земныхъ годовъ, угнетателей скорбныхъ, затоптанныхъ душъ, которымъ назначено было вознестись гораздо выше;» продолжалъ духъ колокола, «тотъ оскорбляетъ насъ. И ты оскорбилъ насъ!»

«Неумышленно,» простоналъ Тоби; «по-невѣдѣнію; неумышленно!»

«Наконецъ, главное!» продолжалъ колоколь; «кто отворачивается отъ падшаго, отъ посрамленнаго своего брата, отказывается отъ него, какъ отъ подлой твари, не старается сострадатьльвнымъ глазомъ извѣдать неизмѣримую пропасть, увлекшую несчастнаго отъ добра, не хочетъ знать, какъ онъ, въ паденіи, ловилъ каждый кустикъ, каждую травку, торчавшую въ рыхлой землѣ, какъ онъ, разбитый, умирая въ безднѣ, еще судорожною рукою хватался за нихъ; — тотъ грѣшитъ противъ неба и человѣка, противъ времени и вѣчности!»

«Сжальтесь,» простоналъ Тоби, падая на колѣна; «спомилосердуйте!»

«Слушай!» сказала привидѣніе.

«Слушай!» повторили прочія привидѣнія.

«Слушай!» повторилъ свѣтлый, дѣтскій голосъ, который показался Тоби давно-знакомымъ.

Тихо раздался въ церкви органъ. Усиливаясь постепенно, звукъ вознесся подъ сводъ, разлился по хорамъ, и расширяясь все болѣе и болѣе, пошелъ выше, выше, выше, пробуждая тронутыя сердца въ суковатыхъ дубовыхъ устояхъ, въ пустыхъ колоколахъ, въ кованыхъ дверяхъ, въ тяжелыхъ каменныхъ ступеняхъ; пока наконецъ самыя стѣны колокольни не стали ему тѣсны, и онъ не вспорхнулъ къ небесамъ.

И мудрено ли, что слабая грудь старика не могла держать такого широкаго и могучаго звука. Онъ вырвался изъ этой узкой тюрьмы потокомъ слезъ; Тоби закрылъ лице руками.

«Слушай!» сказала привидѣніе.

«Слушай!» повторили прочія привидѣнія.

«Слушай!» пролепеталъ дѣтскій голосокъ.

Торжественная пѣснь множества голосовъ вынеслась на колокольню.

То была тихая, печальная пѣснь, пѣснь за упокой; прислушиваясь къ ней, Тоби слышалъ между поющими голосъ своей дочери.

«Умерла!» воскликнулъ старикъ. «Умерла моя Мегъ! духъ ея зоветъ меня! Слышу!»

«Духъ твоей дочери оплакиваетъ умершихъ, и присоединяется къ умершимъ—оплакиваетъ погибшія надежды, погибшія желанія и мечты юности,» возразилъ колоколъ, «но она жива. Изъ жизни ея учись живой истинѣ. Узнай изъ примѣра существа самаго близкаго твоему сердцу, что злые родились злыми. Смотри, какъ каждый цвѣтъ, каждый листокъ будетъ сорванъ по одинакѣ съ самаго дивнаго стебля, смотри, какъ онъ можетъ стать голъ и безобразенъ. Слѣдуй за нею къ отчаянію!»

Всѣ привидѣнія протянули правыя руки, и указали ему внизъ.

«Духъ колоколовъ будетъ твоимъ проводникомъ,» сказала привидѣніе. «Ступай! онъ за тобою.»

Тоби обернулся, и увидѣлъ — ребенка! Того самаго ребенка, котораго Фернъ держалъ на рукахъ, когда онъ встрѣтилъ его на улицѣ; ребенокъ, подлѣ котораго, только-что передъ тѣмъ сидѣла Мегъ, боясь потревожить его сонъ.

«Самъ я несъ его нынче вечеромъ, на рукахъ,» сказалъ Тоби, «самъ на своихъ рукахъ?»

«Покажи ему, что такое онъ самъ,» сказали въ одно слово привидѣнія.

Колокольная разверзлась подъ его ногами. Онъ посмотрѣлъ внизъ, и увидалъ себя самого, лежащимъ у основанія ея, на дворѣ, разшибеннымъ и неподвижнымъ.

«Не въ живыхъ уже,» воскликнулъ Тоби; «мертвъ!»

«Мертвъ!» отвѣчали всѣ привидѣнія въ одинъ голосъ.

«Боже милосердый! и новый годъ!»—

«Прошедшій,» подхватили привидѣнія.

«Какъ!» воскликнулъ онъ, содрогаясь. «Я ошибся дорогою, вышелъ въ темнотѣ на наружную сторону колокольной, упалъ— за-годъ назадъ?»

«За девять лѣтъ назадъ!» возразили привидѣнія.

Выговаривая этотъ отвѣтъ, привидѣнія скрылись, и на мѣстѣ ихъ явились колокола.

И опять они зазвонили: пришла имъ снова пора. Опять зароилась несмѣтная толпа привидѣній; они суетились и копошились по-прежнему; и опять стали пропадать, какъ скоро колокола замолкли; и наконецъ, вовсе пропали.

«Что это за существа?» спросилъ онъ проводника. «Если я не брежу....»

«Духи колоколовъ; звуки ихъ въ воздухѣ,» отвѣчалъ ребенокъ. «Они принимаютъ такіе образы и занятія, какія имъ придаютъ надежды и помыслы людей, и воспоминанія, накопленныя ими въ продолженіе жизни.»

«А ты,» спросилъ Тоби боязливо; «кто ты?»

«Тшъ!» — отвѣчалъ ребенокъ. «Смотри!»

Онъ взглянулъ: въ бѣдой, низкой коморкѣ увидѣлъ онъ свою дочь, свою милую Мегъ; она сидѣла надъ такимъ же шитьемъ, надъ какимъ онъ часто видалъ ее прежде. И онъ не желалъ поцѣловать ея лица; не силится прижать ее къ своему любящему сердцу; онъ зналъ, что для него такія ласки уже не существуютъ. Но онъ удерживалъ трепетное дыханіе; отеръ слезы, застывшія глаза его; онъ желалъ только смотрѣть на нее, видѣть ее...

О, какъ она перемѣнилась! Отуманился свѣтъ ея чудныхъ глазъ. Румянецъ исчезъ на щекахъ ея. Она была хороша,

какъ прежде, но куда дѣвалась надежда? свѣжая надежда столько разъ одобрявшая его, какъ дружескій голосъ, когда онъ бывало смотрѣлъ на нее?

Она подняла глаза съ работы и обратила ихъ на собесѣдницу. Слѣдуя за ея глазами, старикъ едва не отскочилъ назадъ.

Онъ узналъ Лиліанъ во взрослой дѣвушкѣ, при первомъ взглядѣ. Такими же локонами вились ея длинныя, шелковистые волосы; то же выраженіе въ ея устахъ. Въ глазахъ, пристально обращенныхъ на Мегъ, тотъ же взглядъ, какой онъ прочиталъ въ глазахъ ея, когда принесъ въ первый разъ въ свое бѣдное жилище!

Но кто же такой подлѣ него!

Вглядываясь со страхомъ въ лицо дѣвушки, онъ замѣтилъ во всемъ ея существѣ, что-то воздушное, неопредѣленное, необъяснимое; что-то такое, отъ чего она казалась только слабымъ воспоминаніемъ ребенка—будто гаданіемъ того, чѣмъ бы она могла быть — но она, точно она, и въ томъ же платьѣ.

И вотъ онъ заговорили!

«Мегъ,» сказала Лиліанъ, съ робостью. «Что ты такъ часто поднимаешь глаза съ работы, и смотришь на меня?»

«Неужели мои взоры такъ перемѣнились, что они пугаютъ тебя?» спросила Мегъ.

«Ты сама улыбаешься своему вопросу! Но зачѣмъ же ты не улыбаешься, когда глядишь на меня, Мегъ?»

«Развѣ я не улыбаюсь!» возразила Мегъ, улыбаясь.

«Теперь такъ,» отвѣчала Лиліанъ. «Но обыкновенно, когда ты думаешь, что я занята и не вижу тебя, ты смотришь на меня съ такимъ безпокойствомъ, такъ сомнительно, что я почти не смѣю поднять глазъ.—Знаю, что нечему улыбаться, въ нашей трудной, тяжелой жизни; но прежде ты бывала такъ весела!»

«А развѣ теперь я не весела?» подхватила Мегъ съ страннымъ безпокойствомъ; и съ этимъ словомъ встала и обняла ее. «Неужели я усиливаю тебѣ еще тягость нашей тяжелой жизни, Лиліанъ!»

«Ты одна даешь мнѣ силу сносить ее,» отвѣчала Лиліанъ, горячо обвиняя ее, «для тебя одной я готова жить такою жизнью, Мегъ. Трудиться, вѣчно трудиться! Сколько часовъ, сколько дней, сколько долгихъ, долгихъ ночей труда безна-

дежнаго, безотраднaго труда, которому не видать и конца!— и за-чѣмъ? Загѣмъ—ли, чтобы конить богатство? чтобы жить хорошо и весело? чтобы жить, по—крайней—мѣрѣ, хотя скудно, но не въ крайней нуждѣ? нѣтъ, за тѣмъ только, чтобы выработать одинъ черствый хлѣбъ; чтобы имѣть чѣмъ волочить жизнь, и поддерживать въ себѣ сознаніе нашей тяжелой доли! О Мегъ, Мегъ!» воскликнула она, возвысивъ голосъ, и крѣпко обвила руки во—кругъ ея шеи, съ выраженіемъ невыносимаго страданія. «Какъ могутъ бездушные люди жить—себѣ и хладнокровно смотрѣть на такую жизнь!»

«Лили,» сказала Мегъ, утѣшая ее и сдвигая волосы съ ея омоченнаго слезами лица. «Полно, Лили! Тебѣ ли, молодой, прекрасной...»

«О Мегъ,» прервала Лилианъ, отталкивая ее отъ себя и впервые на нее умоляющіе взоры; «это всего хуже, всего хуже! Пускай бы я состарѣлась, Мегъ; пускай бы я увяла и сморщилась, только бы мнѣ избавиться отъ страшныхъ мыслей, искушающихъ мою молодость!»

Тоби обернулся, чтобы взглянуть на своего вожатаго; но его уже небыло; духъ ребенка улетѣлъ.

И самъ Тоби не долго оставался на этомъ мѣстѣ; сиръ Джозефъ Боулей, отецъ и другъ бѣдныхъ, давалъ у себя большой праздникъ, въ память дня рожденія Леди Боулей; а какъ Леди Боулей родилась въ новый годъ (что мѣстными газетамъ считали яснымъ указаніемъ Провидѣнія, предназначившимъ Леди Боулей быть единицею въ мірозданіи), то этотъ праздникъ давался всегда въ новый годъ.

Домъ Боулей былъ полонъ гостей. Тутъ былъ и краснолицый господинъ, и г. Файлеръ, и великій альдерманъ Кютъ. — Альдерманъ Кютъ имѣлъ какое—то симпатическое влеченіе къ великимъ люлямъ, и значительно подвинулъ свое знакомство съ сиръ Джозефомъ Боулей, начавшееся его вѣжливымъ письмомъ: такъ, что онъ съ—тѣхъ—поръ былъ въ домѣ его совершенно на дружеской ногѣ. — Много еще было тутъ гостей. Тутъ же была и тѣнь Тоби; грустно бродила тѣнь между ними, отыскивая своего вожатаго.

У Боулей готовился большой обѣдъ. И на этомъ обѣдѣ, сиръ Джозефъ Боулей, извѣстный, какъ другъ и отецъ бѣдныхъ, долженъ былъ держать большую рѣчь. Его друзья

и дѣти, должны были сначала покушать въ другихъ покояхъ, какихъ-то пломъ-пудинговъ; а потомъ, по данному знаку, друзья и дѣти должны были явиться толпою къ своимъ друзьямъ и отцамъ и составить семейное собраніе, въ которомъ ни одинъ мужественный глазъ не долженъ былъ оставаться неувлаженнымъ слезою умиленія.

Но не то еще должно было украсить праздникъ. Сирь Джозефъ Боулей, баронетъ и членъ Парламента, долженъ былъ сыграть партію въ бабки, — въ настоящія бабки—съ своими мызниками.

«Это напоминаетъ,» говорилъ альдерманъ Кютъ, «блаженные времена короля Галя, (*) здороваго короля Галя, толстяка Галя. А молодець былъ, король Галь.»

«Молодець,» отвѣчалъ г. Файлеръ сухо. «Тѣмъ, что женился и губилъ женъ. Скажу мимоходомъ, женщинъ гораздо больше, чѣмъ бы ихъ нужно по смѣтѣ.»

«Вотъ этотъ молодець будетъ жениться только на красавицахъ, а не станетъ губить ихъ, не такъ?» сказалъ альдерманъ Кютъ, обращаясь къ наследнику Боулея, мальчику лѣтъ двѣнадцати. «Что за милый ребенокъ! Мы скоро увидимъ этого молодца въ Парламентѣ,» продолжалъ альдерманъ, взявъ мальчика за плеча, и стараясь смотрѣть на него, сколько можно глубоко-комысленнѣе.» И не успѣемъ мы оглянуться, какъ услышимъ объ успѣхѣ его на выборахъ; а тамъ и рѣчи его въ палатѣ; и предложенія ему отъ правительства; пожалуй, и сами будемъ разсуждать о немъ въ городскомъ совѣтѣ; вотъ посмотрите, что будетъ такъ!»

«Вотъ что значитъ быть хорошо обутомъ!» подумалъ Тоби. Однако-же сердце влекло его къ ребенку, изъ любви къ тѣмъ босоногимъ мальчишкамъ, пожалованнымъ (альдерманомъ) въ негодян, но которые могли бы быть дѣтьми бѣдной Мегъ.

«Ричардъ,» прорычалъ Тоби, скитаясь взадъ и впередъ между гостей: «гдѣ онъ? Невидать Ричарда! гдѣ бы мнѣ отыскать его?»

(*) Уменьшительное Генриха. Англичане любятъ уменьшительныя имена, и лица, пользующіеся народною славою, почти не называются иначе, какъ уменьшительнымъ именемъ: Королева Бессъ (Елисавета), Уиль (Уильямъ) Шекспиръ, Бенъ (Венъяминъ) Диксонъ, и пр.

Трудно бы ему быть тутъ, если онъ живъ! Но горестъ и уединеніе смущали Тоби; онъ продолжалъ бродить среди веселой бесѣды, отыскивая своего вожатаго, и говоря: «гдѣ Ричардъ? покажите мнѣ Ричарда!»

Шатаясь такимъ образомъ, онъ встрѣтилъ г. Фиша, тайнаго секретаря Боулея; Фишъ былъ въ ужасномъ волненіи.

«Господи, Боже мой!» говорилъ Фишъ; «гдѣ же альдерманъ Кютъ? господа, не видалъ ли кто альдермана Кюта?»

Не видали ли альдермана Кюта? прошу покорно! Да могъ ли кто не видать альдермана? онъ былъ человѣкъ такой разсудительный, такой обходительный; такъ хорошо постигалъ естественное желаніе всѣхъ и каждаго видѣть его, что, если водился за нимъ грѣшокъ, то именно тотъ, что онъ былъ всегда на-виду. А гдѣ были великіе люди, тамъ непременно былъ и альдерманъ Кютъ, привлеченный вѣроятно тайною симпатіею, связывающею великія души.

Нѣсколько голосовъ отвѣчали Фишу, что альдерманъ въ кружкѣ, собравшемся около сира Джозефа. Фишъ поспѣшилъ туда, нашелъ его, и отвелъ тихонько къ сосѣдному окну. Тоби пошелъ за ними; не по добровольному желанію, а потому, что его что-то тянуло за ноги.

«Любезный альдерманъ Кютъ,» сказалъ Фишъ. «Отойдемте подальше, на одно слово. Случилось ужасное происшествіе! я только-что сейчасъ получилъ извѣстіе. Я думаю, что не лучше ли будетъ не говорить о немъ сегодня сирю Джозефу. Вы знаете сира Джозефа, и вѣроятно согласитесь съ моимъ мнѣніемъ. Самое ужасное и горестное происшествіе!»

«Фишъ!» воскликнулъ альдерманъ; «любезный другъ, Фишъ, что такое? Ужъ не возмущеніе ли? не возстаніе ли на должностныхъ лицъ?»

«Банкиръ Дидльзъ,» процентовалъ секретарь; «банкиръ Дидльзъ, котораго ждали сегодня къ обѣду — первое лицо въ цѣхѣ золотыхъ дѣлъ мастеровъ....» —

«Что-же? — не арестованъ-ли!» воскликнулъ альдерманъ. «Невозможно!»

«Застрѣлился.»

«Боже милосердый! какъ такъ?»

«Да такъ-же, отвѣчалъ Фишъ; у себя въ конторѣ, дву-

ствольный пистолеть въ ротъ, и застрѣлился. И безо-всякой причины. Дѣла шли царски!»

«Дѣла богатая!» возразилъ альдерманъ. «И славное состояніе. Препотенный былъ человекъ. И застрѣлился, г. Фишъ, самъ поднявъ на себя руку!»

«Нынче утромъ,» подхватилъ Фишъ.

«О голова, голова!» воскликнулъ благочестивый альдерманъ, воздвѣвая руки къ небу. «Нервы, нервы; тайныя пружины машины, называемой человекѣмъ. И какъ мало нужно, чтобы разстроитъ ее: жалкія мы творенія, г. Фишъ. Можетъ быть обѣдъ, г. Фишъ. Можетъ быть поведеніе сына, который, какъ я слышалъ, пустился въ мотовство, и надавалъ векселей на отца безъ всякаго позволенія! Препотенный былъ человекъ. Одинъ изъ самыхъ почтенныхъ людей, какихъ случалось мнѣ знать. Крайне горестное происшествіе, г. Фишъ. Чувствительная утрата для всего общества! Я считаю обязанностью наложить глубокой трауръ. Препотенный человекъ! Но есть надъ нами Провидѣніе; надо покориться его святой волѣ, г. Фишъ; надо покориться Провидѣнію!»

Какъ, альдерманъ, ни слова о преслѣдованіи самоубійства? Вспомни, судья, свою гордую похвалю строгою нравственностью? Послушай, альдерманъ! вотъ тебѣ вѣсы. Положи-ка въ эту пустую тарелку—бывшую мать, у которой нѣтъ куска хлѣба, у которой отъ голода и страданія изсыкла грудь и неудовлетворяетъ требованій ребенка, получившаго на нихъ право отъ первой прародительницы нашей, Эвы. Взвѣсь обѣихъ, судья; и ты предстанешь къ суду, когда пробьетъ твой часъ! Взвѣсь ихъ въ глазахъ тысячи страдальцевъ, которые будутъ свидѣтелями твоего подлаго лицемѣрія и не забудутъ его! — А если бы, положимъ, ты самъ сошелъ съ ума—оно же не такъ трудно, чтобы и не могло случиться—и если бы самъ наложилъ на себя руку, подавая примѣръ подобнымъ тебѣ (если есть подобные тебѣ), какъ тышить свою злобу надъ разстроенными головами и убитыми сердцами. Чтожъ тогда?

Эти слова рождались въ груди Тоби, будто бы ихъ говорилъ какой-то чужой голосъ, внутри его. Альдерманъ Кютъ обѣщалъ Фишу помочь ему сообщить ввечеру горестное происшествіе сирѣ Джозефу. Потомъ, разставаясь съ нимъ, онъ крѣпко пожалъ Фишу руку, съ выраженіемъ глубокой

печали, и сказалъ: «Самый почтенный былъ человекъ! И присоединилъ, что онъ (даже онъ!) не постигаетъ, зачѣмъ такіе случаи допускаются на землѣ.»

«Можно бы иной разъ почти подумать,» сказалъ альдерманъ Кютъ, «что въ природѣ происходятъ отъ времени до времени разрушительные кризисы, разстроивающіе порядокъ общественнаго устройства. Банкиръ Дилльзъ!»

Партія въ бабки сошла съ огромнымъ успѣхомъ. Сиръ Джозефъ очень ловко сбивалъ бабки; молодой Боулей также участвовалъ въ игрѣ, но на меньшемъ разстояніи; а зрители говорили въ одинъ голосъ, что когда баронетъ и сынъ баронета играють въ бабки съ простолюдными, это вѣрный признакъ, что все въ государствѣ скоро опять пойдетъ, какъ слѣдуетъ.

Въ надлежащее время подали обѣдъ. Тоби невольно послѣдовалъ за гостями въ столовую; его влекла туда какая-то сила, превосходившая его свободную волю. Зрелище было чудесное; дамы были прекрасны собою; всѣ гости были веселы, довольны, разговорчивы. Но когда отворились двери въ концѣ залы и вошла толпа народа въ своихъ сельскихъ нарядахъ, вотъ тутъ-то праздникъ явился во всей своей красѣ; но Тоби все чаще и чаще шепталъ: «гдѣ же Ричардъ? онъ помогъ бы ей, утѣшилъ бы ее! не найду-ли я Ричарда!»

Уже было говорено много рѣчей; уже было провозглашено здоровье леди Боулей; уже сиръ Джозефъ отблагодарилъ дорогихъ гостей; уже онъ произнесъ свою большую рѣчь, въ которой доказывалъ, какъ дважды два, различными доводами, что онъ по предопредѣленію Провидѣнія, отецъ и другъ бѣдныхъ; уже онъ объявилъ тостъ за здоровье своихъ друзей и дѣтей, и за достоинство труда; какъ вдругъ какая-то суматоха въ концѣ залы привлекла все вниманіе Тоби. Послѣ нѣкотораго беспорядка, шума и сопротивленія, какой-то человекъ пробился сквозь толпу и сталъ одинъ впереди ея.

Это былъ не Ричардъ. Нѣтъ. Но человекъ, о которомъ онъ не разъ вспоминалъ, котораго онъ не разъ искалъ. Если бы не было такъ свѣтло, онъ усомнился бы, точно ли этотъ истощенный, съдой, сгорбленный старикъ, тотъ самый, о комъ онъ думалъ; но при блескѣ лучей, падавшихъ отъ множества лампъ на съ-

дую, узловатую голову выступившаго впередъ старика, онъ долженъ былъ признать въ немъ Уиля Ферва.

«Что такое!» воскликнулъ сиръ Джозефъ, вставая. «Кто впустилъ этого челоуѣка? Это негодяй, выпущенный изъ тюрьмы! Г. Фишъ, потрудитесь —»

«Позвольте!» перебилъ Уиль Фервъ. «Одно слово! Миледи, вы родились въ этотъ день, вмѣстѣ съ новымъ годомъ; вы просите мнѣ позволенія сказать два слова.»

Леди Боулей вступилась за него и сиръ Джозефъ сѣлъ на мѣсто, съ врожденнымъ ему величіемъ.

Оборванный гость — онъ былъ рѣшительно въ лохмотьяхъ — окинулъ взоромъ всю бесѣду, и засвидѣтельствовалъ ей свое почтеніе низкимъ поклономъ.

«Господа!» сказалъ онъ. «Вы изволили пить за здоровье земледѣльца. Взгляните на меня.»

«Прямо изъ тюрьмы,» сказалъ Фишъ.

«Прямо изъ тюрьмы,» повторилъ Фервъ. «И не въ первый разъ, не во-второй, не въ третій, и даже не въ четвертый.»

Фишъ замѣтилъ, что четыре раза быть въ тюрьмѣ, уже ни на что, не похоже; и что ему должно бы стыдиться самого себя.

«Господа!» повторилъ Фервъ. «Взгляните на меня! Вы видите, я дошелъ до послѣдней степени бѣдствія и нищеты, такъ, что мнѣ уже хуже быть не можетъ, такъ, что вы уже не можете сдѣлать мнѣ ни зла, ни даже добра; ибо время, когда доброе слово или доброе дѣло могли бы еще мнѣ помочь.» — и онъ прижалъ руку къ груди, и покачалъ головою, «прошло, какъ запахъ прошлогоднихъ бобовъ или клевера въ воздухъ. Но позвольте мнѣ замолвить слово за нихъ,» показывая на паредъ, собравшійся въ залъ; «и если вы уже собрались, выслушайте хоть одинъ разъ слово правды.»

«Здѣсь не найдется ни одной души,» сказалъ хозяинъ, «желающей поручить ему вести за себя рѣчь.»

«Пожалуй, что и такъ, сиръ Джозефъ; я этому повѣрю. Но тѣмъ не менѣе, я скажу правду. Это можетъ быть и подтверждаетъ истину моихъ словъ. Господа, я много лѣтъ жилъ въ злѣшнемъ помѣстьи. Можете даже видѣть мою избу за тѣмъ развалившимся заборомъ. Сотни разъ видалъ я, какъ барыни срисовывали ее въ свои книжки. Слыхалъ я, будто она очень

хороша на картинкахъ ; но въдъ на картинкахъ поголы вѣтъ; она можетъ быть для картинокъ пригоднѣе, чѣмъ для житья. Ну! да я жилъ въ ней. Какъ трудно, какъ тяжело мнѣ было жить въ ней — и говорить нечего. Объ этомъ можете сами судить.»

Онъ говорилъ точно такъ же, какъ въ тотъ вечеръ, когда Тоби встрѣтилъ его на улицѣ. Голосъ его сталъ гуще и грубѣе, и отъ времени до времени немножко дрожалъ; но онъ никогда не увлекался страстью, рѣдко возвышался надъ мрачнымъ уровнемъ ежедневныхъ фактовъ, на которые ссылался.

«Труднѣе, чѣмъ вы думаете, господа, взрости порядочнымъ человѣкомъ, въ такой избѣ. Что изъ меня вышелъ человѣкъ, а не скогъ, уже говорить въ мою пользу. — Я говорю о томъ, что я былъ, — о томъ, что я теперь, говорить нечего; теперь на меня остается рукой махнуть!»

«Я очень радъ, что пришелъ этотъ человѣкъ,» замѣтилъ сиръ Джозефъ, весьма весело. «Не мѣшайте ему. Его привела рука Провидѣнія; онъ служить примѣромъ, живымъ примѣромъ. Я надѣюсь и увѣренъ, вполне увѣренъ, что этотъ примѣръ будетъ полезенъ для моихъ собравшихся друзей.»

Послѣ мнѣвснанаго молчанія, Фернъ продолжалъ, «Тащился я такъ и сякъ; какъ я жилъ, я и самъ незнаю, да и никто не понялъ бы; но тяжко было мое житье, и я немогъ принимать веселаго вида, чтобы увѣрить людей, что я доволенъ, когда бывалъ недоволенъ. А вы, господа, засѣлающіе въ мѣстныхъ совѣтахъ, когда вы видите неудовольствіе на лицѣ человѣка, вы говорите другъ-другу, этотъ человѣкъ подозрителенъ. Такъ было и тутъ. «У Уиля Ферна, что-нибудь нелоброе на умѣ; надо за нимъ присматривать!» Оно можетъ-быть очень справедливо, господа, я не спорю; знаю только, что оно такъ было; и съ того часа, сдѣлаетъ ли что Уиль Фернъ, или чего не сдѣлаетъ, — все равно — все взваливаютъ на него!»

Альдерманъ Кютъ заложилъ руки въ карманы жилета, растянулся на спинку стула, и улыбаясь, мигалъ передъ подсвѣчникомъ, стоявшимъ противъ него. Онъ будто хотѣлъ сказать: «Такъ и есть! я все это говорилъ вамъ напередъ. Общая пѣсня! Слава Богу, привыкли мы къ подобнымъ жалобамъ, и я, и все человечество.»

«Теперь, господа,» продолжалъ Фернъ, протянувъ руки, и изнуренное лицо его мгновенно разгорѣлось; «смотрите, какъ законы ваши преслѣдуютъ и терзаютъ насъ, когда мы доведены до такого положенія. Хочу я искать себѣ хлѣба въ другомъ мѣстѣ, я бродяга! въ тюрьму его!—Возвращаюсь я сюда. Иду въ лѣсъ, набрать орѣховъ; сломалъ сухую вѣтку — съ кѣмъ этого не случится?—въ тюрьму его!—Сторожъ вашъ увидѣлъ меня среди бѣла-дня, у собственнаго моего огорода, съ ружьемъ на плечѣ; въ тюрьму его!—Выпускаютъ изъ тюрьмы, ну какъ не сказать ему крупнаго слова?—въ тюрьму его!—Срубилъ я палку; въ тюрьму! Съѣлъ гнилое яблоко, или рѣпу; въ тюрьму! Изъ тюрьмы мнѣ двадцать миль домой; прошу чего-нибудь на дорогу; въ тюрьму его! Наконецъ, ужъ всякій конетель, или лѣсной сторожъ, все равно, только встрѣтитъ меня на дорогѣ безъ дѣла, такъ и шлетъ меня въ тюрьму; извѣстный бродяга, тюремная птица; для него нѣтъ другаго дома, кромѣ тюрьмы!»

Альдерманъ лукаво кивнулъ головою, будто бы говоря: И славный домъ!

«Не для себя я все это говорю!» продолжалъ Фернъ. «Кто мнѣ теперь отдастъ мою свободу, кто отдастъ мнѣ мое доброе имя, кто возвратитъ мнѣ мою невинную племянницу? Вся господа и всѣ барыни въ широкой Англiи не въ силахъ возвратитъ мнѣ ихъ. Но господа, имѣя дѣло съ такими же людьми, какъ я, принимайтесь съ надлежащаго конца. Давайте намъ лучшія жилища, когда мы въ колыбели; давайте намъ лучшую пищу, когда мы работаемъ изъ васущнаго хлѣба; дайте намъ болѣе снисходительные законы для направленія насъ на путь, когда мы съ него сбиваемся; не ставьте передъ нами все тюрьмы-да-тюрьмы, куда бы мы ни обратились. Чтобы вы не слѣзали для бѣднаго труженика, все онъ приметъ съ любовью и благодарностью; ибо душа у него терпѣливая, миролюбивая, кроткая. Но прежде всего должны вы возстановить въ его сердцѣ любовь къ вамъ; ибо теперь, будь онъ пропащій человекъ, какъ я, или человекъ надежный, какъ ты, которые здѣсь собрались, — сердце его чуждается васъ. Внушите ему любовь, господа, дайте ему довольство; пока не насталъ день, когда священныя слова измѣнятся въ его измѣнившемся умѣ, и не явятся ему такъ, какъ являлись иногда мнѣ, — когда я былъ въ тюрьмѣ: «Куда ты идешь — я не пойду; гдѣ

ты обитаешь, я не буду обитать; твой народъ не мой народъ; твой Богъ не мой Богъ!»

Тутъ въ залѣ слымалась внезапная суматоха; сначала Тоби думалъ, что нѣсколько человекъ встали, чтобы выгнать Ферна, и что это было причиною перемѣны. Но вслѣдъ за тѣмъ, онъ замѣтилъ, что зала, и гости, и народъ исчезли, и передъ нимъ опять очутилась дочь, сидящая за работою. Чуланъ ея былъ еще тѣснѣе и бѣднѣе прежняго; и небыло подлѣ нея Лиліаны.

Пяльцы, въ которыхъ она работала, были оставлены на полку и тщательно накрыты. Стулъ ея былъ оборочень къ стѣнѣ. Цѣлая повѣсть скорби была начерчена въ этихъ мелочахъ, и на исхудаломъ лицѣ Мегъ. О, кто не прочелъ бы этой раздирающей повѣсти!

Мегъ напрягала глаза надъ работою до-тѣхъ-поръ, пока не стало такъ темно, что она уже не видѣла витокъ; когда совсѣмъ смерклося, она зажгла тусклую свѣчу, и опять принялась за работу. А старикъ, отецъ ея, ходилъ невидимо около нея; смотрѣлъ на нее; любилъ ее, — какъ горячо любилъ! — припоминалъ ей вѣжнымъ голосомъ о быломъ времени, о колоколахъ. Хотя не зналъ онъ, бѣдный Тоби, что она уже немогла слышать его.

Прошла большая часть вечера, когда за дверью послышался легкій стукъ. Она встала и отворила дверь. На порогъ стоялъ человекъ неопрятный, забрызганный грязью, пьяный, истощенный невоздержностью и порокомъ, съ встрепанными волосами и небритою бородою; но по нѣкоторымъ слѣдамъ еще видно было, что онъ въ молодости былъ стройный и красивый мужчина.

Онъ остановился, ожидая, чтобы она позволила ему войти; а она, отойдя шага на два отъ отворенной двери, безмолвно и грустно смотрѣла на него. Желаніе Тоби исполнилось. Ричардъ былъ передъ нимъ.

«Можно войти, Маргарита!»

«Войди!»

Хорошо, что Тоби узналъ Ричарда, прежде, чѣмъ онъ заговорилъ, ибо, если бы въ умъ его оставалось малѣйшее сомнѣніе, слыша неприятный, хриплый голосъ Ричарда, онъ бы увѣрился, что это не Ричардъ, а кто-нибудь другой.

Въ комнату было только два стула. Мегъ отдала свой Ри-

чарду, а сама стала въ некоторомъ разстояніи, ожидая, что онъ ей скажетъ?

Онъ между-тѣмъ сдѣлалъ, вперивъ мутные глаза въ полъ, съ безсмысленною, безжизненною улыбкою. Во всей его наружности проявлялось такое глубокое ниспаденіе, такое полное, безнадежное оскотѣніе, что Мегъ заслонила лицо руками, и отвернулась, чтобы онъ не видалъ, сколько это зрѣлище ее огорчало.

Пробужденный шорохомъ ея платья, или какимъ-то другимъ звукомъ, онъ поднялъ голову и заговорилъ, будто не замѣчая долгаго молчанія, следовавшаго за приходомъ его.

«Еще за работою, Маргарита? Поздно ты сидишь за работою.»

«Какъ всегда.»

«И рано садиться за работу?»

«Рано.»

«Да, она мнѣ это говорила. Она мнѣ говорила, что ты не знаешь усталости, или никогда не сознаешься въ усталости; что ты ни разу не жаловалась, во все время, пока вы жили вмѣстѣ. Не жаловалась даже, когда падала безъ чувствъ отъ истощенія и голода. Но я тебѣ все это уже говорилъ, какъ былъ у тебя въ послѣдній разъ.»

«Говорилъ,» отвѣчала она. «И я просила тебя больше мнѣ объ этомъ не поминать; ты торжественно обещалъ мнѣ, Ричардъ, никогда не говорить мнѣ объ этомъ.»

«Обещалъ,» повторилъ онъ, съ глупымъ смѣхомъ, и безсмысленнымъ взглядомъ; «торжественно обещалъ, да, торжественно обещалъ!» И вдругъ, будто снова проснувшись, какъ и впервые разъ, онъ продолжалъ съ внезапнымъ олушевленіемъ:

«Что-же мнѣ дѣлать, Маргарита? что мнѣ дѣлать? Она опять приходила ко мнѣ!»

«Опять!» воскликнула Мегъ, сжавъ руки. «О, неужели она такъ часто вспоминаетъ обо мнѣ! Приходила опять!»

«Приходила разъ двадцать,» отвѣчалъ Ричардъ. «Маргарита, она не отстаетъ отъ меня. Подходить ко мнѣ сзади на улицѣ, и кладетъ мнѣ насильно въ руку. Я слышу поступъ ея по-золѣ, когда работаю передъ горномъ (что бываетъ не часто, ха, ха, ха!), и я не успѣю обернуться, какъ слышу голосъ ея надъ

ушами: Ричардъ, не оборачивайся. Ради Бога, отдай ей! «Приноситъ на мою квартиру; присылаетъ въ запискахъ; стучится въ стекло и кладетъ на окно. Что мнѣ дѣлать? Посмотри!»

Онъ протянувъ руку, въ которой держалъ небольшой кошелекъ, побрякивая въ немъ деньгами.

«Спрячь его, Ричардъ, спрячь!» воскликнула Мегъ. «Когда она придетъ опять, скажи ей, Ричардъ, что я люблю ее всюю душою; что я никогда не ложусь спать, не благословивъ ее, не помолвившись за нее; что за одинокою моею работою, она ни на мигъ не выходитъ изъ моихъ мыслей; что она со мною и днемъ и ночью; что если я умру завтра, я буду вспоминать о ней до послѣдняго издыханія. Но что я немогу смотреть на это!»

Онъ медленно отдернулъ руку, и, славивая кошелекъ въ руку, сказалъ съ какою-то полусонною задумчивостью:

«Я ей это говорилъ; говорилъ ей все такъ ясно, какъ можно говорить словами. Разъ десять съ-тѣхъ-поръ относилъ я кошелекъ назадъ, оставлялъ его на ея порогъ. Но когда она пришла въ послѣдній разъ, стояла передо-мною лицомъ къ лицу, что мнѣ было дѣлать?»

«Ты видѣлъ ее!» воскликнула Мегъ, «видѣлъ ее въ лицо! О, Лиліана, моя душа! о, Лиліана, Лиліана!»

«Я видѣлъ ее,» продолжалъ Ричардъ, не въ отвѣтъ на вопросъ, и будто излагая по-порядку ходъ своихъ мыслей. Она стояла передо-мною, дрожа какъ листъ! и, говорила: «Что она, Ричардъ? Говорить ли когда обо-мнѣ? Очень она похудѣла? А мое старое мѣсто за столомъ; кто теперь на моемъ мѣстѣ? А пальцы, въ которыхъ она учила меня шить, она не сожгла ихъ, Ричардъ?» Да, я слышалъ, какъ она все это говорила, дрожащимъ голосомъ.

Слезы двумя ручьями текли изъ глазъ Мегъ; но она славивала рыданія въ груди, и слушала, наклонившись къ Ричарду, чтобы не проронить ни одного звука.

А Ричардъ, положивъ руки на колѣна, и наклонившись впередъ, будто то, что онъ говорилъ, было написано на полу едва понятными знаками, которые онъ силится разобрать и связать, продолжалъ:

«Ричардъ, я очень низко упала; и ты можешь судить, сколько меня огорчило возвращеніе этой помощи потому, что

я рѣшилась сама принести ее тебѣ опять. Но ты когда-то любилъ ее, и очень любилъ; я сама даже помню это. Чужіе прошли между вами; боязнь, сомнѣніе, ревность, тщеславіе, удалили тебя отъ нея; но ты любилъ ее, даже съ-тѣхъ-поръ, какъ я могу помнить! Кажется, въ-самомъ-дѣлѣ я любилъ, сказалъ онъ, прерывая мгновенно свою рѣчь.» Точно, любилъ! ну, да не въ томъ дѣло. — О Ричардъ, если ты ее когда любилъ, если ты не совсѣмъ забылъ, что было и прошло невозвратно, отнеси ей это еще разъ; еще разъ! Скажи ей, какъ я просила, какъ я умоляла тебя. Скажи ей, что я клала голову на твое плечо, на которомъ должна бы покоиться ея голова; скажи, съ какимъ я умиленіемъ просила тебя, Ричардъ! Скажи ей, что ты смотрѣлъ мнѣ въ лицо, видѣлъ мою красоту, которою она такъ любовалась, — увядшею, поблеклою; что вмѣсто ея ты видѣлъ только блѣдныя, истощенныя, впалыя щеки; что она залилась бы слезами, взглянувъ на нихъ. Все разскажи ей, и отнеси ей это, она уже не откажетъ. У ней не достанетъ духу отказать!»

Долго еще сидѣлъ онъ въ забытьи, повторяя послѣднія слова, пока наконецъ снова опомнился, и всталъ.

«Ты не возьмешь, Маргарита?»

Она покачала головою, безмолвно умоляя его оставить ее.

«Доброй ночи,» Маргарита.

«Доброй ночи!»

Онъ обернулся, чтобы взглянуть на нее, пораженный горестью, а можетъ быть и состраданіемъ къ нему, высказывавшемся въ ея дрожащемъ голосѣ. Это было дѣломъ одного мгновенія; но въ это мгновеніе искра прошедшаго озарила все его существо. Мгновеніе пролетѣло, и онъ вышелъ, точно такимъ-же, какъ вошелъ. И эта искра угасшаго огня даже не отмытила въ немъ сознанія его паденія.

Чтобы ни тѣснило грудь Мегъ, какая горесть, какое страданіе ни точило бы ея сердца, работа ея должна быть докончена. Она опять сѣла къ столу и принялась шить. Ночь. Полночь. Мегъ все шьетъ.

Въ каминѣ горѣлъ скудный огонь, потому, что ночь была сырая и холодная, и Мегъ по временамъ вставала и поправляла его. Между-тѣмъ, какъ она была этимъ занята, на колокольнѣ пробило половнина перваго, и въ тоже мгновеніе за дверью послышался слабый стукъ. Она не успѣла подумать, кто такой могъ

стучаться въ такую необычайную пору, какъ дверь отворилась.

О юность и красота, хотя бы вы были на верху счастья, смотрите! юность и красота, блаженныя и разливающія блаженство на все, что подходитъ къ вамъ: юность и красота, исполняющія цѣль, опредѣленную вамъ всеблагимъ Творцемъ, смотрите!

Мегъ увидѣла на порогъ женщину, — и вскрикнула. «Лиліана!»

Съ быстротою молвіи бросилась Лиліана, упала къ ногамъ ея, ухватилась за ея платье.

«Встань, встань, Лиліана! встань, мое сокровище!»

«Нѣтъ, Мегъ, нѣтъ, никогда! Здѣсь, здѣсь, у ногъ твоихъ, дай мнѣ обнять тебя, слышать на лицѣ своемъ твое тихое дыханіе!»

«Милая Лиліана, Лиліана! дочь моего сердца — любовь матери не могла бы быть вѣжвѣ моей любви — положи голову ко-мнѣ на грудь!»

«Нѣтъ, Мегъ, нѣтъ! когда я въ первый разъ смотрѣла тебѣ въ лицо, ты стояла передо мною на коленяхъ. Позволь мнѣ теперь умереть здѣсь, у ногъ твоихъ; — дай мнѣ здѣсь умереть!»

Ты возвратилась, Лиліана, моя душа! Мы будемъ жить вмѣстѣ, вмѣстѣ работать, вмѣстѣ надѣяться и вмѣстѣ умереть!»

Поцѣлуй меня, Мегъ; обвей меня своими объятіями; прижми меня къ сердцу; смотри на меня съ любовью; но неподнимай меня. Дай мнѣ умереть здѣсь. На коленяхъ, у ногъ твоихъ хочу я въ послѣдній разъ всмотрѣться въ твое кроткое лицо!»

О юность и красота, сверху счастья, смотрите! Смотрите юность и красота, спокойно исполняющіе опредѣленіе всеблагаго Творца!

«Прости меня, Мегъ! Милая, милая Мегъ, прости меня! Я знаю, что ты простила меня, вижу! но скажи мнѣ, Мегъ, что ты прощаешь меня! Прости меня, Мегъ!»

Мегъ исполнила требованіе, прильнувъ губами къ впалой щекѣ Лиліаны, обвивъ ее руками, и прижимая къ груди — да, она уже не могла сомнѣваться — изгнвишее, убитое сердце.

«Онъ благословитъ тебя, Мегъ. Поцѣлуй меня еще въ послѣдній разъ! Онъ позволилъ ей припасть къ ногамъ Его, и отирать ихъ своими волосами. О, Мегъ, Мегъ, вѣтъ милосердіе и состраданіе!»

Когда она умерла, духъ ребенка возвратился, чистый и свѣтлый, слегка коснулся руки старика, и сдѣлалъ ему знакъ, чтобы онъ слѣдовалъ за нимъ.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧЕТВЕРТЬ.

Слабое воспоминаніе объ исполнскихъ привидѣніяхъ въ колоколахъ мелькнуло опять въ воображеніи Тоби; какой-то отголосокъ давно затихшаго звона, какой-то неясный образъ, видѣнной имъ толпы крошечныхъ духовъ, безпрестанно смѣнявшихся новыми толпами до-тѣхъ-поръ, пока самое воспоминаніе ихъ не терялось въ несмѣтности ихъ числа; какое-то темное сознаніе, непонятно откуда почерпнутое, что много прошло съ-тѣхъ-поръ лѣтъ; и Тоби опять, въ сопровожденіи духа-ребенка, невидимкой наблюдалъ шумную бесѣду.

Жирные, краснощекіе, счастливые собесѣдники предстали ему. Ихъ было только двое, но румянца на щекахъ ихъ было за десятерыхъ. Они сидѣли передъ ярко пылавшимъ огнемъ; между ними стоялъ низенькій столикъ; и если ароматъ горячаго чаю и поджаренныхъ булокъ не оставался въ ихъ комнатѣ долѣе, нежели въ другихъ покояхъ, то это потому, что столъ недавно опростался. Чашки стояли уже чистыя въ шкафу въ углу комнаты, и мѣдная вилка, для жаренія хлѣба, висѣла на мѣстѣ, разставивъ свои четыре пальца, будто прося, чтобы на нихъ примѣрили перчатку; не оставалось другихъ видимыхъ слѣдовъ недавней трапезы, кромѣ тѣхъ, которыя изобличались въ потягиваніи, обливъчаніи усовъ и мурлыканіи кота, или блистали на блаженныхъ и немножко засаленныхъ лицахъ хозяевъ.

Нѣжная чета (очевидно мужъ съ женою) полюбовно дѣлились между собою огнемъ, и лѣниво смотрѣли на искры, сыпавшіяся въ пепельницу каминца; то кивая полусонною головою, то вздрагивая, когда обломокъ угля, побольше другихъ, вдругъ зашипитъ и угаснетъ, боясь, чтобы съ нимъ вмѣстѣ не потухъ и огонь въ каминѣ.

Однако-же нельзя было опасаться, чтобы онъ скоро потухъ; онъ ярко озарялъ не только всю комнату, и стеклянную дверь, и полузалернутую на ней занавѣсу, но даже и лавку, въ которую вела эта дверь. Не велика была лавчонка, но набита до-нельзя всякаго рода товаромъ; самая прожорливая лавчонка со всеварящимъ желудкомъ акулы. Сыръ, масло, дрова, мыло, моченые плоды, сѣрные спички, шпикъ, пиво, пряники, дѣтскія игрушки, птичье сѣмя, копченая ветчина, метлы, кремни, соль, уксусъ, вакса, сельди, канцелярскіе припасы, сало, разварные грибы, шкурки, хлѣбъ, мячи, яйца, грифели: все годилось, что ни попадало въ ея сѣти, а всѣ эти предметы попали къ ней въ сѣть. И чего въ ней еще небыло кромѣ показанныхъ товаровъ, и не исчислить! клубки бичевки, пучки зеленого луку, связки сальныхъ свѣчъ, кочни капусты, щетки, висели подъ потолкомъ, будто рѣдкіе плоды; между тѣмъ, какъ различныя пахучія банки свидѣтельствовали справедливость надписи надъ наружною дверью, гласившей, что хозяинъ лавчонки, съ позволенія начальства, торговалъ чаемъ, кофеемъ, перцемъ, курительнымъ и нюхальнымъ табакомъ.

Взглянувъ на тѣ изъ этихъ предметовъ, которые можно было рассмотреть при свѣтѣ каминна и болѣе скуднаго свѣта двухъ дымныхъ лампъ, тускло горѣвшихъ въ самой лавкѣ, какъ будто ея полнота стѣсняла ихъ дыханіе; и потомъ взглянувъ снова на одно изъ лицъ, сидѣвшихъ передъ каминномъ, Тоби безъ труда узналъ въ толстой, пожилой хозяйкѣ г-жу Чикензтокеръ, всегда имѣвшую расположеніе къ добродости, даже и въ тѣ времена, когда онъ знавалъ ее въ рядахъ, и когда въ ея книгахъ значился за нимъ небольшой должокъ.

Не такъ легко припомнилъ Тоби черты ея собесѣдника. Этотъ широкій подбородокъ, съ такими огромными складками, что въ нихъ могъ бы скрыться палецъ; эти одурьилые глаза, разсуждавшіе по-видимому сами съ собою, зачѣмъ — де они все болѣе и болѣе уходили въ топкій жарь; вѣчно залегшій носъ; короткая, толстая шея и одышливая грудь, со-многими подобными красотоми, долженствовавшіе неизгладимо врѣзаться въ память, показались ему знакомыми; но онъ не зналъ кому приписать ихъ изъ прежнихъ своихъ знакомыхъ. Наконецъ, однако-же онъ узналъ въ торговомъ товарищѣ г-жи Чикензтокеръ и спутникъ ея на трудномъ пути жизни, бывшего швейцара

сира Джозефа Боулея, заплывшаго жиромъ дурака, котораго образъ соединился въ умъ Тоби съ именемъ г-жи Чикензтокеръ съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ впустилъ его въ домъ, гдѣ онъ въ недобрый часъ сознался въ своей несправности въ денежныхъ дѣлахъ, и навлекъ себѣ такое грозное наставленіе.

Послѣ всѣхъ переменъ, которыя Тоби видѣлъ передъ тѣмъ, эта переменна весьма мало занимала его; но связь мыслей бываетъ иногда чрезвычайно сильна; Тоби невольно заглянулъ за дверь, гдѣ обыкновенно записывалось мѣломъ на стѣнѣ, что отпускалось покупателямъ въ долгъ. Его имени небыло и слѣда. Было нѣсколько именъ, но все имена незнакомыя, и въ гораздо меньшемъ числѣ, чѣмъ встарину; изъ чего онъ заключилъ, что отставной швейцаръ любилъ вести дѣла на-чистую, и что вступивъ въ дѣла г-жи Чикензтокеръ, онъ тотчасъ принялся за ея должниковъ.

Тоби былъ такъ разстроенъ, онъ такъ скорбѣлъ объ утраченной молодости и обманутыхъ надеждахъ дочери, что ему стало даже прискорбно не видѣть своего имени въ росписи должникомъ г-жи Чикензтокеръ.

«Какова на дворѣ погода, Анна?» спросилъ отставной швейцаръ сира Джозефа Боулея, протягивая ноги передъ огнемъ, и потирая ихъ на сколько позволяли ему короткія руки; физиономія его въ тоже время говорила: «Если дурна, я остаюсь дома, а если хороша, мнѣ не зачѣмъ выходить.»

«Вѣтряно; изморозь,» отвѣчала жена; «кажется будетъ снѣгъ. Темно и холодно.»

«А какъ хорошо, что у насъ сегодня была гречишника,» сказалъ швейцаръ такимъ голосомъ, какъ будто у него очистилась совѣсть, «гречишники будто созданы для такихъ вечеровъ; также алады или блины.»

Всѣ эти лакомства отставной швейцаръ исчислялъ съ самодовольствіемъ, какъ будто пересчитывалъ свои добрыя дѣла. Затѣмъ онъ продолжалъ по-прежнему потирать свои жирныя ноги, чтобы дать огню перейти на неиспеченныя еще части, хотѣлъ, какъ будто его кто щекоталъ.

«Ты что-то разгулялся, мой другъ, Тоби,» замѣтила жена. Фирма ея была Тоби, бывшая Чикензтокеръ.

Нѣтъ, отвѣчалъ Тоби; не то; маѣ стало весело. Гречишники пришли такъ кстати.»

Съ этими словами, онъ принялся опять хохотать и хохоталъ до того, что лицо его совершенно почернѣло, а жирныя ноги производили на воздухъ самыя странныя эволюціи. Онъ унялся не прежде, какъ когда г-жа Тоби похлопала его по спинѣ, и разболтала его, какъ бутылку.

«Господи, Боже милосердый!» сказала г-жа Тоби, въ искугъ, «что такое съ нимъ случилось!»

Тоби отеръ глаза, и едва внятнѣмъ голосомъ повторилъ, что онъ немножко развеселился.

«Ради самого Бога, не веселись такъ въ другой разъ,» сказала г-жа Тоби, «если не хочешь напугать меня до смерти своимъ метаніемъ и борьбою.»

Тоби обѣщалъ уважить просьбу вѣжной супруги; но вся жизнь его была метаніемъ и борьбою, въ которой онъ, если судить по-постоянно возрастающей одышкѣ и сгущающемуся багровому цвѣту лица, всегда оставался побѣжденнымъ.

Стало-быть на дворъ вѣтеръ, изморозь, и собирается снѣгъ; темно и холодно: не такъ-ли, мой другъ? сказалъ Тоби, глядя на огонь, и возвращаясь къ предмету своей мгновенной веселости.

«Такая погода!» отвѣчала жена, качая головою, «что неприведи Господи!»

«Такъ, такъ, замѣтилъ Тоби, годы въ этомъ отношеніи тоже, что нашъ братъ челоуѣкъ. Одни отходятъ тяжело, другіе легко. Немного дней остается прожить настоящему году, и онъ вѣрнѣко стоитъ за нихъ. Люблю его за это. Кажется, къ тебѣ покупатель, моя душа!»

Г-жа Тоби, прислушивавшаяся къ малѣйшему скрипу дверей, уже встала.

«Кто тамъ?» сказала она, выходя въ лавку. «Что вамъ нужно? — Ахъ, извините, сударь, мнѣ и въ голову не приходило, что это вы.»

Это извиненіе обращалось къ господину въ черномъ платьѣ, который, съ засученными рукавами, въ шляпѣ, небрежно надѣтой на-бокъ, засунувъ руки въ карманы, безъ церемоній сѣлъ верхомъ на бочку съ пивомъ, и кивнулъ хозяйкѣ въ отвѣтъ.

«Плохо дѣло, тамъ на-верху, мистрисъ Тоби,» сказалъ чернѣй господинъ. «Не переживегъ.»

«Какъ задній Атикъ!» подхватилъ Тоби, входя въ лавку, чтобы принять участіе въ разговорѣ.

«Задній Атикъ, мистеръ Тоби,» отвѣчалъ господинъ; «скоро переселится внизъ, и даже ниже основанія.»

Глядя то на Тоби, то на его жену, чернѣй господинъ стучалъ кулакомъ по бочкѣ, стараясь узнать, до какой высоты она наполнена пивомъ, и удовлетворивъ свое любопытство, сталъ барабанить пѣсенку на пустомъ пространствѣ.

«Задній Атикъ, мистеръ Тоби, отхочитъ?» продолжалъ господинъ, между-тѣмъ какъ Тоби стоялъ на мѣстѣ въ безмолвномъ ужасѣ.

«Въ такомъ случаѣ, ты знаешь,» сказалъ наконецъ Тоби, обращаясь къ женѣ, «его надо выселить, прежде, чѣмъ онъ ойдетъ.»

«Я не думаю, чтобы его можно перевозить въ настоящемъ его положеніи,» возразилъ чернѣй господинъ, качая головою. «Я не приму на себя такой ответственности. Оставьте его лучше, гдѣ онъ есть. Не долго ему жить.»

«Это единственная статья,» сказалъ Тоби, «положивъ кулакъ на тарелку въсовъ, которая съ шумомъ опустилась на столъ, о которой у насъ съ нею бывали споры; и вотъ къ чему это насъ привело! Умреть здѣсь, въ нашемъ домѣ!»

«А гдѣ же ему прикажешь умирать, Тоби!» воскликнула жена.

«Въ рабочемъ домѣ,» отвѣчалъ мужъ. «На то рабочій домъ.»

«Нѣтъ, не на то, возразила г-жа Тоби рѣшительно, не на то. И я не затѣмъ вышла за тебя. Объ этомъ и не думай, Тоби; я этого не допущу, — никогда не допущу. Я скорѣе разведусь съ тобою, и никогда съ тобою не увижусь. Когда мое вдовье имя было написано на моей лавкѣ, я много, много лѣтъ была извѣстна во всемъ околѣтѣ подъ именемъ г-жи Чекензтокеръ, и всегда была извѣстна съ хорошей стороны; когда еще на ней было мое вдовье имя, я знала его за красиваго, здороваго, добропорядочнаго и трудолюбиваго парня; я знала ее, за самую милую, кроткую и скромную дѣвушку; знала и отца его (бывшій старикъ, царствіе ему небесное, пошелъ во снѣ на колокольню, упалъ съ нея и разшибся); онъ былъ самый добродушный, трудолюбивый старикъ, и любилъ дочь

больше жизни; если я ихъ сгоню съ квартиры, пусть ангелы меня сгонять съ неба! и по-дьяломъ будетъ мнѣ!»

Старое лицо ея, бывшее некогда, за долго до всѣхъ этихъ происшествій, милымъ, приятнымъ, засіяло при этихъ словахъ чѣмъ-то похожимъ на красоту; между-тѣмъ какъ она отирала глаза и качала головою на Тоби, съ выраженіемъ рѣшимости, противъ которой очевидно всѣ возраженія остались бы бесполезны, Тоби шепталъ, «спасибо тебѣ, спасибо тебѣ, добрая душа!»

Съ трепещущимъ сердцемъ сталъ онъ слушать, чѣмъ кончится дѣло. До-сихъ-поръ онъ понималъ только одно, что рѣчь шла о бѣдной Мегъ.

Если Тоби передъ тѣмъ немножко развеселился въ своей комнатѣ, то онъ вполне заплатилъ теперешнею досадою въ лавкѣ; онъ стоялъ, вперивъ на жену неподвижные взоры, и не смѣя возразить ни слова; въ то же время, изъ разсѣянности ли или изъ предосторожности, онъ ссыпалъ всѣ деньги съ конторки себя въ карманы.

Господинъ, сидѣвшій на пивной бочкѣ, бывшій по-видимому врачомъ, обязаннымъ пользоваться бѣдныхъ, слишкомъ былъ привыченъ къ подобнымъ несогласіямъ во мнѣніяхъ между супругами, чтобы вмѣшаться въ этотъ случай съ своимъ словомъ. Онъ сидѣлъ на бочкѣ посвистывая, и выплескивая капли пива изъ стоявшей подъ бочкою калочки, пока не возстановилось совершенное спокойствіе; тогда онъ поднялъ голову, и сказалъ г-жѣ Тоби, бывшей Чивензтокеръ.

«Въ этой женщинѣ до-сихъ-поръ есть что-то, внушающее уваженіе и участіе. Какъ она вышла за него?»

«О, сударь,» отвѣчала г-жа Тоби, садясь подлѣ него, «это не послѣднее изъ горестныхъ обстоятельствъ ея жизни. Вотъ видите, она уже много лѣтъ назадъ была помолвлена за Ричарда. Когда они еще были молоды и хороши, все уже было улажено, и они должны были идти къ венцу въ новый годъ. Но какіе-то господа вбили въ голову Ричарду, что дескать такая ли пойдетъ за него, что онъ самъ будетъ жалеть, что она ему невеста, и что умному и красивому парню не слѣдъ жениться. Тѣ же господа настращали и ее, бѣдняжку, наговорили ей, что онъ ее рано или поздно броситъ, что дѣти ея выйдутъ негодяи и кончатъ жизнь на вислицѣ, что жениться и выхо-

дить замужъ — дѣло ведоброе. Словомъ, они стали откладывать да откладывать, довѣріе ихъ другъ къ другу съ каждымъ днемъ разрушалось, и, наконецъ, свадьба разстроилась. Виновать былъ онъ. Она, сударь, съ радостью пошла бы за него. Сколько разъ видѣла я послѣ того, какъ бѣное ея сердечко разрывалось, когда онъ гордо проходилъ мимо ея и даже не смотрѣлъ на нее; и вѣрно ни одна женщина такъ не плакала, какъ плакала она о Ричардѣ, когда онъ сталъ баловаться.

«Стало-быть онъ избаловался?» спросилъ врачъ, выдергивая изъ бочки засовъ, и стараясь заглянуть въ нее.

«Я думаю, сударь, онъ самъ не зналъ порядкомъ, чего хотѣлъ. Я думаю, разрывъ съ нею разстроилъ его, и если бы онъ не стыдился господъ, сбившихъ его съ толку, а можетъ быть и боялся, что она ему откажетъ, онъ на все бы рѣшился, чтобы снова получить согласіе и руку Мегъ. Я такъ думаю. Онъ этого никогда не говорилъ, и жаль! Вотъ онъ и принялся пить, баклушничать, водиться съ дурными людьми; вотъ были его удовольствія, на которыя онъ, по совѣту богатыхъ господъ, промѣнилъ счастье и спокойствіе семейной жизни. Мало-по-малу онъ утратилъ и доброе имя и здоровье, и силу, и друзей, и работу: все!»

«Не все же онъ утратилъ, мистеръ Тоби,» возразилъ врачъ; если добылъ жену; вотъ что я желалъ бы знать, какъ онъ добылъ жену.

«Сейчасъ мы придемъ и къ этому, сударь. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ; онъ все опускался ниже и ниже; она бѣдняжка, терпѣла такую нужду и столько горя, что незнаю, ей-Богу, какъ она все это вынесла. Наконецъ, дошло до того, что его вездѣ гоняли; никто не хотѣлъ его и знать, не только что давать ему работу; никто не пускалъ его къ себѣ въ дверь. Шатаясь съ мѣста на мѣсто, стучась то къ одному, то къ другому, онъ наконецъ въ сотый разъ пришелъ къ одному хозяину, много и много уже разъ пытавшемуся поставить его на-ноги (онъ все-таки былъ славный работникъ); этотъ хозяинъ, зная его исторію, сказалъ ему: «Тебя, кажется, ужъ не исправить; одна развѣ только можетъ надѣяться вывести тебя на правый путь, и не ходи ко-миѣ, пока она не согласится

попытаться сдѣлать изъ тебя человѣка. Не то, ... тутъ онъ сказалъ ему что-то въ досадѣ и сердцахъ.»

«Понимаю!» сказалъ врачъ. «Чтожь далѣе?»

«Далѣе, сударь,» — вотъ онъ пошелъ къ ней, да бросился ей въ ноги; «правда» говоритъ ей, ты одна можешь исправить меня; «и молитъ ее Христомъ Богомъ, не отказаться отъ него, спасти его отъ гибели.»

«Чтожь она? — Да не огорчайтесь такъ, мистеръ Тоби.»

«Она въ тотъ же вечеръ пришла ко-мнѣ просятъ, чтобы я пустила ее на эту квартиру. Чѣмъ онъ когда-то былъ для меня, говорила она, давно уже схоронено въ одной могилѣ съ тѣмъ, чѣмъ я была для него. Но я хорошо обдумала это дѣло, и хочу сдѣлать попытку, въ надеждѣ спасти его въ память той легковѣрной дѣвушкѣ (вы помните ее), которая должна была идти къ вѣнцу въ новый годъ, и въ память ея Ричарда! Потомъ она говорила мнѣ, что онъ прихаживалъ къ ней отъ Лиліаны, что Лиліана довѣрила ему, и что она этого никогда не забудетъ. — Такъ они и обвѣнчались; когда они переѣхали сюда, и я увидала ихъ, я надѣялась, что пророчества, разлучившія ихъ въ молодости, не сбудутся, иначе я бы не содѣйствовала имъ ни за какія блага въ мірѣ.»

Врачъ сошелъ съ бочки, и сказалъ, потягиваясь:

«И вѣрно, послѣ свадьбы, онъ сталъ мучить, оскорблять ее?»

«Не думаю,» отвѣчала г-жа Тоби, качая головою и отирая глаза. «Нѣкоторое время онъ велъ жизнь порядочную; но дурныя привычки были уже слишкомъ стары и слишкомъ далеко пустили корни, чтобы ему сбросить ихъ; скоро онъ опять принялся за прежнее и опять быстро сталъ упадать, когда его такъ сильно схватила болѣзнь. Я думаю онъ всегда любилъ ее; я въ этомъ увѣрена. Я сама видѣла, какъ онъ, въ своихъ припадкахъ слезъ и дрожи, силился цѣловать ея руки, слышала какъ онъ называлъ ее своею Мегъ, и увѣрялъ, что насталъ ея девятнадцатый день рожденія. Проходили недѣли, мѣсяцы, а онъ все не вставалъ съ постели. Ухаживая то за нимъ, то за ребенкомъ, она не могла уже по прежнему работать; а если бы и могла, то ей уже не давали ра-

боты, потому, что она не могла доставлять ее въ срокъ. Какъ ужъ они жили, ума не приложу!»

«А я,» проворчалъ Тоби, осматриваясь на конторку, на полки и на жену, и кивая головою съ выраженіемъ необыкновенной проницательности, — «такъ знаю: какъ пѣтухи!»

Его размышленіе было прервано пронзительнымъ, болѣзненнымъ стономъ, съ верхняго этажа дома. Врачъ поспѣшно бросился къ дверямъ.

«Любезный другъ,» сказалъ онъ, оборачиваясь назадъ, «вамъ уже не нужно разсуждать о томъ, вывозить ли его съ квартиры или нѣтъ. Онъ кажется избавилъ васъ отъ этой заботы.»

Съ этими словами онъ взбѣжалъ на лѣстницу, а за нимъ и г-жа Тоби, предоставляя Тоби ворчать и задыхаться въ волю за ихъ спинами: потому-что одышка его еще усилилась отъ вѣсу забранной имъ кассы, въ которой было чрезмѣрное количество мѣди. Тоби, съ духомъ-ребенкомъ, вспорхнулъ на лѣстницу, будто легкій воздухъ.

«Иди за нею, иди за нею, иди за нею!» гремѣли за нимъ привидѣнія въ колоколахъ. «Учись изъ примѣра самаго дорогаго тебѣ существа!»

Все кончено. И вотъ она, радость и утѣха отца! эта блѣдная истощенная женщина, плачущая у одра, если его можно назвать одромъ, прижимающая къ груди ребенка, наклонивъ надъ нимъ голову. Кто выразить, какъ слабъ, какъ болѣзненъ, какъ жалокъ былъ ребенокъ, и какъ дорогъ сердцу матери!

«Слава Богу,» воскликнулъ Тоби, простирая къ небу сложенныя руки. «Благодарю тебя, Боже! она любитъ ребенка!»

Врачъ, который не то, что былъ холоденъ и равнодушенъ къ подобнымъ зрѣлищамъ, но привыкъ смотрѣть на нихъ каждый день и зналъ, что они ничто иное, какъ ничего незначащія числа въ выводахъ Файлера — приложилъ руку къ сердцу, переставшему уже биться, прислушивался къ остановившемуся дыханію, и сказалъ: «страданія его кончились. Для него уже нѣтъ горя!» г-жа Тоби старалась утѣшить несчастную вдову ласками и нѣжностью; а г. Тоби — глубокомысленными разсужденіями.

«Полно, полно!» говорилъ онъ, засунувъ руки въ карманы.

«Недолжно предаваться горю; вы знаете, что горемъ не поможешь. Надо крѣпиться. Чтобы стало со-мною, если бы я предался горю, будучи еще швейцаромъ, когда у насъ бывало въ одну ночь по шести разъ шалуны стучали, какъ будто подѣзжали кареты, чтобы принудить меня выйти. Но я крѣпился и не отворялъ двери!»

Тоби опять послышались голоса привидѣній, «слѣдуй за нею!» Онъ обратился къ водителю, и увидѣлъ, какъ онъ вспорхнулъ надъ нимъ, поднялся на воздухъ; повторилъ: «слѣдуй за нею!» и скрылся.

Тоби порхалъ около дочери; садился въ ноги ея; смотрѣлъ ей въ лицо, отыскивая въ немъ хотя одной черты прошедшаго; подслушивалъ въ голосѣ ея хотя одного звука прежняго, нѣжнаго ея голоса. Онъ порхалъ во-кругъ младенца, истощеннаго, завядшаго въ колыбели; слушалъ его слабый, жалобный, печальный плачь. Онъ почти боготворилъ его. Онъ привязывался къ нему, какъ къ единственному ея покрову, къ послѣдному не разбитому звѣну, привязывавшему ея къ страданію. На слабого младенца возложилъ онъ всю свою отцовскую надежду; слѣдилъ за каждымъ взоромъ ея на малютку, покоившагося на рукахъ ея, и тысячу разъ восклицалъ: «она любитъ его! Благодарю тебя Боже, она любить его!»

Онъ видѣлъ, какъ г-жа Тоби ухаживала за нею ночью; какъ она приходила къ ней, какъ скоро засыпалъ ея сварливый супругъ, и все въ домѣ успокоивалось; ободряла ее, плакала съ нею, ставила передъ нею пищу. Онъ увидѣлъ, какъ наступилъ день и смѣнился ночью, и опять день, и опять ночь; время шло своимъ чередомъ; покойника вынесли, и несчастная осталась одна въ своей бѣдной горенкѣ, одна съ своимъ младенцемъ. Онъ слышалъ плачь и крики ребенка, видѣлъ, какъ онъ мучилъ, истощалъ ея силы, и только-что она успѣвала забыться тревожнымъ сномъ, крошечными своими рученками безпрестанно пригвозждалъ ее въ орудію пытки; и она все свосила съ нѣжностью и терпѣніемъ. И съ какимъ терпѣніемъ! Всѣ силы ея души и сердца превратились въ материнскую любовь, и жизнь малютки была также тѣсно связана съ ея любовью, какъ до его рожденія.

А между-тѣмъ она терпѣла нужду; лютый, мучительный

голодь истощалъ послѣднія ея силы. Съ ребенкомъ на рукахъ, скиталась она съ мѣста на мѣсто, вымаливая себѣ работы; и пока малютка прижимала свое блѣдное личико къ ея груди, и жалобно смотрѣла ей въ глаза, она работала за самую ничтожную плату: изъ-за бездѣлицы, едва хватавшей для доставленія ей куска хлѣба, готова она была сидѣть день и ночь за самую тяжелую работою. И хоть бы она сердилась на ребенка, оставляла его безъ вниманія; хотя бы разъ взглянула на него съ негодованіемъ; въ минуту нетерпѣнія ударила его! Нѣтъ. Одна мысль утѣшила Тоби, «она любитъ ребенка!»

Никому не говорила она о своей нуждѣ; днемъ уходила со двора, чтобы избѣжать допросовъ своей единственной благодѣтельницы; потому-что каждое вспоможеніе, получаемое отъ нея, порождало новыя ссоры между доброю лавчицею и ея мужемъ; и страданія бѣдной Маргариты становились еще горче, при мысли, что она причиною ежедневныхъ раздоровъ и несогласій, въ семействѣ, которому такъ много обязана.

Она любила ребенка по-прежнему, любила его все болѣе и болѣе. Но любовь ея приняла совсѣмъ другой видъ.

Это было ночью.

Она убаюкивала его тихимъ пѣніемъ, ходила съ нимъ взадъ и впередъ по комнатѣ, качая его на рукахъ; какъ вдругъ дверь тихо отворилась, и вошелъ человѣкъ.

«Въ послѣдній разъ,» сказалъ онъ вполголоса.

«Уильямъ Фернъ!»

«Въ послѣдній разъ!» повторилъ онъ.

Онъ прислушивался, будто боясь преслѣдованія, и говорилъ шопотомъ.

«Маргарита, мое земное странствіе подходитъ къ концу. Я немогъ заключить его, не простившись съ тобою въ послѣдній разъ; не поблагодаривъ тебя еще разъ!»

«Что ты сдѣлалъ?» спросила она, взглянувъ на него со страхомъ.

Онъ взглянулъ на нее, но не отвѣчалъ.

Послѣ нѣкотораго молчанія, онъ махнулъ рукою, будто желая устранить ея вопросъ, смести его въ сторону, и сказалъ:

«Много съ-тѣхъ-поръ прошло времени, Маргарита: но та ночь жива въ моей памяти, какъ бы вчера. Не думали мы

тогда продолжалъ онъ, осматриваясь во-кругъ себя, «что придется намъ свидѣться такимъ образомъ. Твой ребенокъ, Маргарита. Дай мнѣ его на-руки, Маргарита, дай мнѣ поддержать твоего ребенка.»

Онъ поставилъ шляпу на-поль, взялъ ребенка на-руки, и задрожалъ съ головы до ногъ.

«Дѣвочка?» спросилъ онъ.

«Дѣвочка!»

Онъ заслонилъ лицо малютки рукою.

«Смотри, Маргарита, какъ я сталъ слабодушень; мнѣ не стаеть мужества, взглянуть на нее! Оставь ее у меня на-рукахъ, на одно мгновеніе, я не ушибу ее. Много съ-тѣхъ-поръ, много прошло времени — А какъ ее зовуть?»

«Маргаритой, отвѣчала она торопливо.

«Маргаритой! Хорошо, — хорошо!»

Казалось, онъ сталъ дышать свободнѣе; отдохнувъ немного, онъ отнялъ руку съ лица малютки и взглянулъ на ея личико. Но въ тоже мгновеніе опять заслонилъ его рукою.

«Маргарита!» сказалъ онъ, торопливо возвращая ей ребенка. «Лицо Лиліаны.»

«Лиліаны!» вскрикнула Маргарита.

«Тоже самое личико покоплось у меня на рукахъ, когда мать Лиліаны умерла, оставляя ее мнѣ.»

«Когда мать Лиліаны умерла, оставляя ее!» повторила Маргарита дикимъ голосомъ.

«Зачѣмъ ты говоришь такъ дико, Маргарита? зачѣмъ ты смотришь на меня такими странными, неподвижными глазами?»

Бѣдная мать упала на стулъ, судорожно прижала малютку къ груди, и залилась слезами. Отъ времени до времени она отнимала ее отъ своего сердца, съ безпокойствомъ смотрѣла ей въ лицо, и опять страстно сжимала въ объятіяхъ. Въ эти минуты, когда она смотрѣла въ лицо дочери, въ любви ея было что-то страшное, что-то свирѣпое. Тогда и старикъ отецъ ея плакалъ жгучими слезами.

«Слѣдуй за нею!» прогремѣло по всему дому. «Учись изъ примѣра существа, самаго близкаго твоему сердцу!»

«Маргарита,» сказалъ Фернъ, наклонившись надъ нею, и поцѣловавъ ее въ лобъ: «благодарю тебя въ послѣдній разъ. Прощай. Дай мнѣ руку и скажи мнѣ, что ты съ этого часа

«бабудешь меня, постараешься считать меня умершимъ въ эту самую минуту.»

«Что-же ты сдѣлаешь?» спросила она опять.

«Ночью будетъ пожаръ,» сказалъ онъ, удаляясь отъ нея. «Много пожаровъ будетъ нынѣшнею зимою, для освѣщенія темныхъ ночей, на восходѣ и на западѣ, на полудни и на сѣверѣ. Когда увидишь вдали закраснѣвшееся небо, знай, это будетъ зарево пожаровъ. Когда увидишь вдали закраснѣвшееся небо, не думай обо мнѣ; а если будешь думать, то вспомни адъ, возженный въ моей душѣ, и думай, что это его пламя отражается въ облакахъ. Доброй ночи. Прощай!»

Она звала его; но онъ уже вышелъ. Долго сидѣла она въ какомъ-то чадѣ, пока малютка не извлекла ее изъ забытья, и не возвратила ее къ сознанию голода, холода и темноты. Всю ночь на-прелетъ ходила она съ нею по комнатѣ, качая и убаюкивая ее. Отъ времени до времени она повторяла: «точно Диліяна, когда мать ея умерла, оставляя ее!» Но отчего-же при этихъ словахъ, поступь ея становилась быстройе, глаза дичали, любовь свирѣѣла?

«Но это все-таки любовь,» говорилъ Тоби. «Это любовь. Она никогда не разлюбитъ дочь свою. Бѣдная Мегъ!»

На слѣдующее утро, она одѣла ребенка съ необыкновенною тщательностію, и еще разъ пыталась найти средства пропитанія. Это былъ послѣдній день стараго года. До поздней ночи шаталась она, и во весь день не брала куска въ ротъ. Всѣ ея усилія были напрасны.

Она вмѣшалась въ толпу нищихъ, ожидавшихъ подъ снѣгомъ, пока важной особѣ, назначенной раздавать имъ общественную милостыню, (законную милостыню, — не ту, что было проповѣдано на горѣ,) позвать ихъ, распросить, сказать одному «ступай туда-то,» другому «приходи черезъ недѣлю,» третьяго перекидывать какъ мячъ съ рукъ на руки, изъ дома въ домъ, до-тѣхъ-поръ, пока онъ не ложился въ изнеможеніи ждать часа смерти, или не вставалъ въ отчаяніи, не грабилъ ближняго, и такимъ образомъ не дѣлался преступникомъ высшаго разряда, котораго потребности не терпятъ отлагательства.

Но и это было напрасно. Она любила ребенка, желала,

чтобы онъ не отходилъ отъ груди ея; — этого было съ нею достаточно.

Уже наступила ночь, сырая, темная, холодная ночь, когда Маргарита, крѣпко прижимая ребенка къ груди, чтобы согрѣть его, пришла къ наружной двери дома, который называла своимъ домомъ. Она была такъ слаба и такъ кружилась у нея голова, что она не замѣтила стоявшаго у входа челоуѣка, пока не подошла къ самой двери, и не собиралась уже войти. Тутъ она узнала хозяина дома, стоявшаго въ дверяхъ, такимъ образомъ, (съ его плотною особою, это было не трудно)—что совсѣмъ загородилъ собою входъ.

«А!» сказалъ онъ тихимъ голосомъ. «Воротились?»

Она взглянула на малютку и покачала головою.

«Не находите ли, что вы уже довольно долго жили здѣсь, не платя за квартиру? что довольно исправно забирали безденежно товаръ въ нашей лавкѣ?» сказалъ Тоби.

Она повторила ту же безмолвную мольбу.

«Что-бы попытаться перенести эту промышленность въ другое мѣсто,» продолжалъ онъ. «Что-бы вамъ, наиримѣръ, завести другую квартиру. Какъ думаете? вѣдь оно бы можно?»

Она напомнила ему едва слышнымъ голосомъ, что уже поздно, глухая ночь; просила потерпѣть до-завтра.

«Знаю, куда вы мѣтите,» отвѣчалъ Тоби, и на что вы надѣетесь. Вы знаете, что въ домѣ двѣ партіи на счетъ васъ, такъ вамъ и любо пользоваться ихъ несогласіями. Но я не хочу ссоры; я затѣмъ такъ тихо говорю, чтобы избѣжать ссоры; если же вы не отойдете, я заговорю громче, и вы слушаете тогда такихъ крупныхъ словъ, что останетесь довольны. Но въ домѣ вамъ не быть. Это дѣло рѣшеное»

Она отбросила рукою назадъ волосы, и быстро взглянула на небо, а потомъ на темную, грозную даль.

«Нынче послѣдняя ночь стараго года; я нехочу переносить непріятностей, раздоръ и безпокойствъ въ угоду ни вамъ, ни кому бы то ни было,» продолжалъ Тоби, бывшій совершеннымъ *отцомъ и другомъ* въ миниатюрѣ. «Удивляюсь, какъ вамъ не стыдно передъ собою самою, переносить такія дѣла въ новый годъ. Если вамъ нечего дѣлать на свѣтъ, какъ только плакать, да поселять раздоръ между супругами, такъ вамъ бы изъ чего выбираться. Ступайте съ Богомъ.»

Старику опять послышались грозные голоса: «Слѣдуй за нею! къ отчаянію!» Онъ поднялъ глаза, и увидалъ привидѣнія колоколовъ, носившіяся въ воздухъ, и указывавшія ей влѣдъ. Она шла, или почти бѣжала внизъ по темной улицѣ.

«Она любить его!» восклицалъ Тоби, моля за нее съ стѣсненнымъ сердцемъ. «Колокола! она еще любить его!»

«Иди за нею!» Привидѣнія неслись тучею за нею слѣдомъ.

Тоби также пошелъ за нею; не отставалъ отъ нея; смотрѣлъ ей въ лицо. Онъ видѣлъ на немъ опять то же страшное выраженіе свирѣпства, сливавшееся съ ея любовью, и горѣвшее въ ея взорахъ. Онъ слышалъ слова ея: «Какъ Лиліана! перемѣнится, какъ Лиліана!» и съ этими словами шагъ ея удвоился.

О, если бы что-нибудь могло пробудить ее! Если бы какой-нибудь предметъ, или звукъ, могъ возбудить нѣжное воспоминаніе въ ея горячей головѣ! Если бы какой-нибудь милый образъ прошедшаго могъ возстать передъ нею!

«Я былъ ея отцомъ,» восклицалъ старикъ, протягивая руки къ темнымъ привидѣніямъ, несшимся надъ нею въ воздухъ. «Сжальтесь надъ нею, сжальтесь надо-мною! Куда она бѣжитъ? Воротите ее! я былъ ея отцомъ!»

Но привидѣнія только указывали на бѣгущую, и твердили: «Къ отчаянію! Узнай его отъ существа самаго близкаго твоему сердцу!»

Сотни голосовъ гремѣли эти слова. Весь воздухъ, казалось, былъ составленъ изъ дыханій, выговаривавшихъ ихъ, и Тоби вдыхалъ ихъ въ каждой струѣ воздуха. Они были вездѣ, невозможно было укрыться отъ нихъ.—А она все бѣжала, далѣе, далѣе, съ тѣмъ же огнемъ во взорахъ, съ тѣми же словами на устахъ: «Какъ Лиліана! Перемѣнится, какъ Лиліана!»

Вдругъ она остановилась.

«Воротите ее, воротите!» кричалъ старикъ, и рвалъ свои сѣдые волосы. «Мегъ! моя дочь! Воротите ее! Отецъ небесный, воротите ее!»

Она закутала малютку въ свой изношенный платокъ. Лихорадочными руками гладила ея члены, перекладывала головку, поправляла ея бѣдный нарядъ. Жала ее въ исхудалыхъ рукахъ, будто затѣмъ, чтобы никогда не выпустить ее изъ объ-

ятій; высохшими губами цѣловала ее поцѣлуемъ послѣдняго страданія, предсмертной борьбы любви.

Обвивъ ея рученку во-кругъ своей шеи, прижавъ ее къ своему сердцу, приложивъ сонную ея головку къ своему лицу, прильнувъ къ ней такъ, чтобы самая тонкая струя воздуха не могла раздѣлить ихъ, бѣжала она впередъ, впередъ, къ рѣкѣ.

Къ катящейся рѣкѣ, быстрой и мутной, туда, гдѣ зимняя ночь сидѣла нахмурившись, какъ послѣднія думы многихъ некавшихъ тутъ убѣжища прежде ихъ; туда, гдѣ огни разбѣянные на берегу угрюмо, густо и печально, будто факелы зажженные для того, чтобы указывать путь къ смерти; туда, гдѣ ни одно жилище живыхъ людей не бросало тѣни своей на глубокую, непроницаемую, печальную массу воды.

Къ рѣкѣ, къ этимъ вратамъ вѣчности, стремилась она съ быстротою струи, несущейся къ морю.

Тоби хотѣлъ коснуться ея, когда она проходила мимо его, сѣвша къ мрачной равнинѣ; но одичалый, безпамятный образъ, свирѣлая, ужасная любовь, отчаяніе, свергшее всякія человѣческія оковы и узы, пронесли мимо его, какъ неумолимый вѣтеръ.

Онъ шелъ за-нею. Собираясь броситься въ воду, она остановилась на мгновеніе у берега. Онъ палъ на колѣна, и съ воплемъ зывалъ къ привидѣніямъ колоколовъ, порхавшимъ надъ нимъ и надъ несчастною страдалицею.

«Узналъ его!» кричалъ старикъ. «Узналъ отъ существа самаго близкаго моему сердцу! О, спасите ее, спасите ее!»

Онъ могъ пальцами прикасаться къ ея одеждѣ; могъ схватить ее! Едва эти слова вырвались съ устъ его, онъ почувствовалъ, что осязаніе возвратилось ему, узналъ, что онъ держитъ ее.

Привидѣнія пристально смотрѣли на него сверху.

«Я узналъ его!» кричалъ старикъ. «О, простите мнѣ мгновеніе, когда я, увлекаемый своею любовью къ ней, ея молодостью и добротою, дерзнулъ чернить природу въ сердцахъ матерей, доведенныхъ до отчаянія! Сжальтесь надъ моею гордостью, злобою и невѣжествомъ! спасите ее!»

Онъ почувствовалъ, что руки его слабѣли, она ускользала изъ нихъ; а привидѣнія все молчали.

«Сжальтесь надъ нею!» восклицалъ онъ, «какъ надъ несча-

стною, въ которой это ужасное преступленіе родилось изъ любви, совращенной съ настоящаго пути; изъ самой пламенной, самой глубокой любви, какая доступна намъ, падшимъ твореніямъ! Подумайте, каковы должны были быть ея страданія, когда такое сѣмя принесло такой плодъ! Небо назначало ее для добра. Нѣтъ любящей матери на землѣ, которая не могла бы дойти до того же, послѣ такой жизни. О, сжальтесь надъ моею дочерью, которая, даже въ этомъ покушеніи, движима любовью къ своему ребенку, сама умираетъ и губитъ свою безсмертную душу, чтобы спасти его!»

Она была въ его объятіяхъ; онъ держалъ ее. Въ рукахъ его была сила исполнская.

«Я вижу среди васъ духа колоколовъ!» воскликнулъ старикъ, замѣтивъ ребенка, и говоря съ какимъ-то вдохновеніемъ, навѣяннымъ на него присутствіемъ привидѣній. «Я знаю, что наше наслѣдство хранится въ записѣхъ временъ. Знаю, что есть море времени, которое когда-нибудь возстанетъ и смететъ, какъ сухія листья, притѣсняющихъ и оскорбляющихъ насъ. Я вижу, какъ оно встаетъ. Знаю, что мы должны вѣрить и надѣяться, и не должны сомнѣваться въ присутствіи добра ни въ себѣ самихъ, ни въ другихъ. Я узналъ все это изъ примѣра существа, самаго близкаго моему сердцу. И снова заключаю ее въ свои объятія. О милостивые, благодѣтельные духи, принимаю урокъ вашъ къ сердцу вмѣстѣ съ нею! Благодарю васъ, милостивые и благодѣтельные духи!»

Многое бы онъ еще, пожалуй, наговорилъ; но старые, знакомые колокола, его любезные, лавишніе, вѣрные друзья, принялись встрѣчать новый годъ такъ весело, такъ радостно, съ такимъ восторгомъ, что онъ вскочилъ на-ноги, и мигомъ сбросилъ съ себя волшебную силу, оковывавшую его.

«Эй, батюшка,» сказала Мегъ, «какъ хочешь, а въ другой разъ не кушай рубцовъ, не спросясь какого-нибудь доктора, не вредны ли онѣ тебѣ. Ужъ какъ ты бредилъ и метался! Боже милосердый!»

Она сидѣла за столикомъ, передъ каминомъ, и работала; обшивала свое простенькое платье къ свадьбѣ лентами. И ли-

но ея такъ сіяло спокойнымъ счастьемъ, такъ цвѣло молодостью, такъ полно было надеждъ и обѣщаній, что онъ невольно вскрикнулъ, какъ будто ангелъ сошелъ въ его жилище, и бросился къ ней, чтобы сжать ее въ своихъ объятіяхъ.

Но нога его запуталась въ газетѣ, упавшей на очагъ; и въ туже минуту кто-то поспѣшно вошелъ, и сталъ между нимъ и дочерью.

«Нѣтъ!» сказалъ голосъ вошедшаго, голосъ радушій и веселый; «даже тебѣ не позволю, даже тебѣ. Первый поцѣлуй Мегъ въ новый годъ долженъ принадлежать мнѣ. Мнѣ! Я цѣлѣй часть ждалъ за дверью на улицѣ, когда зазвонятъ колокола, чтобы придти за нимъ. Мегъ, мое сокровище, съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Дай Богъ тебѣ прожить много счастливыхъ годовъ, моя безцѣнная женушка!»

И Ричардъ едва не задушилъ ее поцѣлуями.

Что тогда случилось съ Тоби, — готовъ побожиться, что вы никогда не видывали ничего подобнаго. Мало-ли гдѣ вы, можете быть, бывали, мало-ли что видали; я ничего знать не хочу; но чего нибудь подобнаго восторгу Тоби, вы не видали нигдѣ и никогда! Онъ садился въ кресла, билъ себѣ колѣна, и плакалъ; садился въ кресла, билъ себѣ колѣна, и смѣялся; садился въ кресла, билъ себѣ колѣна, и плакалъ и смѣялся вмѣстѣ; вставалъ съ креселъ и обнималъ Маргариту; вставалъ съ креселъ и обнималъ Ричарда, вставалъ съ креселъ и обнималъ вмѣстѣ и Маргариту и Ричарда; подбѣгалъ къ Маргаритѣ, сжималъ обѣими руками ея свѣжее личико, и цѣловалъ его, отходилъ отъ нея задомъ, чтобы не спускать съ нея глазъ, и опять подбѣгалъ, точно фигура въ волшебномъ фонарѣ; и чтобы онъ ни дѣлалъ, онъ безпрестанно садился въ кресла, но не оставался въ нихъ ни на-минуту; — ужъ подлинно, онъ былъ не въ своемъ умѣ отъ радости.

«И такъ завтра твоя свадьба, моя дорогая Мегъ!» сказалъ Тоби; «рѣшительно, завтра твоя свадьба!»

«Сегодня, возразилъ Ричардъ, пожимая ему руку, сегодня! Слышите, какъ колокола звонятъ новый годъ, слышите?»

И подлинно, колокола звонили, и какъ еще звонили! Дай имъ Богъ здоровья! Колокола-то были на славу! большіе, звучные, могучіе; ужъ подлинно колокола! не изъ простой

мѣди литы, и не простымъ литейщикомъ; и никогда еще они такъ не званывали, какъ теперь!

«Но у тебя, моя Мегъ,» сказалъ Тоби, «была сегодня съ Ричардомъ небольшая размолвка..»

«За то, что онъ такой негодный человекъ, батюшка,» отвѣчала Мегъ; «неправда-ли, Ричардъ? Такой упрямый, такой заносчивый! Поди съ нимъ! затѣялъ онъ—было поговорить съ знатымъ альдерманомъ по своему, засадить его, ужъ не знаю куда! Это ему не—почемъ, все равно что» —

«Что поцѣловать Мегъ,» подхватилъ Ричардъ, цѣлуя ее.

«Ничуть не болѣе,» сказала Мегъ. «Но я не пустила его, батюшка. Къ чему бы это повело?»

«Ричардъ, мой другъ!» сказалъ Тоби; «ты родился молодцомъ, и будешь молодцомъ до самой смерти! Но моя Мегъ, когда я вечеромъ воротился домой, ты сидѣла передъ огнемъ и плакала! Скажи, о чемъ ты плакала?»

«Я думала о годахъ, которые мы провели съ тобою вмѣстѣ, батюшка. И все тутъ. Я думала о томъ, что тебѣ будетъ скучно безъ меня, одному.»

Тоби опять уже пятился къ своимъ знаменитымъ кресламъ, какъ вдругъ, дѣвочка, пробужденная шумомъ, вбѣжала полудѣтая въ комнату.

«А, вотъ и она!» воскликнулъ Тоби, схвативъ ее на-бѣгу. «Вотъ и наша Лилли! Ха, ха, ха! Вотъ и мы здѣсь, и мы пришли! А! да вотъ и дядя Уиль!» и онъ прекратилъ свою иноходь, пошелъ на встрѣчу Ферну съ дружескимъ поклономъ. «О дядя Уиль, что за видѣніе посѣтило меня нынче вечеромъ, и все оттого, что я далъ вамъ у себя пріютъ. О дядя Уиль, ты не знаешь, какъ обязалъ меня своимъ приходомъ!»

Прежде, чѣмъ Уиль Фернъ успѣлъ сказать слово, нѣскольکو музыкантовъ съ шумомъ вломились въ комнату, а за ними толпа сосѣдей, съ криками: «Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, Мегъ!» «Много счастья въ супружествѣ, Мегъ!» «Много встрѣчать счастливыхъ годов!» и проч. и проч. Барабанъ (короткій пріятель Тоби) вышелъ впередъ, и сказалъ:

«Любезный Тоби Векъ! прошелъ слухъ, что дочь твоя завтра выходитъ замужъ. Не найдется ни одной души, которая бы зная тебя, не желала тебѣ искренно счастья; или зная ее,

не желала ей счастья; или зная васъ обоихъ, не желала вамъ обоемъ всякихъ благъ, какія можетъ принести новѣй годъ. Вотъ мы и пришли поиграть и поплясать, чтобы встрѣтить новѣй годъ, какъ слѣдуетъ.»

Рѣчь барабана была принята всеобщимъ восторгомъ. Барабанъ, сказать стороною, былъ немножко навеселѣ; ну, да что за бѣда!

«Какъ пріятно, сказалъ Тоби,» быть такъ всѣмъ уважаему. Спасибо вамъ добрые сосѣдушки! И все это, ради моеи милой дочери. Она этого заслуживаетъ!»

Гости въ полсекунды приготовились къ танцамъ, (Мегъ съ Ричардомъ въ первой парѣ;) и барабанъ уже поднималъ руку, чтобы изъ всей мочи ударить въ натянутый пузырь; какъ вдругъ за дверью послышалась смѣсь громкихъ, разнообразныхъ звуковъ, и добродушная, пріятной наружности женщина, лѣтъ подлѣ — пятьдесятъ или около того, вошла въ комнату; вслѣдъ за нею человекъ несъ глиняный кувшинъ — страшнаго роста, а другой на огромномъ блюдѣ вареные мозги, свѣчки и стаканы.

«Мистрисъ Чикензтокеръ,» воскликнулъ Тоби. И сѣлъ въ свои кресла и сталъ бить себѣ колѣна.

«Какъ, Мегъ, ты выходишь замужъ, и не сказала мнѣ о томъ ни слова? Я бы не могла уснуть наканунѣ новаго года, не зашедши поздравить тебя, и пожелать тебѣ всякихъ благъ. Нѣтъ, Мегъ, я не вытерпѣла бы, хотя бы должна встать больная съ постели. Вотъ я и пришла поздравить тебя; а какъ сегодня канунъ новаго года, да и сверхъ того, твой дѣвичникъ, то я велѣла сварить немножко *флипу* (*) и принесла съ собою.

Понятіе г-жи Чикензтокеръ о томъ, что такое *немножко флипу*, дѣлало честь ея щедрости. Паръ билъ клубомъ изъ кувшина, какъ изъ волкана; а у принесшаго его отнялись руки и кружилась голова.

«Мистрисъ Тоби!» сказалъ Тоби, ходившій все время въ восторгѣ вокругъ нея; «виновать, мистрисъ Чикензтокеръ;

(*) *Флипъ*, горячее пиво съ сахаромъ и съ водною.

награди васъ Господь! Пошли вамъ Богъ много и много счастливыхъ годовъ! Мистрисъ Тоби,» продолжалъ Тоби, поцѣловавшись съ нею, и кончивъ свои поздравленія и пожеланія, «виноватъ, мистрисъ Чикензтокеръ, — вотъ — Уильямъ Фернъ и Лиліана.»

Почтенная г-жа Чикензтокеръ, къ крайнему удивленію Тоби, мгновенно побѣднѣла, а потомъ покраснѣла.

«Не та-ли Лиліана Фернъ, которой мать умерла въ Дорсет-шайръ!» сказала она.

«Та самая!» отвѣчалъ ей дядя; они поспѣшно отошли въ сторону и переговорили между собою нѣсколько словъ; результатомъ которыхъ было то, что г-жа Чикензтокеръ дружески пожала Ферну обѣ руки, еще разъ поцѣловалась съ Тоби въ щеку, и уже сама отъ себя, взяла ребенка и прижала къ своей мощной груди.

«Уиль Фернъ!» сказалъ Тоби, надѣвая на-правую руку рукавицу. «Не та-ли пріятельница покойной, которую ты надѣялся отыскать?»

«Она сама!» отвѣчалъ Уиль, положивъ руки на плеча Тоби. «И кажется, что будетъ ей такою же доброю пріятельницею, какъ другъ, котораго мнѣ послалъ Богъ.»

«Ну!» сказалъ Тоби. «Сдѣлайте милость, господа музыканты, начинайте. Прошу покорно начинать!»

И подъ дружный хоръ музыкантовъ, стакановъ и колоколовъ, продолжавшихъ свою веселую пѣснь на вольномъ воздухѣ; Тоби, поставивъ Мегъ и Ричарда во-вторую пару, самъ открылъ балъ съ г-жею Чикензтокеръ, какимъ-то особеннымъ танцемъ, никогда невиданнымъ ни до того, ни послѣ того, и основаннымъ на свойственной ему иноходи.

И такъ, Тоби видѣлъ свое видѣніе во-снѣ? Или можетъ быть, и всѣ его радости и печали, и дѣйствующія въ нихъ лица, ничто иное, какъ сонъ? и самъ онъ — сонъ? и разсказчикъ этой повѣсти видѣлъ ее во-снѣ, и только-что теперь просыпается?—Когда такъ, слушатель, любезный ему во веѣхъ его видѣніяхъ, попытайся запечатлѣть въ умѣ своемъ грустные дѣйствительности, бросившія эти тѣни; и старайся въ своемъ кругу — никакой кругъ не можетъ быть для того ни

слишкомъ обширенъ, ни слишкомъ тѣсенъ,—старайся исправить и смягчить ихъ. Чтобы новый годъ былъ счастливымъ годомъ и для тебя, и для многихъ другихъ, которыхъ счастье зависитъ отъ тебя! И чтобы каждый новый годъ былъ счастливѣе своего предшественника, и чтобы и самыя послѣдніе изъ нашихъ братьевъ и сестеръ не были исключены отъ справедливой доли, которую назначилъ для ихъ наслажденія. — Великій Творецъ вселенной.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ.

ГЕЙНРИХЪ ЦШОККЕ.

(СТАТЬЯ ГУСТАВА КЮНЕ).

Въ Германіи теперь болѣе чѣмъ когда-либо спорять о литературѣ народной—по происхожденію и народной—по назначенію. Если не ошибаемся, Ауербахъ первый, въ своихъ «Очеркахъ народной литературы» обратилъ вниманіе на эти два понятія, и старался опредѣлить ихъ различіе. Смѣшно ограничивать понятіе о «народѣ» одними низшими сословіями, въ противоположность къ образованному классу; въ Англіи и во Франціи этого строгаго разграниченія не существуетъ, но оно можетъ быть полезно, и даже необходимо, когда образованный классъ имѣетъ свой особый корень, свой особый цвѣтъ, и приноситъ особыя плоды. Въ наше время государи съ своею политикою принадлежатъ къ народу, религія уже не есть исключительная принадлежность духовенства, наука не есть принадлежность ученаго. Все принадлежитъ къ народу, что родилось изъ народной почвы, что соотвѣтствуетъ особенностямъ его характера. Но если на какомъ нибудь поприщѣ и выращиваются тепличныя растенія, то не менѣе того свѣжіе, лѣсные плоды, которые литература приноситъ намъ изъ народа, вдвое пріятнѣе. При этомъ, разумѣется вляется мысль, что не все, что рождается изъ народа, въ то же время и назначается для народа. Доказательствомъ тому служить самъ Бертольдъ Ауербахъ и его сочиненія. Его «Кумъ», какъ книга народная—по языку, по

содержанію и по формѣ, обращается къ массѣ низшихъ сословіи, а между-тѣмъ образованный классъ, соскучивъ раздушеною нувелистикою гостинныхъ, завладѣлъ его сельскими новеллами. Можетъ ли критика причислить эти сельскія повѣсти, по ихъ формѣ, къ образцамъ нѣмецкой нувелистики, это другой вопросъ, не имѣющей здѣсь никакой важности. Наперекоръ литераторамъ-блюстителемъ формы, въ дѣлѣ развитія всегда, и прежде и нынѣ, существенную важность составляли и составляютъ элементы, а не форма.

Наперекоръ всѣмъ мастерамъ формы, уже тридцать лѣтъ Гейнрихъ Цшокке пользуется, если не громкимъ, то по-крайней-мѣрѣ непоколебимымъ могуществомъ и вліяніемъ. О Цшокке рѣдко говорятъ; почти никогда онъ не бывалъ предметомъ критическихъ преній. Чѣмъ скромнѣе и безмятежнѣе была его литературная дѣятельность, тѣмъ глубже и крѣпче пустила она корни въ сердце народа, а изъ народа—преимущественно въ обширное, сильное, вѣтвистое среднее сословіе. Когда отвернешься наконецъ съ досадою отъ многословныхъ, скорописныхъ произведеній, являющихся каждый день, чтобы также скоро исчезнуть, отъ жалкаго тщеславія писателей, всѣми средствами лѣзущихъ въ наставники, — съ изумленіемъ увидишь около себя власть, пускающую въ свѣтъ, безъ всякихъ журнальныхъ возгласовъ, седьмое изданіе недавно еще собранныхъ повѣстей и стихотвореній, и двадцать-четвертое изданіе книги въ шести томахъ душеспасительнаго содержанія. Число изданій разумѣется не всегда свидѣтельствуетъ о достоинствѣ книги; немало въ наше время примѣровъ писателей, умѣвшихъ сдѣлаться необходимыми, раболѣпствуя умышленно или неумышленно слабостямъ публики, и бросаясь сломя голову въ общую порчу вкуса. Но Цшокке не принадлежитъ къ этому разряду писателей, которыхъ мы охотно заклеимъ бы названіемъ *простонародныхъ*, чтобы рѣзко исключить дурную сторону этого понятія изъ понятія о народности. Недавно еще вышло дешовое изданіе народныхъ произведеній Цшокке, «для сельскихъ и городскихъ библіотекъ,» которое показываетъ, что его дѣятельность почерпнула свое начало не изъ мелкаго самолюбія. Это собраніе составляютъ нѣсколько сельскихъ повѣстусекъ, давно уже печатанныхъ отдѣльно, и переведенныхъ на многіе языки, на чешскій, латынскій и

сербскій; *Дьлатель золота*, *Пьяная зараза*, *Мастеръ Иоганнъ*, или, *Работа—золотой рудникъ*. Это настоящія повѣсти, писанныя для народа; первая въ особенности приурочена къ потребностямъ поселянъ. Въ ней разсказывается, какъ честный Освальдъ послѣ долгаго отсутствія, возвращается изъ похода, въ свою родную деревню. Военныя контрибуціи и притѣсненія совершенно измѣнили ее; онъ уже не узнаетъ въ ней своей «Золотой долины», какъ она прежде называлась. Отъ нужды все оцутѣло и одичало; поля стоятъ неспаханныя, народъ толпится въ кабакахъ, а въ мастерскихъ ни-души; за нищетою пришла и порча нравственности. Освальдъ смотритъ на свое родное поле, и ему становится жаль *Золотой долины*. Но онъ человѣкъ бывалый, много насмотрѣлся на свѣтъ, опытъ возвращаетъ ему бодрость. Онъ хочетъ образумить своихъ земляковъ, но его рѣчи и увѣщанія возбуждаютъ одинъ смѣхъ. Между-тѣмъ, онъ прилежно обрабатываетъ свою десятину, Богъ благословляетъ его трудъ; онъ примѣтно богатѣетъ; сосѣди дивятся, откуда ему такая благодать? Ужъ вѣрно, думаютъ, знается съ нечистымъ, обладаетъ тайною выдѣлыванія золота. Онъ открылъ школу, и собираетъ около себя всѣхъ дѣтей деревни, Суевѣрные пасторы и старшины нечаянно приходятъ въ его школу, въ намѣреніи уличить его въ развращеніи юношества; но, видя какъ онъ просто обращается съ дѣтьми, какъ искусно и благородно онъ управляетъ ими, какъ подъ руководствомъ его старшіе обучаютъ младшихъ, они обезоружены, и поражены невольнымъ удивленіемъ. Только быстрое обогащеніе и уединенная жизнь этого мнимаго безбожника, внушаютъ еще подозрѣніе. Крестьянъ искушаетъ мысль разжиться безъ труда, помощью колдовства; они приходятъ къ нему по-одиначкѣ, съ просьбою — открыть имъ тайну. Освальдъ отвѣчаетъ каждому по-одиначкѣ, что онъ дѣйствительно знаетъ эту тайну, и готовъ ее сообщить; и назначаетъ имъ тайное свиданіе ночью. — Вошелъ въ темную комнату, каждый изъ нихъ слышитъ движенія невидимаго сосѣда и считаетъ себя уже на порогѣ царства духовъ. Въ полночь внезапно открывается дверь и выходитъ офицеръ, въ богатомъ мундирѣ, со свѣчкой въ рукѣ. Это привидѣніе никто иной, какъ самъ Освальдъ; а тайна, которую онъ имъ открываетъ, — порядочная жизнь, честность, трудолюбіе, словомъ—правила нравствен-

ности добраго поселянна и хозяина. Пристыженные крестьяне бѣгутъ по домамъ, кто въ гнѣвъ, кто въ горести; однако же призадумываются надъ его словами, и рѣшаются послѣдовать его совѣту. Съ помощью новаго, молодаго пастора, Освальдъ успѣваетъ наконецъ совершенно преобразовать деревню, учреждаетъ сберегательную кассу, основываетъ разныя общественныя учрежденія, и дѣлаетъ деревню достойною названія Золотой долины.

Изъ этого бѣлаго очерка повѣсти можно замѣтить, что въ ней есть довольно характеристическіе моменты, которые можно бы развить въ пластическія группы и сцены. Но они оставлены въ своей первоначальной, голой простотѣ; повѣсть принаровлена къ способностямъ тѣхъ, кого должно изображать. Остальныя повѣсти — совершенно въ такомъ же родѣ. — Кромѣ того въ собраніи народныхъ сочиненій Цюкке находится выборъ изъ того, что было печатано въ его «Швейцарскомъ Вѣстникѣ,» народномъ журналѣ, который много лѣтъ имѣлъ сильное вліяніе на жизнь Швейцаріи. Этотъ Вѣстникъ также былъ писанъ для народа; много въ немъ забавнаго и полезнаго, принаровленнаго къ понятіямъ поселянъ и жителей мелкихъ городишекъ. Тутъ найдете всякаго рода рассказы, поговорки и прибаутки старика-вѣстовщика, басни, изъ общественнаго быта, забавныя и поучительныя сказки, трогательныя повѣсти, юмористическія поученія, мысли Авраама Нотнагеля о бракѣ утѣшительныя увѣщанія Авакума Пумпера, наставленія его о будущей жизни, его странствія по Абиссиніи, разговоры съ Японскимъ императоромъ, къ которому онъ попалъ въ повола, разсужденіе его о томъ, что каждый Тиролецъ, Шварцвальдецъ и Швейцарецъ, родился барономъ. Серіозныя, вѣрныя описанія Фелленберга и его заведенія, смѣняются жалобами несчастныхъ мужей, разсужденія о челоѡколюбивыхъ обществахъ — чудесными письмами ландъ-штадтъ — и плацъ-маіорши Анны Квикли къ брига-маіоршѣ, и т. д.

Цюкке во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ имѣлъ въ виду содѣйствовать развитію нижнихъ сословій, сродняясь съ потребностями народа, развивая его умственныя понятія наравнѣ съ нравственными. Ему должно дать высокое мѣсто въ ряду литераторовъ, писавшихъ для народа. То же самое мѣсто удер-

живаеъ онъ, и еще въ большей степени, въ своихъ повѣ-
стяхъ и романахъ, и въ очеркахъ историческихъ характеровъ.
Имѣлъ ли онъ при этомъ въ виду преимущественно средній
классъ, къ которому они особенно привились, трудно рѣшить.
Цюкке и въ романахъ своихъ хочетъ поучать, наставлять.
но фантазія его здѣсь свободнѣе предается своей творческой
силѣ. Трудно сказать, до какой степени нравъ писателя въ
этомъ случаѣ безсознательно содѣйствуетъ принятому направ-
ленію. И въ лучшихъ поэтическихъ созданіяхъ его видно силь-
ное стремленіе къ поученію. И если торжествомъ его дѣятель-
ности было—возбужденіе свободной воли къ энергическому
владычеству надъ самимъ собою, то не громкое, но постоянное
уваженіе, которымъ онъ пользуется въ Германіи, служить
лучшимъ опроверженіемъ тѣмъ поэтамъ формы, которые си-
лятся вытѣснить изъ предѣловъ искусства всякій нравствен-
ный элементъ, всякую нравственную цѣль. Каждое развитіе
душевныхъ силъ, каждый усиѣхъ духа, долженъ быть дѣломъ
нравственности, какъ въ отдѣльномъ лицѣ, такъ и въ народѣ.
Никакія художественныя формы не могутъ вознаградить отпа-
денія отъ нѣдръ народа, въ которомъ всякое стремленіе духа
есть нравственное; искусство и литература, отдѣляясь отъ не-
го, становятся предметомъ роскоши, нисходятъ на степень пу-
стой забавы.

Нравственное направленіе Цюкке и послужило источни-
комъ его могущества въ Германіи. Чувство нравственно-спра-
ведливаго, открытая правда, твердая, мужественная самостоя-
тельность въ помыслахъ и дѣйствіяхъ, составляющія въ
сочиненіяхъ Цюкке условія благороднаго характера, долж-
ны были найти сочувствіе въ сердцахъ нѣмцевъ. Такому ха-
рактеру, внушающему уваженіе и довѣріе, читатели позволя-
ютъ пускаться въ отвлеченности духовнаго міра, излагать передъ
ними, какъ въ Аламонтадѣ, сомнѣнія, которыхъ никто не раз-
дѣляетъ съ героемъ повѣсти. Генрихъ Цюкке въ горахъ
Швейцаріи, среди политическаго угнетенія, среди возстанія и
религіознаго распадѣнія, почерпалъ себѣ рѣдкую нравственную
чистоту, которая встрѣчается тамъ въ такой же простотѣ раз-
вѣ только въ сочиненіяхъ Ульриха Гегнера. Но у Цюкке
нѣтъ такого спокойствія духа, какъ въ Гегнерѣ; онъ вынесъ
много бурь, виѣшнія и внутреннія волненія безпокойной жиз-

ни переполнили его сердце, и похитили у него миръ души; въ его романахъ видны слѣды возстанія и тяжелой борьбы. Но тѣмъ прочнѣе примиреніе его съ Богомъ и со вселенною; онъ глубокъ, но не утратилъ ясности, простодушенъ, но съ гордостью сознаетъ свое духовное стремленіе.

Изъ сочиненій Цшокке, кажется, преимущественно сдѣлались обиходною книгою въ нѣмецкихъ домахъ его мелкія повѣсти. Рѣзкое, строгое гоненіе на нравственное и духовное малодушіе, доходитъ въ этихъ разсказахъ до могучей кисти Фламандской школы. Отраднo видѣть, когда поэтъ среди юмора и шутокъ, отдастъ дань уваженія твердости въ добрѣ. Въ этихъ повѣстяхъ проходятъ передъ читателемъ мерзавцы хорошаго общества, подлость и малодушіе, прикрытыя свѣткостью, гостиннымъ воспитаніемъ, и знатнымъ происхожденіемъ. Возмущая въ насъ нравственное чувство, эти образы въ тоже время возвышаютъ въ насъ духъ. Гогартъ также возбуждаетъ нравственныя размышленія, когда мы дивимся въ его картинахъ искусству рисованія и поразительной истинѣ самыхъ разнообразныхъ характеровъ. Цшокке не считаетъ себя артистомъ въ литературѣ. Любовь къ истинѣ, говоритъ онъ, одна водитъ его перо, а фантазію только призываетъ себѣ въ помощь. «Такъ всегда бываетъ,» говоритъ онъ гдѣ-то, съ людьми, которые пускаются болтать, потому-что не умѣютъ разсказывать художественно!» Онъ и не подозреваетъ, что именно этотъ безыскусственный тонъ его розказовъ, выказывающій съ самаго начала всѣ его сокровища, простота, съ какою онъ излагаетъ свой прагматическій предметъ, доставили ему довѣріе, уваженіе и славу. Умный человекъ съ прямою душою еще не есть художникъ, но онъ можетъ быть больше, чѣмъ простой художникъ, если къ его нравственной силѣ присоединится и художническое дарованіе. Притомъ въ сочиненіяхъ Цшокке есть такія истинно-художественныя мѣста, что они ему безпрекословно присвоиваютъ почетное мѣсто въ ряду нѣмецкихъ романистовъ, какъ мастеру рисунка и очерка; это именно комическія сцены, полныя свѣжести и бойкости. Какъ удаченъ, напримѣръ, въ «*Мертвомъ гостѣ*» дѣтски наивный тонъ въ изложеніи самаго страшнаго предмета! — Но особую прелесть сочиненіямъ Цшокке даетъ характеристика былаго времени, поэтическое изображеніе старины.

Въ томъ же *«Мертвомъ гостѣ»*, напимѣрь, мастерски представлена въ старомъ Герберсгеймскомъ торговцѣ, Бантесѣ, грубоватая прямота добраго мѣщанина, съ его трогательною честностью, и сухимъ комизмомъ. Кто удачѣе Цшокке рисуетъ тупоумную, ограниченную добродѣтель, причудливую доброту, упрямство старыхъ, неугомонныхъ чудаковъ нѣмецкой старины.

Но, оцѣнивая по достоинству хорошаго таланта Цшокке, мы ничуть не слѣпы и къ недостаткамъ его произведеній; нельзя, напимѣрь, не сознаться, что съ прямою изображеніемъ онъ не всегда соединяетъ тонкость кисти. Изображая женщинъ — Цшокке вообще плохо понимаетъ тонкости души — онъ представляетъ естественные, вѣрные, истинные образы, являющіе въ своей безуспѣшной твердости какую-то врожденную непорочность, какое-то величіе невинности. Борьбы общественныхъ интересовъ и образованнаго круга онъ почти не знаетъ. Въ одной изъ своихъ повѣстей, которую онъ совѣтуетъ читать всѣмъ новобрачнымъ наканунѣ свадьбы, старается онъ развить отношенія супружеской жизни; но нельзя не признаться, что въ супружествѣ встрѣчается множество отношеній и обстоятельствъ, въ которыхъ вовсе не такъ легко побороть силу страсти, идею нравственности, какъ бы казалось изъ наивныхъ предположеній Цшокке. Въ повѣсти *«Тетушка Розмаринъ»*, представляющей дѣвушку падшую по случаю и изъ простодушія, здравый смыслъ автора не можетъ вознаградить недостатка тонкости при описаніи такого щекотливаго предмета. Въ *Возрастахъ женщины*, находимъ описаніе аристократическаго общества, избличающее, что авторъ совершенно съ нимъ незнакомъ.

Изъ прямоты Цшокке происходятъ и всѣ его нѣмецкія качества, какъ писателя. Прагматизмъ его романовъ доставилъ имъ столько почитателей; его удобопонятная, поговорочная, живописная рѣчь, полная смысла и бойкости, сдѣлала ихъ доступными для каждаго. Его практическое, мѣткое остроуміе, напоминающее живой комизмъ старыхъ нѣмецкихъ писателей, взросло на быстрой и выразительной поговорочной рѣчи народа. Въ своей большой повѣсти *Аддерихъ*, онъ, говоря, довольно вѣрно изобразилъ самого себя въ лицѣ

мейстерзенгера Вири. Веселый музыкантъ своимъ бойкими поговорками и прибаутками, шутками и бранными словами почти напоминаетъ рѣчи Ганса Сакса. Въ такомъ же родѣ шутки и прибаутки стараго вѣстовщика въ его народной газетѣ *Швейцарскій Вѣстникъ*. Въ *Аддерихъ*, этой чудной повѣсти, изображающей широкою, бойкою кистью Рубенса, возстаніе Швейцарскихъ крестьянъ противъ городовъ, во время религиозныхъ междуусобій, всѣ фигуры нарисованы въ томъ же стилѣ: не только мейстеръ Вири, но и Энтлибухскій предводитель, и всѣ его товарищи, даже самый ландскнехтъ шведской службы, съ своею нѣсколько напыщенной рѣчью человека, считающаго себя выше сослуживцевъ,— всѣ, болѣе или менѣе, напоминаютъ поговорочную, размашистую рѣчь давно минувшей нѣмецкой старины.

Среди этой мастерской картины швейцарскихъ крестьянскихъ войнъ, является главнымъ лицомъ, *Аддерихъ*, который, подобно Аламонтаду, даетъ намъ взглянуть въ глубокія тайницы души, полной сомнѣнія и борьбы. Еще задолго до того, въ одномъ порожденіи бурной молодости, въ разбойнической драмѣ *Абеллино*, Цшокке подобно многимъ глубокимъ умамъ, въ извѣстный періодъ ихъ дѣятельности, представилъ такую же душу, терзаемую сомнѣніемъ. Въ Аламонтадѣ онъ болѣе вводитъ насъ въ метафизическія глубины этихъ элементовъ возстанія всѣхъ началъ жизни; элементовъ, которые онъ поборолъ, озарилъ такимъ яснымъ и сильнымъ свѣтомъ, въ своихъ душевспасительныхъ сочиненіяхъ, преимущественно въ своемъ *Развитіи христіанства и всѣхъ человѣческихъ религій*. Въ Аламонтадѣ и *Аддерихъ* эти хаотическія мысли являются въ поэтической формѣ. Это души, полныя скорби, разливающія на все вокругъ себя мракъ, ихъ наполняющій; недовольные судьбою и всѣмъ твореніемъ, уязвленные въ самыхъ заветныхъ своихъ чувствахъ, обманутые во всѣхъ надеждахъ, они ищутъ отвѣта на преслѣдующія ихъ сомнѣнія; не будучи въ состояніи уловить неуловимаго лицомъ къ лицу, они ищутъ его въ каждомъ членѣ творенія.

Эти характеры приводятъ насъ къ религиознымъ вѣрованіямъ Цшокке и къ несправедливому обвиненію его въ пантеизмъ. Онъ протестантъ, но не ограничиваетъ истинной ре-

лиги предѣлами протестантизма. Въ своемъ *Швейцарскомъ Вѣстникѣ* онъ обращался къ послѣдователямъ евангелическаго и римско-католическаго закона, и училъ ихъ искать спасенія не въ однѣхъ голыхъ формахъ; точно такъ же и въ ученыхъ своихъ сочиненіяхъ онъ всегда имѣеть ввиду истинное откровеніе, христіанство, которое должно побороть всѣ различія партій. Ненависть Цшокке къ средневѣковой мистикѣ, даже въ новыхъ ея формахъ, возбудила противъ него много непріятелей.

Набросавъ характеристику сочиненій Цшокке, обратимся къ нему самому, и разсмотримъ собственное его развитіе. Вѣрнѣйшимъ руководствомъ въ этомъ случаѣ можетъ служить *автобіографія* Цшокке (*Selbstschau*).

Гейнрихъ Цшокке родился въ 1771 году, въ Магдебургѣ. Онъ сынъ суконнаго фабриканта, который составилъ себѣ довольно хорошее состояніе во время Семилѣтней войны. Вскорѣ по рожденіи Гейнриха, послѣдняго изъ многихъ сыновей, умерла его мать. Гейнрихъ, крѣпкій, здоровый ребенокъ, пользовался нѣжнымъ попеченіемъ отца, но скоро и отецъ умеръ, и онъ внезапно лишился нѣжности въ обращеніи и попеченіи, къ которымъ привыкъ; чувство сиротства породило въ немъ угрюмое упрямство. Бѣдный ребенокъ сталъ задумчивъ и разсвѣнь. Учители жаловались, что онъ ничему не хотѣлъ учиться порядкомъ, его таскали изъ школы въ школу, и вездѣ оставались при томъ мнѣніи, что изъ него ничего не выйдетъ путнаго; одинъ изъ его учителей печально возбудилъ въ немъ духъ благочестія, склонность къ мечтательности. Въ своихъ запискахъ онъ признается, что въ дѣтствѣ ничему не учился, былъ лѣнтяемъ по всѣмъ предметамъ. Разказы старыхъ поденщиковъ и слугъ онъ предпочиталъ всѣмъ грамматикамъ. «Робинсонъ Крузо» и «Тысяча и одна ночь» были главною пищею его ума. Пролѣзавшись цѣлый день, ночью онъ садился за работу, которую всѣ считали пустяками. Еще на двѣнадцатомъ году показывалъ онъ желаніе вести въ дневникѣ отчетъ своей жизни (*Selbstschau*). Ни одна душа не понимала его. Всѣ считали его упрямымъ, а онъ мстилъ за суровость угрюмостью. Наконецъ, глупая школьная удаля побудила его бѣжать. Семнадцати лѣтъ бѣжалъ онъ въ Шверинъ, и сталъ театральнымъ писателемъ при странствующей труппѣ. Эта

двухлѣтная, скитальческая жизнь, говоритъ онъ, придала къ его угрюмости надлежащую долю легкомыслія. Когда труппа разбрелась, онъ отправился въ Франкфуртъ на Майнѣ, и въ тамошнемъ высшемъ училищѣ занимался богословіемъ, философіею, исторіею и поэзіею, и написалъ разбойничью драму *Абеллино*. Съ шумною славой явилась эта уродливая драма на всѣхъ нѣмецкихъ театрахъ. Цшокке въ послѣдствіи самъ стыдился этого выродка, и по возможности исправлялъ его, потому, что добрая публика не могла съ нимъ разстаться; еще не далѣе, какъ лѣтъ двѣнадцать тому игрался этотъ «негодяй изъ благородства» на Юзефштадтскомъ театрѣ въ Вѣнѣ. Цшокке писалъ эту драму во-время своихъ религіозныхъ колебаній; сомнѣніе вытѣснило изъ сердца его вѣру; Абеллино проповѣдуетъ такой-же скептицизмъ, какъ Карлъ Моръ.

Цшокке, изучавшій въ университетѣ преимущественно богословіе, самъ началъ проповѣдовать, воротившись кандидатою въ свой родной городъ. Между-тѣмъ Французская Революція начинала волновать всѣ головы въ Германіи. Противникъ Вѣльверова эдикта, разумѣется не могъ надѣяться получить должность и содержаніе въ Пруссіи. Онъ взялъ свой странническій посохъ и отправился изъ Саксоніи черезъ Германію къ Боденскому озеру. Среди Альпъ надѣялся онъ найти себѣ родину, болѣе согласную съ его понятіями объ общественномъ устройствѣ и его стремленіемъ къ практической дѣятельности. Но недолго онъ утѣшался этою юношескою мечтою. Въ католическихъ кантонахъ встрѣтилъ онъ грубое невѣжество, суевѣріе, лѣность, нищенство; въ Цюрихѣ и другихъ реформатскихъ кантонахъ поселяне стонали подъ гнетомъ городскихъ патриціевъ. Его мечта о равенствѣ совсѣмъ разрушилась. Но тутъ онъ встрѣтился съ Песталоцци, Устеря, Негели. Съ Эльснеромъ, авторомъ парижскихъ писемъ, поѣхалъ онъ въ столицу Французской Республики. Старикъ Шлаббрендорфъ, опять уничтожилъ въ немъ вѣру въ свободу новой республики. Онъ рѣшился ѣхать въ Римъ, самъ незная зачѣмъ; но сначала хотѣлъ онъ посѣтить пастушескіе племена въ горныхъ кантонахъ Швейцаріи, искать у нихъ свободы и равенства. Онъ приѣхалъ черезъ Бернъ въ Эуръ. Тутъ посѣтилъ онъ Рейхенауское заведеніе, въ которомъ за-три года передъ тѣмъ нашелъ убожище безпомощный

герцогъ Шартрскій (нынѣшній король французовъ.) Жажда практической дѣятельности побудила Цшокке вступить на трудное и невидное поприще педагога. «Кто получилъ изъ рукъ природы, говоритъ онъ, благословеніе на воспитаніе юношества, и можетъ всѣми силами души любить это назначеніе, несмотря на сопровождающіе его неблагоприятность и презрѣніе, и приносить себя въ жертву ему; тому даже школьная пыль будетъ священнымъ свѣтомъ.» Часто видали Цшокке въ Швейцаріи рука объ руку съ Песталоцци. Между-тѣмъ понятія его во-многомъ не согласовались съ ученіемъ великаго преобразователя педагогики.

Въ это же время Цшокке написалъ свою. «*Исторію Республики трехъ союзозъ верхней Ретии*, книгу, почти немедленно переведенную на французскій и итальянскій языки, и доставившую ему право гражданства; ему было тогда двадцать восемь лѣтъ.

Рейхенауское заведеніе съ поступленіемъ Цшокке стало быстро подниматься. Но дѣятельность его на этомъ поприщѣ скоро была остановлена. Французскія войска явились въ Швейцаріи. Между Швейцарцами небыло никакого единства, каждый кантонъ хотѣлъ обороняться самъ по-себѣ, и всѣ пали порознь. Въ то же время открылись раздоры и внутри. Австрія не допускала измѣненій въ конституціи Граубинденскаго кантона. Въ смутахъ, обрушившихся на новую родину Цшокке, всего яснѣе выказалась его ненависть къ духовенству; въ борьбѣ политическихъ партій, онъ былъ на-сторонѣ умѣренныхъ патріотовъ. Но дворянство, поддерживаемое Австріею, возбуждало противъ нихъ поселянъ. Цшокке принужденъ былъ бѣжать съ Салисомъ въ Арау, гдѣ онъ снискалъ своей партіи покровительство французовъ. Президентъ далъ ему съ братскимъ пощѣлуемъ право французскаго гражданства и назначилъ его комиссаромъ французскаго правительства. Эта должность дала просторъ его практическому смыслу дѣйствовать на пользу своихъ швейцарскихъ братьевъ. Когда рускіе вступили подъ начальствомъ Суворова въ Швейцарію и сражались съ Массеною подъ Швицомъ, приходилось ему устранять много безпорядковъ, и залечивать много ранъ. Среди военныхъ тревогъ, онъ не только долженъ былъ заботиться о воспитаніи юношества, но и о защитѣ ремесленниковъ, и о

поддержаніи ихъ труда. Человѣкъ неутомимой практической дѣятельности и твердаго духа, былъ въ то время также необходимымъ, какъ хорошіе полководцы. Цюкке не былъ слѣпымъ приверженцомъ французовъ. Въ 1800 году, онъ, какъ комиссаръ французскаго правительства, долженъ былъ провожать Перваго Консула черезъ Сенъ — Бернаръ; онъ уклонился отъ этой обязанности, сохранилъ однако-же свою должность, и усердно заботился о сохраненіи мира между швейцарскими поселянами и французскими войсками. Массена грабилъ и тѣснилъ народъ; Цюкке не разъ спасалъ страну отъ голода своими мѣрами къ подвозу хлѣба. — Цюкке участвовалъ и въ управленіи Арау, былъ совѣтникомъ горнаго и лѣснаго управленія, занимался въ этой должности ботаникою, и написалъ даже книгу: *Горный лѣсничій*.

По заключеніи Люневильскаго мира, который онъ торжествовалъ пушечною пальбою съ городскихъ стѣнъ, Цюкке вышелъ въ отставку и удалился въ уединеніе кабинета. Съ этихъ поръ онъ хотѣлъ дѣйствовать и учить только перомъ. Будучи, по собственному его выраженію, «современникомъ цивилизованнаго варварства,» у него многое было на душѣ; а письменный столъ онъ считалъ лучшею кафедрою, имѣющую самый обширный кругъ слушателей. Съ 1803 до 1805 года явились его *Достопамятности швейцарскихъ переворотовъ*. — Около того же времени онъ женился и завелся хозяйствомъ въ Арау; между гостями на свадьбѣ его былъ Гебель. Кромѣ Гебеля, въ болѣе тѣсной дружбѣ онъ былъ тогда съ Ульрихомъ Гернеромъ, Матиссономъ и Фридерикою Бруннъ.

Переходомъ отъ практической дѣятельности къ литературной — была его народная газета *Швейцарскій Вѣстникъ* и *Исторія Швейцаріи для швейцарскаго народа*. Отказавшись отъ участія въ управленіи, онъ однако-же сохранилъ разныя почетныя должности. Ненависть его къ духовенству и патриціату была также сильна и дѣятельна, какъ и прежде. Ему отвѣчали взаимною ненавистью. Завистники и недоброжелатели чернили его; позорили его въ сочиненіяхъ и съ кафедръ. Городское управленіе хотѣло принудить его назвать одного сотрудника, навлекшаго неудовольствіе правленія слишкомъ смѣлою статьею; тогда Цюкке сложилъ съ себя всѣ свои должности;

«мнѣ было стыдно, говоритъ онъ въ своей біографіи, быть ихъ сослуживцемъ.»

Кромѣ народныхъ сочиненій, Цюкке усердно занимался изученіемъ христіанства и исторіи человѣчества. Совѣ внушилъ ему мысль представить героя истинной добродѣтели, въ самыхъ глубокихъ бѣдствіяхъ, его безмѣрные скорби, его отчаяніе, и наконецъ возвращеніе къ Богу. Изъ этой мысли родился колодникъ Аламонтаде. Тревожная жизнь Цюкке, среди военныхъ дѣйствій и общественныхъ смуть, очистила и укрѣпила въ немъ религіозное чувство и дала ему особенный характеръ. Онъ понялъ религіозныя потребности и въ окружавшемъ его обществѣ. Въ 1807 году родилась у него мысль *Часовъ благоговѣнія*. «Это было еще во время великаго страданія Европы, говоритъ Цюкке; угнетенные народы искали утѣшенія, душевнаго успокоенія въ церквахъ, въ проповѣдяхъ, въ св. причастіи, въ крестныхъ ходахъ, въ путешествіяхъ на богомоліе. Казалось, никогда еще такое огромное число страждущихъ не жаждало съ такою ревностью той крѣпости души, которую можетъ дать одна религія, никогда они не слушали съ такимъ вниманіемъ святое ученіе Иисусово, и не были такъ готовы возвратиться въ нѣдра его. Зачѣмъ же, думалъ я, не возвышается мощный голосъ избранника, и не произноситъ слова, котораго было бы теперь благодѣяніемъ для столькихъ тысячъ скорбныхъ душъ? и на этотъ вопросъ отвѣчалъ другимъ вопросомъ: зачѣмъ же самъ ты не дерзаешь возвысить голосъ, когда другіе молчатъ? — Этотъ неожиданный вопросъ, будто раздавшійся изъ чужихъ устъ, поразилъ меня. Я чувствовалъ, что не я тотъ избранникъ; однако же мнѣ тутъ открывалось новое поприще высокой дѣятельности. Развѣ я самъ не зналъ народа, и непонималъ его потребностей! Непонималъ онъ развѣ уже четыре года мою бесѣду о его житейскихъ дѣлахъ? До-сихъ-поръ рѣчь моя была безплодна. Теперь предстояло мнѣ пробудить въ сердцахъ религіозную жизнь, укрѣпить ихъ въ стремленіи къ тому, чѣмъ долженъ быть человѣкъ, чѣмъ долженъ быть истинный, а не лже-христіанинъ въ годину тяжкаго испытанія. Не въ одномъ сердцѣ могъ я воскресить гордость, простоту и покорность первоначальнаго христіанства! Не былъ ли уже мой Аламонтаде цѣлительнымъ бальзамомъ для многихъ скорбя-

щихъ душъ. — Разстройство безчисленнаго множества семей, подъ вліяніемъ тяжелаго времени, можетъ сообщить рѣчи моей могущество, котораго я немогу почерпнуть въ себѣ самомъ — Двадцать семь изданій этой книги доказали, какъ она была нужна обществу; она была переведена почти на всѣ языки, принаровлена ко всѣмъ религіямъ. Но въ то-же время сдѣлалась предметомъ сильныхъ преслѣдованій.» Имя автора долго оставалось тайною. То приписывали ее Костницкому прелату Вессенбергу, то пастору Келлеру въ Арау, то же католику; послѣдній подвергся за нея многимъ преслѣдованіямъ и умеръ, не узнавъ настоящаго виновника. Только въ своей біографіи Цшокке открылъ тайну. Книга эта возбуждала дѣятельную полемику между Толукомъ, въ Галле и Чирнеромъ въ Лейпцигѣ; первый былъ ея противникомъ, второй защитникомъ. Эти *Часы благоговѣнія*, говоритъ Цшокке, скоро можетъ быть забудутся, но они исполнили свое назначеніе. Назначеніемъ ихъ было: «поукрѣпить въ то тревожное время упдавшую религію въ домашнемъ быту.»

Семейная жизнь Цшокке была проста и спокойна. Онъ самъ воспиталъ своихъ сыновей. Еще во время своего учительства, онъ отступилъ отъ мнѣній Песталоцци, избѣгая публичныхъ испытаній. Впрочемъ онъ во-многомъ былъ согласенъ съ Ифтеренскимъ педагогомъ. Основная идея системы Цшокке ничего не внушать молодой душѣ, а только устранять все, что можетъ препятствовать развитію ея самобытности. Цѣль его—привести людей къ полному сознанію своей собственной лучшей природы. Въ дѣтяхъ, говоритъ онъ, нѣтъ ни добродѣтели, ни грѣха; ихъ справедливо называютъ невинными. Но человѣческой духовной природѣ въ нихъ противудѣйствуетъ животная природа человѣческаго тѣла; эта природа должна быть укрощаема, какъ и во всѣхъ ручныхъ животныхъ, но воспитатель долженъ всегда имѣть ввиду духовную природу воспитанника. Въ дѣтяхъ преимущественно дѣятельны подражательность и воображеніе; дѣти развиваются по-примѣру окружающихъ; они развращаются вслѣдствіе небрежности родителей и воспитателей. Правдивость, говоритъ онъ, должна быть первымъ закономъ въ домѣ; даже въ шутку не допускайте отступленія отъ истины! — Второй и третій законъ у Цшокке трудъ и воздержаніе. Съ малолѣтства при-

учалъ онъ дѣтей къ простой и суровой жизни, одѣвалъ ихъ чисто, но почти бѣдно; спали они на мякинѣ. Чтобы приучить ихъ къ самостоятельности, онъ посылалъ ихъ съ дѣсятилѣтняго возраста, сначала попарно, потомъ по-одиначкѣ съ мѣшкомъ за плечами совершать лѣтомъ небольшія путешествія пѣшкомъ, къ пріятелямъ въ сосѣдніе города; потомъ подалѣе, и наконецъ въ альпійскія горы и ледники, пополнять свои ботаническія собранія; деньги давались имъ съ самою строгою экономіею. Это приучало ихъ жить безъ чужой помощи, развивало въ нихъ самостоятельность, не отчуждая ихъ отъ родительскаго дома. Каждый долженъ былъ избрать себѣ званіе, но кромѣ ученыхъ занятій, долженъ былъ учиться какому нибудь ремеслу; они должны были поступать въ университетъ, записываясь въ тоже время въ цѣхъ подмастерьями; по окончаніи курса онъ отпускалъ ихъ на всѣ четыре стороны. Такимъ образомъ, они выходили людьми практическими, сохраняли свѣжесть души и тѣла, и не заражались нѣмецкимъ ученымъ высокомѣріемъ передъ ремесленниками. — Въ религіозномъ воспитаніи, Цшокке старался, чтобы всѣ религіозныя обязанности были не просто привычками, сохранившимися съ дѣтскихъ лѣтъ, а дѣломъ сознанія; внушалъ терпимость къ другимъ дѣтямъ одного небеснаго Отца, поклоняющимся Ему въ другихъ формахъ.

Съ 1817 по 1823 годъ явились его превосходныя «*Матеріалы исторіи нашего времени,*» съ 1811 г. его *Развлеченія*. Не разъ уже его звали въ Баварію. Онъ наконецъ поѣхалъ, и согласился писать *Исторію Баваріи*. Но онъ не отдалъ своей гражданской свободы; въ Баваріи же нашлось ему всего болѣе противниковъ, потому, что тутъ была безпрестанная борьба между свѣтомъ и тьмою. Свою литературную задачу считалъ онъ главною цѣлью жизни, и черпалъ для нея силу изъ своего свободнаго положенія. «Помня всегда, говоритъ онъ, что я современникъ цивилизованнаго варварства, я замѣтилъ, что всякое нравственное зло, а слѣдовательно и всѣ страданія семействъ и народовъ, происходятъ не изъ чистой, врожденной злобы людей, а изъ ихъ заблужденій и ошибочныхъ понятій; что и благороднѣйшій не безгрѣшенъ, и что въ самомъ грѣшномъ есть что-нибудь хорошее; что въ свѣтѣ нравственно-справедливое вообще всегда имѣетъ пере-

вѣсъ надъ нравственно-злымъ; ибо иначе человѣческой роль давно бы истребился съ лица земли; что большая часть преступковъ и преступленій суть очевидные плоды образованія народа, вслѣдствіе ложныхъ и вредныхъ учрежденій, ученій, понятій.»

Нынче Цшокке семидесятилѣтній старикъ, здоровый и счастливый, доживаетъ спокойно вѣкъ свой въ нѣсколькихъ часахъ отъ Арау, на-берегу рѣки Ара, въ своемъ помѣстьи Блауменгалде. Строгий, самостоятельный духъ его дѣлаетъ его недоступнымъ почестямъ и пустому любопытству приѣзжихъ. Но Швейцарія и нѣмецкіе города не разъ изъявляли ему свое уваженіе и благодарность. Родной его Магдебургъ вспомнилъ его въ послѣднее время; а Гамбургъ нѣсколько лѣтъ назадъ праздновалъ его присутствіе, какъ общественное торжество.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ОБОЗЪ.

Издадека, дорогой большою
Потянулся обозъ—все съ товаромъ ; —
Мужички — кто илетъ стороною ,
А кто на-возъ прилегъ подъ рогожу.

На дворъ стоитъ осень глухая ;
Вишь ты, поле совсѣмъ пожелтло ;
Ужь взда на колесахъ плохая ,
Колеи заковало морозомъ.

Ну ты, пѣгой, плетись за другими !
Эхъ, долга будетъ вамъ путь - дорога !
Словно вьивкъ съ сучками сухими
Встрѣтишь липку, — и все глушь такая !

А промчится почтовая тройка ,
Какъ присвиснетъ осанистый парень , —
Словно что-то припомнится горько...
Ну, ты, пѣгой, плетись помаленьку !

На-легкѣ не ѣзжали мы что-ли ?
Аль коней мы такихъ не видали ? —
Будетъ съ насъ — понатѣшились волей , —
Прогулять мы сумѣли что было !

А какъ молодца взяли - женили,
 Какъ женили да руки связали,
 Да съ заботой — нуждой породнили —
 Не взбредеть и на умъ эта удалъ!

И плетись за другими ты слѣдомъ,
 Да мурлычь себя глупую пѣсню —
 «Какъ жена поругалась съ сосѣдомъ,»
 «Какъ солдатикъ пришолъ на побывку.»

Отъ села, отъ тяжелой неволи
 Радъ кудабъ занесло тебя дальше...
 Вотъ матель подымается въ полъ,
 А ночлега еще и невидно.

Дай — придемъ, — хозяинъ знакомый, —
 Онъ ворота со скрипомъ отворить,
 Поднесетъ, да постелетъ соломы —
 И такъ крѣпко проспшишь до разсвѣта...

А. Пальмъ.

* * *

Напрасно прозрачныя глазки твои
 Твердятъ о блаженствѣ любви.
 Заглохшее сердце, молю, не тревожь —
 Въ немъ звуковъ былыхъ не найдешь...

Пустыя желанья и грезы страстей
 Души неволнуютъ моей. —
 Испытанъ иною тяжелой борьбой
 Съ моей безотрадной судьбой, —

Забылъ я порывы къ нѣмымъ небесамъ,
 Къ воздушнымъ и свѣтымъ мечтамъ...
 Но память про вольную юность мою
 Какъ грустную тайну люблю.

А. Пальмъ.

ВСТРѢЧА.

Я помню вечеръ : случаемъ неожиданнымъ
Мы съ вами встрѣтились въ саду. Давно
Горѣлъ закатъ какимъ-то блескомъ страннымъ
И мѣсяцъ, какъ кровавое пятно,
Всходилъ надъ рощей; въ сумракъ туманномъ
Все было тишиной окружено.
Мы шли дорожкой; купы пестрыхъ далій
Привѣтливо головками качали.

Мы шли безмолвно; но въ безмолвьи этомъ
Такъ много говорила жизнь безъ словъ;
Такъ сердце въ немъ цвѣло роскошнымъ цвѣтомъ
И золотыхъ надеждъ, и чудныхъ сновъ;
Такъ все вокругъ сіяло дивнымъ свѣтомъ,
Такъ проживали много мы годовъ
Въ одно мгновенье.... Пусть уста молчали,
Мы хорошо другъ друга понимали.

Прошли года, и случаемъ неожиданнымъ
Опять мы съ вами встрѣтились. Увы!
Мы обмѣнялись ужъ привѣтомъ хладнымъ
И легкимъ наклономъ головы.
Былъ также вечеръ; разговоромъ страннымъ
Съ какимъ-то франтомъ занимались вы.
Онъ что-то вамъ шепталъ.... Вы были дамой...
И показалась жизнь мнѣ ѣдкой эпитафмой.

И вспомнилъ вечеръ я въ саду. Ужъ чувство
Давно во мнѣ молчало; жаръ въ крови
Давно погасъ; давно за безразсудство
Считалъ я вѣру въ вѣчный рай любви
И понималъ страстей людскихъ безцвѣтство.
Но улетѣлъ неволью я въ тѣ дни....
Я замечтался средь толпы стоустой
И стало мнѣ смѣшно тогда и грустно.

Н. Грековъ.

МЕЛОДІЯ.

У открытаго на ночь окна,
 Подгорюясь, сидѣла она
 И порой у нея на глаза,
 Какъ алмазь набѣгала слеза,
 И по розовымъ щечкамъ свой путь
 Пролагала на бѣлую грудь.
 А луна въ небѣ ясномъ текла
 И свой блескъ серебристый лила,
 И игралъ онъ на прядяхъ волосъ,
 И дрожалъ въ капляхъ падавшихъ слезъ,
 Какъ въ росинкахъ—на листьяхъ цвѣтовъ,
 Посреди ароматныхъ луговъ.

И въ открытое на ночь окно
 Несся запахъ сирени и розъ;
 И въ тотъ мигъ на душевное дно
 Много, много запало мнѣ грѣзь.

А въ саду, подъ открытымъ окномъ,
 Надъ разцвѣтшимъ сирени кустомъ,
 Соловья раздавалась трель,
 Да порою, въ травѣ карастель,
 Прерывая безмолвье на мигъ,
 Затѣвалъ свой отрывистый крикъ.
 А луна въ ясномъ небѣ текла
 И свой блескъ серебристый лила.
 И игралъ онъ на прядяхъ волосъ,
 И дрожалъ въ капляхъ падавшихъ слезъ,
 Какъ въ росинкахъ, на листьяхъ цвѣтовъ,
 Посреди ароматныхъ луговъ.

И въ открытое на ночь окно
 Несся запахъ сирени и розъ;
 И въ тотъ мигъ на душевное дно
 Много, много запало мнѣ грѣзь.

Н. Грековъ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ДѢТОШИСЬ.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Боги Олимпа въ Парижѣ. Шутка-водевиль въ пяти дѣйствіяхъ. Переводъ съ французскаго А. Н. А.

Жертва мщенія. Драма въ двухъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ французскаго. Д. Ленскаго.

Женатыя повѣсы или Дядюшка ищетъ, а племянничекъ рыщетъ. Комедія-водевиль, въ одномъ дѣйствіи. Переводъ съ французскаго. А. Н. А.

(Бенефисъ и. Смирновыхъ 1-го и 2-го).

Времена Ювеналовъ и Буало давно миновали. Нынѣ ни одинъ поэтъ не посвятитъ трудовъ своихъ на сооруженіе сатиръ въ нѣсколько десятковъ пьесъ, въ которыхъ будетъ бичевать нравственными сентенціями пороки и заблужденія въ-

ка, и гдѣ счастливый и колкій стихъ часто служить замѣною вѣрнаго изображенія общества.

Въ наше время такого рода живопись вышла изъ области сатирическихъ поэмъ и сдѣлалась законнымъ достояніемъ сцены. Умныя комедіи Скриба и Сансона и мѣткіе куплеты ихъ водевильной собратіи гораздо язвительнѣе попадаютъ въ болное мѣсто современнаго общества, чѣмъ всѣ строго-академическія выходки сатирическихъ париковъ XVIII столѣтія.

Эта перемѣна литературнаго направленія произошла вмѣстѣ съ измѣненіемъ самаго общества. Послѣ-революціонный вѣкъ Франціи, перемѣнивъ общественныя понятія, измѣнилъ, естественно, и самыя формы, въ которыя жизнь общественная выливалась. Эти формы сдѣлались послѣдствіемъ идей, внесенныхъ въ обновленную жизнь, и уже не отступленіе отъ принятыхъ формъ, а уклоненіе отъ идей—сдѣлалось предметомъ драматическаго и эпическаго творчества. Драма вслѣдствіе того получила характеръ политическій, а нравоучительная сатира, исполненная громкихъ сентенцій, исчезла совершенно, уступивъ свое мѣсто—роману и повѣсти, гдѣ уклоненія отъ основныхъ идей общества и противорѣчія гражданственныхъ формъ съ естественными потребностями человѣческой природы, явились въ образахъ болѣе осязательныхъ, болѣе фактическихъ и понятныхъ для каждаго.

Ежегодно, въ первыхъ числахъ января, на всѣхъ парижскихъ сценахъ, являются пьесы сатирическаго содержанія, извѣстныя подъ названіемъ «Обзоръ» (révue), и которыхъ цѣль осмѣивать все то, что въ теченіе года произошло въ общественной жизни смѣшнаго, нелѣпаго, несообразнаго съ духомъ народнымъ, съ требованіями вѣка, съ успѣхами просвѣщенія, съ направленіемъ общества. Подъ формою шутки, въ этихъ фарсахъ высказываются иногда глубокія истины, которыя ядовитымъ жаломъ насмѣшки измѣняютъ многое, и многихъ снова обращаютъ на путь истинный.

Къ такого рода пьесамъ принадлежитъ и мифологическая пародія «*Боги Олимпа въ Парижѣ.*» Въ ней очень остроумно осмѣяна та зависть, съ которою всѣ народы смотрятъ на Парижъ, какъ на рай земной, и показана та сторона въ каждомъ еословіи, которая вовсе не-завидна.

Древніе боги, старѣясь на Олимпѣ въ бездѣйствіи, изгнани-

ные даже изъ области поэзіи, незная, что пачать отъ смертельной скуки, рѣшаются спуститься въ Парижъ, чтобы тамъ вкусить отъ всѣхъ возможныхъ благъ, о которыхъ имъ рассказываетъ Меркурій, и которымъ они, подобно всѣмъ, завидуютъ. Вотъ они въ этомъ Парижѣ—Олимпѣ новѣйшихъ временъ: они хотятъ веселиться, наслаждаться жизнью, но на каждомъ шагу съ нихъ требуютъ денегъ; они желаютъ пользоваться совершенной свободою, а отъ нихъ требуютъ, чтобы они выбрали себѣ промыселъ (*un état*); Бахусъ дѣлается—виноторговцемъ; Нептунъ—водоносомъ; Апполонъ—публичнымъ писцомъ; Марсъ—солдатомъ муниципальной гвардіи; Церера—булочницей; Флора—цвѣточницею; Помона—торговкой фруктами; Геба—маркитанткою; Венера—содержательницей кофейни; Вулканъ—прислужникомъ въ этой кофейнѣ; Терпсихора—фигуранткой Оперы; Меркурій—промышленникомъ; Минерва—двусмысленной дамою; Юпитеръ—поступаетъ въ полицейскіе комиссары, а Купидонъ—въ студенты. Но и въ этихъ новыхъ званіяхъ, выбранныхъ по вкусу и природнымъ склонностямъ каждаго, боги встрѣчаютъ на каждомъ шагу неудобства, препятствія и неудовольствія, и сбросивъ строгій этикетъ Олимпійскихъ правовъ, сдѣлавшись гражданами этой свободной монархіи, они находятъ въ ней все, кромѣ свободы, и послѣ кратковременнаго страданія, рады, что, по милости Юпитера, могутъ снова возвратиться на Олимпъ, что не попадаютъ въ исправительную тюрьму и на галеры.

Всякій видитъ, что въ такомъ сюжетѣ было—гдѣ разгуляться на счетъ политическаго и нравственнаго устройства современной Франціи и надо отдать справедливость автору: онъ далъ полный разгулъ своему язвительному остроумію. Пьеса эта—мѣткая и острая сатира,—имѣла огромный и заслуженный успѣхъ въ Парижѣ, но у насъ, гдѣ нравы парижскіе такъ же непонятны, какъ и ловкіе намеки на французскую гражданственность, она утратила всю свою остроту, весь интересъ, даже смыслъ—и явилась чѣмъ-то страннымъ: какою-то безсвязною болтовнею, безъ цѣли и значенія, прикрашеною костюмами и декораціями, вполне ей соотвѣтствующими. Удивительно, какъ могъ рѣшиться переводчикъ потратить трудъ и время на подобную передачу пьесы, которой достоинство рѣшительно мѣстное и временное! Или слѣдовало виденныхъ нами

боговъ Олимпа—перевести въ Москву—на толкучій рынокъ, или уже вовсе не пускать ихъ, чрезъ Парижъ, на русскую сцену.

Драма «Жертва Мщенія» принадлежитъ къ тѣмъ пьесамъ новѣйшей французской драматической школы, въ которыхъ есть небольшой кончикъ идеи, но гдѣ его растягиваютъ въ канитель парадоксовъ, для накопленія эффектныхъ сценъ. Сцены эти дѣйствительно занимательны по положенію дѣйствующихъ лицъ, но теряютъ истину и правдоподобіе, потому—что пружины, которыя произвели ихъ и побужденія, изъ которыхъ хлопочутъ лица, натянуты и насильственны. Сгоряча зритель принимаетъ невольное участіе въ дѣйствіи, но когда занавѣсъ опущенъ и онъ пришелъ въ себя и хладнокровно начинаетъ анализировать все, что видѣлъ и почувствовалъ, онъ находитъ, что все это была одна фантазмагорія, призракъ—безъ тѣла, видѣніе—безъ внутреннаго, всеоживляющаго духа.

Судите сами: Генераль Робервиль, храбрый и доблестный солдатъ, въ пылу сраженія, въ которомъ сложилъ жизнь свою, былъ оклеветанъ передъ императоромъ Наполеономъ генераломъ Мелькуромъ, и Наполеонъ почитаетъ его причиною неудачи своей военной комбинаціи. И оклеветанный и клеветникъ—пали. Остаются ихъ дѣти: Эдуардъ Робервиль и Генрихъ Мелькуръ. Эдуардъ поставилъ себѣ цѣлю всей жизни омытъ позоръ съ праха отца своего кровію Мелькура. Но онъ не можетъ его отыскать, потому—что молодой капитанъ Мелькуръ съ фрегатомъ своимъ дерется въ Америкѣ, а у Эдуарда на рукахъ сестра Жюльетта, у которой онъ одинъ остался покровителемъ. Между-тѣмъ, судьба хотѣла примирить отцевъ въ лицѣ дѣтей: Жюльетта и Мелькуръ любятъ другъ друга страстно и тайно обвѣнчаны, но молодая женщина должна скрываться отъ брата, опасаясь за жизнь своего супруга. Является морякъ Бернаръ и привозитъ извѣстіе, что капитанъ его, Мелькуръ, убитъ въ морской схваткѣ. Жюльетта, при этомъ извѣстіи сходитъ съ ума; братъ ея въ совершенномъ отчаяніи, что и послѣднее средство мщенія ускользнуло у него изъ рукъ. Онъ рѣшается продать свое помѣстье и удалиться изъ Франціи. Находится покущикъ: это Мелькуръ, кото-

рый плечился отъ смертельной раны и возвратился на-родину. При видѣ его, Жюльетта пробуждается отъ своего цѣлотизма, а братъ ея оживаетъ для новой надежды. Въ рѣшительную минуту дуэли между молодыми людьми, Жюльетта объявляетъ брату, что Мелькуръ ея мужъ, а капитанъ вручаетъ Эдуарду бумагу, въ которой Наполеонъ осыпаетъ отца его похвалами за храбрость и отличное дѣйствіе въ сраженіи, засвидѣтельствованные покойнымъ генераломъ Мелькуромъ. Стало-быть нѣтъ клеветы, нѣтъ причины драться, нѣтъ даже повода—ко всей этой драмѣ, которая потому только не оканчивается свадьбою, что влюбленные приняли предосторожность обвиняться заблаговременно.

Правда, что можетъ-быть драматичнѣе чувства оскорбленія, нанесеннаго гражданину, который самъ немогъ оправдаться, и котораго позоръ палъ на сына, лишеннаго возможности смыть это пятно? Но когда этотъ позоръ—была одна клевета, когда виновникъ ея—погибъ, когда самъ государь оправдалъ обвиненнаго передъ лицомъ всей націи — къ чему эта неистовая жажда крови, этотъ тайный бракъ, эта непримиримая вражда, это отчаяніе и остервененіе? Въ концѣ драмы такъ и хочется спросить:

Да изъ чегожъ бѣснуетесь вы столько?

Отвѣтъ:

Кричимъ, братецъ, кричимъ и... только!

Неправдоподобно, чтобы Наполеонъ свое похвальное слово заслугамъ Робервиля—отправилъ къ Мелькуру, а не къ его семейству. Неправдоподобно, чтобы молодой Робервиль незналъ объ этомъ официальномъ актѣ, когда все его существованіе было посвящено одной мысли — очищенію памяти отца отъ позора. Неправдоподобно, чтобы онъ вездѣ искалъ встрѣчи съ Мелькуромъ и въ то же время проглядѣлъ, какъ Мелькуръ обвинчался съ его сестрою. Но если пересчитывать неправдоподобія этой пьесы, то надо сряду выставить всѣ ея сцены, одну за-другою.

Несмотря на всѣ эти недостатки, драма смотрится съ интересомъ, если она хорошо разыграна и въ главной женской

роли имѣеть такую умную и талантливую представительницу, какова г-жа Вѣра Самойлова 2-я, которая, своей проникнутой чувствомъ игрою, выкупить какое угодно неправдоподобіе. Но, къ большому эстетическому бѣдствію этой драмы, она переведена тривіальнымъ, неуклюжимъ языкомъ, отзывающимся всѣмъ, чѣмъ угодно, кромѣ нарѣчія хорошаго общества. Во многихъ мѣстахъ дѣйствующимъ лицамъ вложены въ уста самыя простонародныя русскія поговорки, весьма неприятно поражающія зрителя, который долженъ убѣдиться, что передъ нимъ французы и притомъ изъ высшаго круга.

Говоря объ исполненіи этой драмы, нельзя не указать на одушевленную, исполненную простоты и силы, игру г. Третьякова, въ роли шкипера Бернара. Этотъ артистъ имѣеть свое назначеніе на театральныхъ доскахъ, но это назначеніе отнюдь не дружится съ амплуа, которое онъ на себя принялъ, т. е. съ амплуа *резонеровъ*. Не холодные характеры, не лица—созданныя изъ звонкихъ фразъ—удѣлъ его. Нѣтъ! въ этомъ артистѣ есть зародыши глубокаго, энергическаго чувства, есть добродушіе и истина, которыя такъ и рвутся наружу и на своемъ мѣстѣ производятъ то мощное и глубокое впечатлѣніе, которымъ обладаетъ одинъ истинный талантъ. Мы помнимъ его въ небольшой роли *Корнеля* въ драмѣ «*Расинъ*», которой онъ придалъ столько истины и силы; теперь мы снова видимъ его въ характерѣ добродушнаго, но суроваго моряка, у котораго сердце—алмазъ, скрытый подъ грубою корою; въ характерѣ, требующемъ отъ актера вмѣстѣ и силы и принужденія, простоты и чувства, добродушія и патоса, и г. Третьяковъ исполнилъ его съ совершенствомъ. Мы убѣждены, что въ роли *Матроса*, въ водевилѣ того-же имени, въ которой прославился Щепкинъ, г. Третьяковъ былъ-бы удивительно вѣренъ, былъ-бы даже превосходнѣе знаменитаго московскаго комика, потому-что въ немъ менѣе искусственности, менѣе слезливости, которая, между ними сказать, на сценѣ много вредитъ выраженію истиннаго, мужественнаго чувства. Можно-быть глубоко-потрясеннымъ какимъ-нибудь сильнымъ ощущеніемъ и — не плакать. Человѣкъ, который страдаетъ и у котораго нѣтъ слезъ, гораздо больше возбудитъ участія, чѣмъ тотъ, кому въ удѣлъ еще дано это женское облегченіе души. Признаемся, мы

желали-бы видѣть г. Третьякова въ роли Матроса, и напередъ предсказываемъ ему большой успѣхъ.

«*Женатые повѣсы*», маленькая комедія-шутка, исполненная многихъ забавныхъ и неожиданныхъ положеній, веденная умно и разыгранная прекрасно. Г. Максимовъ 1, въ роли Габуле, смѣшенъ до-нельзя: это настоящій его родъ, и въ этихъ такъ называемыхъ—*шаржахъ*, гдѣ болѣе требуется виѣшность, маска, чѣмъ характеръ, онъ превосходенъ и едва-ли имѣетъ себѣ подобнаго актера на нашей сценѣ.

Мы не рассказываемъ сюжета этой пьески, потому — что дали ее въ подлинникѣ нашимъ читателямъ въ одномъ изъ прошедшихъ номеровъ.

Въ *Полькль-Попури*, заключившей этотъ спектакль, пальму первенства и всѣ аплодисманы стяжала г-жа Жулева, эта молодая, многообѣщающая артистка, танцующая плавно, просто, благородно и граціозно, безъ всякихъ претензій и безъ *театральности* въ движеніяхъ. Такъ протанцевала-бы самая скромная и граціозная дѣвушка въ аристократическомъ салонѣ.

Братья. Оригинальная драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Соч. П. П. Каменскаго.

(Представлена въ первый разъ 7-го Іюля.)

Драма страшная, неистовая, кровавая! Со всѣми испытанными эффектами, со всѣми лучшими актерами! Съ охотою на коняхъ, съ публичнымъ судомъ и колокольнымъ звономъ! Драма испанская, подражаніе послѣдователямъ Лопе-де-Веги, съ колоритомъ мѣстности, который болѣе поразителенъ, чѣмъ правдоподобенъ, болѣе страненъ, чѣмъ естественъ!

У доньи Изабеллы де Діасъ, владѣтельницы Астуриі (?!), два сына, донъ Фернандо, кроткій и почтительный, и донъ

Діего, неистовый и угрюмый. У нея-же есть воспитанница донна Серафина, хорошенькая и безхарактерная. Въ эту Серафину влюблены оба брата. Она любитъ Фернандо, но нехотѣла бы вовсе отказаться и отъ любви Діего. Общая слабость Еввиныхъ дочерей.

Онъ очень милъ ей, по увѣ!

Ей и другіе милы тоже!

Онъ дорогъ — съ ногъ до головы,,

Но лишній пѣвникъ ей дороже.

Рождается между братьями соперничество. Діего хочетъ убить Фернандо за то, что онъ женится на Серафинѣ. Его останавливаютъ. Онъ придумываетъ другое средство. Маменька его, во-время-оно, была то-же не изъ самыхъ скромныхъ. Водились и за нею грѣшки. Повѣреннымъ ея шалостей былъ садовникъ Паоло.

Приятно вспоминать подѣ-старость ювы лѣта!

Она ихъ и припоминаетъ съ означеннымъ садовникомъ. Эти воспоминанія подслушиваетъ бродяга донъ Алонзо де Барильо и открываетъ тайну дону Діего. Сей-последній вѣритъ ему на слово и ѣдетъ въ Мадридъ, гдѣ передъ королемъ и инквизиціею обвиняетъ мать свою въ невѣрности къ мужу, а брата — въ незаконности рожденія. Донью Изабеллу заставляютъ всенародно сознаться въ своемъ преступленіи: она это дѣлаетъ и присовокупляетъ, что плодъ этого преступленія — донъ Діего. Порокъ наказанъ; непочтительный сынъ самъ попалъ въ свои сѣти! Онъ *выхватываетъ претрашенный ножъ, закалается и падаетъ мертвъ на землю.* Соперникъ торжествуетъ и женится — и драмѣ конецъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и кончина, потому-что, несмотря на всѣ усилія артистовъ, на слаженность и совокупность ихъ игры, на всѣ потрясающіе эффекты — драма упала! Увы!

Вотъ участь прекраснаго на землѣ!

Впрочемъ, на этотъ разъ этой печальной участи драмы г. Каменскаго нельзя приписать ни актерамъ, ни обстановкѣ, ни капризу публики: зародышь ея лежитъ въ самомъ созданіи автора.

Во-всѣхъ этихъ сценахъ нѣтъ связующей, путеводной нити, которая должна приковывать вниманіе зрителя, незамѣтно пробуждать въ немъ участіе и потомъ заставить его жить жизнью героя драмы, страдать — его страданіями, изнемогать вмѣстѣ съ нимъ подъ ударами, его поражающими: нѣтъ осязательной, общепонятной мысли, вливающей душу въ драму. Если мы успѣли понять, автора, такъ ему хотѣлось представить въ поразительномъ видѣ непочтеніе сына къ матери и наказаніе его за это преступленіе позорной смертью. Въ этомъ главная его ошибка.

Есть святые чувства въ сердцѣ человѣка, вложенныя ему самой природою, до которыхъ перо драматурга не должно-бы касаться, потому-что они не имѣютъ нужды въ сценическомъ подкрѣпленіи. Къ этимъ чувствамъ относится и любовь сыновняя. Это такое простое, естественное свойство души человѣческой, до-того всѣмъ доступное и врожденное, что всякое нарушеніе закона природы въ этомъ случаѣ — кажется чѣмъ-то необыкновеннымъ, выходящимъ изъ порядка вещей, и потому становится какъ-бы антинормальнымъ положеніемъ исключительнаго, противуестественнаго созданія. Такое лицо, разумѣется, не можетъ возбуждать инаго чувства, кромѣ отвращенія. Даже въ благородномъ проявленіи дѣтской любви, надо, чтобы всѣ силы этого чувства были напряжены, если авторъ хочетъ, чтобы оно возбуждало въ зрителѣ умиленіе. Антигона — въ «*Эдипъ*» и Елена въ «*Велисаріи*» — трогательны, по-своему полному самопожертвованію; *Этель* — въ драмѣ Скриба — возбуждаетъ умиленіе. Даже «*Параша-Сибирячка*» Полеваго — трогаетъ зрителя, хотя не въ такой степени, какъ-бы слѣдовало. Но тутъ была ошибка автора. Заставя Парашу среди пустынь сибирскихъ изъ разсказовъ узнать о иномъ свѣтѣ, блестящемъ и заманчивомъ, о пиррахъ и наслажденіяхъ молодости, въ то время, какъ молодое ея воображеніе уже готово было воспламениться, когда ея сердце просило любви, авторъ невольно заронилъ въ душу зрителя необоронимую мысль, что, можетъ-быть, побужденіемъ къ ея подвигу служила не одна любовь дочерняя, но и желаніе вырваться изъ тѣснаго міра, къ которому приковывала ее судьба отца. Стало-быть чувство дѣтской любви драматично только-тогда, когда оно становится побужденіемъ къ самопожертвованію, когда оно подавляетъ собою всѣ другія

чувства души и служить органомъ прекрасной, энергической натуры. Но безъ этихъ сильно-напряженныхъ пружинъ, оно слишкомъ обыкновенно и естественно, чтобы могло возбуждать особенное сочувствіе. Ставить любовь и уваженіе къ родителямъ въ заслугу человѣку, такъ-же цѣлпо, какъ хвалить его за честность или за то, что онъ не одноглазый и ходитъ не на четверенькахъ. Потому-то сентенціи объ этихъ обязанностяхъ кажутся намъ смѣшными даже на страницахъ дѣтской прописи или азбуки.

Какого-же участія можетъ ожидать авторъ, который выводитъ передъ вами человѣка, поправшаго самое святое чувство и дѣлающагося извергомъ противъ матери, потому только, что мать эта не заставила насильно выдти за него дѣвушку, которая его нелюбитъ? Шекспиръ такъ-же выставилъ въ дочеряхъ Лира поправленіе чувства дѣтской любви, но онъ сосредоточилъ главный интересъ своей драмы на этомъ несчастномъ королѣ, ослѣпленномъ любовію, который вмѣстѣ съ дочерью и царство свое отдалъ въ чужія руки, забывъ, что съ властью и любовью къ мужу являются у женщины другіе интересы, могущіе, при дурномъ направленіи сердца, подавить дочернюю любовь, или, по-крайней-мѣрѣ, ослабить ее на-минуту. Но посмотрите, какъ тотъ-же Шекспиръ глубоко и мастерски выставилъ это чувство въ сценѣ Гамлета съ его матерью! Сколько нѣжности и глубокаго удрученія въ этихъ упрекахъ; какъ сердце сына борется съ долгомъ невольнаго палача! Гамлетъ именно несчастливъ тѣмъ, что судьба возложила на-него этотъ долгъ, несообразный съ его любящимъ сердцемъ. — Возьмемъ другаго великаго драматурга, Шиллера, который также довольно часто касался этой струны человѣческой души. Съ какимъ мастерствомъ ведена у него сцена Фердинанда съ Президентомъ, въ «Коварство и Любовь», когда отецъ приходитъ растоптать ногами существо, которое страсть сына избрала себѣ кумиромъ! Сколько тутъ высокой, благородной борьбы, обличающей природное чувство любви сыновней, хотя уже пострадавшей отъ утраты уваженія къ отцу — преступнику. А сцена Карла Мора, когда онъ извлекаетъ отца изъ башни голода! Того самого отца, который лишилъ его всего, обременилъ его проклятіемъ, сдѣлалъ разбойникомъ! Кто ее не помнитъ, кого она

не потрясала до мозга костей, не умоляла до глубины души? Вотъ великіе образцы знанія человѣческаго сердца, по которымъ должны учиться драматурги, желающіе срывать вѣрныя аккорды съ души зрителя. Какъ бы ни было велико ослѣпленіе страсти, какъ ни сильно заблужденіе человѣка, но передъ страданіемъ и позоромъ отца или матери, оно исчезаетъ, кровь заговоритъ могучимъ языкомъ природы; палачъ, разбойникъ, безумный любовникъ — становится сыномъ и слезы, брызнувшія изъ родника сердца, служатъ первою жертвою его очищенія.

Не таковъ герой г. Каменскаго. Это безумецъ, котораго ослѣпленіе страсти дѣлаетъ выродкомъ природы. Его не трогаетъ благородство Серафины, которая чистосердечнымъ лепетомъ младенца говоритъ ему, что не можетъ никого въ мірѣ любить, кромѣ его брата, но обѣщаетъ ему вѣчную дружбу и нѣжную привязанность. Онъ поднимаетъ оружіе на роднаго брата за то только, что тотъ предпочтенъ Серафиною. Онъ вѣритъ клеветѣ негодая, взведенной на его мать, и не щетъ доказательствъ ея вины. Онъ безъ содраганія предаетъ ее публичному посрамленію, посрамленію, падающему и на отца его, уважаемаго даже въ могилѣ. И для чего онъ все это дѣлаетъ? Изъ одного скотскаго побужденія сластолюбія, (потому—что истинная, глубокая страсть — благородна и неспособна на неистовства;) изъ того, чтобы опозоривъ мать, заклеивъ брата, овладѣть имѣніемъ и его невѣстою! Вы вѣрно согласитесь со мною, что такое лицо, кромѣ отвращенія ничего возбудить въ зрителѣ не можетъ. И чѣмъ кончается этотъ герой?—Пробужденіемъ голоса природы, раскаяніемъ? — Нѣтъ; запятанный всенародно въ свою очередь, онъ, какъ самый малодушный злодѣй, недостигшій цѣли, не хочетъ больше жить и налагаетъ на себя руку.

Но это—же самое лицо могло бы быть чрезвычайно драматическимъ, еслибъ побужденіемъ для дѣйствій дону Діего служило неугомонное чувство позора его отца, которое преслѣдовало бы его совѣсть, какъ тѣнь преслѣдуетъ Гамлета, и недавало бы ему успокоенія, пока онъ не принесетъ жертвы мщенія. Но и тутъ сынъ долженъ идти объ руку съ судіею.

Что говорить о прочихъ лицахъ? Они безъ цвѣта, безъ характеровъ, кромѣ двухъ: донья Изабеллы, которой харак-

теръ обнаруживается только на одно мгновение, именно, когда она съ позорной эстрады объявляетъ народу, что Діего ея незаконный сынъ; и Паоло, который, боясь, что выскажетъ тайну графини подъ муками пытки, рѣшается лучше умереть.

Объ неестественностяхъ говорить нечего. Смѣшно видѣть эту графиню, вспоминающую проказы молодости съ своимъ садовникомъ; смѣшно, что въ лѣтахъ раскаянія, она желѣтъ еще живой залогъ своей преступной любви, кустъ магноліи (*), цвѣтокъ которой потомъ служить ей уликою. Смѣшно видѣть, что грандъ испанскій съ перваго слова сводитъ дружбу съ бродягою, Алонзо, и даетъ ему право хозяйничать у себя въ домѣ.

Артисты въ этой драмѣ сдѣлали все, что могли и что отъ нихъ зависѣло. Г. Каратыгинъ 1-й дѣлалъ даже больше, чѣмъ-бы слѣдовало. Г-жа В. Самойлова, кромѣ драматическаго таланта, показала еще, что она отличная наѣзница, прекрасно проскакавъ верхомъ по сценѣ. Г-жа Дюръ—энергически исполнила сильныя мѣста своей роли. Однимъ словомъ, будь это усердіе употреблено на пьесу съ большимъ достоинствомъ, она имѣла бы огромный успѣхъ.

Θ. Кони.

(*) Скажемъ, между прочимъ, автору, что онъ очень неловко выбралъ магнолію въ орудіе своей драмы. Магнолія высокое дерево, у нея бываетъ только одинъ цвѣтокъ, съ тарелку величиною, на самой вершинѣ; сорвать его нельзя, а можно только срѣзать пожемъ, но для этого надо приставить къ дереву лѣстницу.

ОБОЗРѢНІЕ

ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

LE DERNIER AMOUR (Последняя любовь) комедія въ трехъ дѣйствіяхъ соч. *Леона Гильяра*, (Театръ *Водевилля*).

Дѣвица *Мондель* еще молодая женщина, но она столько лѣтъ разбирала жениховъ, въ ожиданіи одного, запавшаго ей въ сердце, что и не замѣтила, какъ, несмотря на красоту и умъ, вступила въ разрядъ пожилыхъ дѣвъ. Пьеса открывается пустою болтовнею старой дѣвы, (въ полномъ смыслѣ слова,) г-жи *Буа-Флери*, съ двумя ввучками, *Леонтиною* и *Жульеттою*, къ ихъ бесѣдѣ скоро присоединяется очень пожилой человекъ, *Дюриважъ*, обожатель г-жи *Мондель*, и предметъ всѣхъ мыслей г-жи *Буа-Флери*, уже болѣе тридцати лѣтъ поджидающей себя жениха. Всѣ эти лица спокойно живутъ гдѣ-то въ глуши, въ деревнѣ, какъ вдругъ налетаетъ изъ Парижа прекрасный молодой человекъ, *Альберъ д'Англьмовъ*, и, какъ новый *Донъ-Жуанъ*, влюбляется въ обихъ кузницъ. И хозяйки, и гости собираются на-охоту. Но въ минуту отравленія звуки арфы поражаютъ *Альбера*, пробуждаютъ въ немъ давнишнее воспоминаніе, и раздуваютъ теплвшуюся полъ золою искру. — Второе дѣйствіе представ-

лаетъ покоп дѣвицы Мондель, довольно похожіе на жилище снѣгаго чулка. Украшенія, книги, мебель во всевозможныхъ стиляхъ, все придаетъ покоямъ очаровательную оригинальность. Альберъ удалился съ охоты; темная надежда влечетъ его назадъ въ замокъ. Онъ встрѣчается съ дѣвицею Мондель; но, послѣ короткой бесѣды, удаляется еще съ большею тоскою въ сердца. Опять раздается арфа, онъ возвращается, и рассказываетъ г-жѣ Мондель, что напоминаетъ ему эта мелодія. Уже очень давно былъ онъ раненъ на дуэли; между-тѣмъ, какъ противникъ, оставивъ его безъ чувствъ на мѣстѣ поединка, отправился за помощью, женщина, которой онъ не знаетъ, и никогда не видалъ въ лицо, перенесла его къ себѣ, ухаживала за нимъ съ вѣжностью сестры, и наконецъ, когда онъ совсемъ оправился, отвела его на то самое мѣсто, гдѣ нашла его въ крови, и оставила тамъ, взявъ съ него слово, не оборачиваться до-тѣхъ-поръ, пока она не успѣетъ скрыться. Дѣвица Мондель тронута рассказомъ, особенно когда Альберъ у ногъ ея клянется жениться на незнакомой спасительницѣ.—Но въ то самое мгновеніе, опять раздается завѣтная мелодія, и снова ввергаетъ его въ мучительное сомнѣніе. — Въ третьемъ дѣйствіи все объясняется. Леонтина подслушала и запомнила волшебный напѣвъ, и произвела всю эту кутерьму, для того, чтобы обмануть Альбера, котораго она любитъ. Съ другой стороны, Диуривежъ, желая отомстить женщинѣ, отвергшей его любовь, безпрестанно наноситъ мелкія, но тѣмъ не менѣе чувствительныя раны ея самолюбію. Напрасно дѣвица Мондель хочетъ состязаться съ своею соперницею; новое горе, новое затрудненіе съ каждымъ мгновеніемъ обрушается на ея голову; и она наконецъ съ отчаяніемъ въ душѣ, сама отказывается отъ руки Альбера, подводитъ къ нему Леонтину, какъ его спасительницу, и падаетъ въ изнеможеніи при мысли, что послѣдняя ея любовь исчезла невозвратно.

Пьесу можно упрекнуть въ запутанности и медленности дѣйствій; но эти недостатки выкупаются многими достоинствами, вполнѣ оправдывающими ея блистательный успѣхъ. Разговоръ благороденъ, живъ и боекъ, сцены ведены очень ловко; нѣсколько удачныхъ положеній; и наконецъ прекрасно развитый главный характеръ. Весьма искусно представлена въ сердца дѣвицы Мондель борьба жажды любви и взаимности, съ мыслью,

что для нея уже прошло время любви, что она не может вернуть взаимной любви, и что ей остается только принести въ жертву свое сердце и счастье — счастьемъ возлюбленнаго и молодой соперницы, еще не пережившей поры любви. Эту роль исполняла молодая артистка, быстро возвышающаяся во мнѣніи публики, г-жа Nathalie.

LE CHEVALIER DE ST. REMY. (Шевалье де Сень-Ремі) драма въ пяти дѣйствіяхъ, и шести картинахъ, соч. Варнера и Премаре. (Театръ Веселости).

По поднятіи занавѣса, глазамъ зрителя представляется вывѣска: Паскаль, столлярный мастеръ. Но наружность обманчива, особенно на театрѣ. Этотъ мнимый столляръ, семнадцатъ лѣтъ назадъ, назывался барономъ Бревалемъ и любилъ молодую дѣвушку, которую родители ея насильно выдали за графа Делорма. Спустя нѣсколько дней послѣ свадьбы, графъ Делормъ найденъ зарѣзаннымъ въ лѣсу, а какъ Бревалю выдали въ то время около тѣхъ мѣстъ, то подозрѣніе и падаетъ на-него; но онъ скрывается отъ преслѣдованій полиціи подъ именемъ столяра Паскаля. Замѣтимъ мимоходомъ, что человѣку, не виновному въ преступленіи, (баронъ дѣйствительно невиненъ), не следовало бы прибѣгать къ такимъ средствамъ. У этого Бревалю-Паскаля есть прехорошенькая дочь, обратившая на себя вниманіе молодаго Виконта Монбре; Виконтъ командируетъ своего управляющаго, завѣдующаго кромъ имѣнія, и удовольствіями Виконта. Этотъ управляющій называется въ людяхъ Ламберомъ, но настоящее его прозвище, Шевалье де Сень-Ремі; лишившись какъ-то имѣнія, онъ, какъ человѣкъ безъ предрасудковъ, пошелъ въ управляющіе, и только замѣнилъ свое дворянское имя именемъ болѣе мѣщанскимъ. Сень-Ремі отправляется на добычу; дѣло идетъ, какъ нельзя лучше; все готово къ похищенію Луизы; какъ вдругъ дозоръ останавливаетъ похитителя, и его вырываетъ одно заступленіе самого Паскаля, которому онъ шепнулъ, что знаетъ его тайну. Первая неудача не останавливаетъ Сень-Ремі; онъ хитростью завлекаетъ Паскаля съ дочерью къ маркизъ де-Саветеръ, теткѣ Виконта; тутъ

послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, онъ успѣваетъ наконецъ засадить Луизу въ карету, и везетъ ее, съ Виконтомъ, на-дачу герцога де-ла-Врильера. Но между-тѣмъ произошли важныя открытія у маркизы; Паскаль узналъ въ ней графиню Делормъ, которую считалъ умершею; она съ своей стороны признаетъ въ столярѣ барона Бреваля. Далѣе оказывается, что дочь столяра Луиза, обязана жизнью скромной любви графини Делормъ къ барону Бревалю.... Благодаря извѣщенію одного работника, Андрея, печально встрѣтившаго карету похитителей, Паскаль и графиня приѣзжаютъ вслѣдъ за ними на дачу герцога; но онъ не можетъ принять ихъ, несмотря на всѣ ихъ просьбы. Къ счастью маркизы, Сенъ-Реми догадывается, что лучше-де имѣть друзей, чѣмъ враговъ, и отпускаетъ Луизу; но въ тоже время подслушиваетъ за дверью, (онъ мастеръ на-всѣ дѣла), что маркиза никто иная, какъ графиня Делормъ. Пользуясь этимъ открытіемъ, онъ требуетъ у маркизы руки Луизы въ награду за свое молчаніе. Маркиза, въ отчаяніи, ѣдетъ въ Парижъ, и чтобы не отдавать ему дочери, отравляется. Можно себя представить досаду Сенъ-Реми; всѣ надежды его рушатся. Но и тутъ находитъ онъ лазейку. Ему одному извѣстно, что маркиза скончалась; пользуясь темнотою ночи, онъ диктуетъ отъ имени маркизы духовное завѣщаніе, которымъ она отказываетъ ему все свое имѣніе. За-тѣмъ, онъ со-слезами на глазахъ, объявляетъ о ея смерти. Паскаль, Монбре и Луиза не вѣрятъ ему; Монбре обвиняетъ его въ подлогѣ; но законъ на его сторонѣ, и онъ собирается уже выгнать Виконта изъ владѣній его покойной тетки, какъ вдругъ графиня встаетъ изъ мертвыхъ и открываетъ его ложь. Между-тѣмъ является полиція, и отводитъ въ тюрьму Паскаля, какъ убійцу графа Делорма. Впрочемъ затворы тюрьмы не крѣпки на театрѣ. Паскаль убѣгаетъ и ѣдетъ съ дочерью и графинею за-границу. Неутомимый Сенъ-Реми настигаетъ его на самой границѣ, и его схватываютъ въ другой разъ. Но тутъ снова является благодѣтель Андрей и даетъ другой ходъ дѣлу. Отецъ его былъ невольнымъ свидѣтелемъ убійства; убійца, приложивъ ему ножъ къ горлу, принудилъ его принять вексель въ тысячу пистолей — и молчать. Андрей представляетъ вексель, за подписью — Сенъ-Реми! Его схватываютъ. Бревали освобождаютъ и развязка вполне удовлетворяетъ нравственности и назидательна честнымъ людямъ.

Какъ ни трудились авторы нагромоздить горы эффектовъ и несообразностей, публика звала, несмотря на то, что была въ театрѣ *Веселости*.

—

МАЛHEUREUX COMME UN NEGRE (Несчастенъ, какъ негръ),
водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. *Клервилля* и *Сиро-дена*. (Театръ *Разнообразія*).

Соскучивъ овощною торговлею, почтенный Жибуло поселился въ колоніяхъ. Тутъ находить на-него вдругъ охота завестись негромъ-невольникомъ; онъ и покупаетъ за три тысячи франковъ негра Атаръ-Гюля, съ женою Карою и дочерью. Жибуло воображаетъ, что онъ можетъ обращаться съ своимъ негромъ, какъ съ слугою. Но Атаръ-Гюль, самъ съѣлъ черный кодексъ, и безпрестанно находитъ уловку, не чтобы исполнять данныя ему приказанія; то равно работать, то поздо, ибо въ черномъ кодексѣ опредѣлено время работы. Что съ нимъ дѣлать? высѣчь? пожалуй онъ же возьметъ пять-сотъ франковъ вознагражденія. Прогнать?—какъ бы не такъ! онъ невольникъ и хозяинъ долженъ держать его и кормить до-тѣхъ-поръ, пока не найдетъ покупателя. — Къ довершенію горя Жибуло, дочь негра произвела на свѣтъ полу-блага парня, очень похожаго на почтеннаго торговца. Кончается тѣмъ, что Жибуло женить этого молодца на белой дѣвущкѣ, и даетъ деньги старому негру, чтобы только избавить-ся отъ него.

Пьеса написана за тѣмъ только, чтобы дать случай вывести на сцену настоящаго негра и настоящую негрятянку. Но директоръ очень ошибся въ расчетъ; публика осталась очень недоволенною этимъ нововведеніемъ. Директоръ поучался бы у лондонскаго директора Бенка, который завелся слоницею, и съ досады, что Лумлей отбилъ у него Женни-Линдъ, назвалъ звѣря именемъ этой пѣвицы, и тѣшитъ свою публику. Можетъ быть и въ Парижѣ такая продѣлка имѣла бы большій успѣхъ, чѣмъ настоящіе негры, и дала бы Парижанамъ болѣе терпѣнья ждаты настоящей Ж. Линдъ.

UN VOEU DE JEUNE FILLE (Обѣтъ дѣвушки), комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Марка - Мишеля и Куальяка. (Театръ Водевилля).

Молодая дѣвушка Сесиль, только-что вышедшая изъ пансіона, забрала себя въ голову престрашныя повятія о супружествѣ, и заразила ими даже свою горничную, Фавшетту. И барышня и горничная дали обѣтъ, никогда не выходить замужъ, что очень не по сердцу двоюродному братцу Сесили, Октаву, и его вѣрному слугѣ, Андре. Но хитрости г-на Гишелена, отца Сесили, въ заговорѣ съ Октавомъ, принуждаютъ ее отказаться отъ своего нелѣпаго обѣта, и выдти за двоюроднаго брата. Ученица разумѣется слѣдуетъ примѣру учительницы, и даетъ руку Андре. Есть забавныя, остроумныя сцены. Успѣхъ.

LE SPIRITUEUX-MAJOR (Полковой фельдшеръ), комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Сувестра и Труэсара. (Театръ Водевилля).

Какой-то бѣднякъ, Дюрокъ, умирая, оставилъ своему сосѣду, полковому фельдшеру, Ремону, огромную кипу бумагъ. Перебирая ихъ отъ-нечего дѣлать, Ремонъ открываетъ, что какой-то маркизъ де-ла-Тибодьеръ, отецъ прекрасной дочери, на которой онъ, Ремонъ, не прочь бы жениться, просто мошенникъ, узнавшій о ея имени и богатствѣ, и называется по-просту Тибо. Но съ-тѣхъ-поръ, какъ Тибо правдами и неправдами попалъ въ маркизы, онъ и слышать нехочетъ о зятѣ, который бы небылъ англійскимъ лордомъ, или французскимъ маркизомъ. Ксгати отыскивается какой-то лордъ Пемброкъ, который проситъ руки Альфонсины. Но Альфонсина не любитъ его, а любитъ пріятеля Ремона, Гюстава. Честный Ремонъ поднимаетъ кутерьму въ домѣ, грозитъ открыть всѣ проделки ложнаго маркиза, и наконецъ соглашается молчать съ тѣмъ, чтобы Тибо отдалъ дочь не за него, а за Гюстава.

Драматическія попытки г. Сувестра еще неудачнѣе его романовъ.

SECOURS CONTRE L'INCENDIE (Помощь противъ пожара), комедія водевилъ въ одномъ дѣйстви, соч. *Лефрана* и *Нюна*. (Театръ Пале-Рояля).

Лора Дансене въ отсутствіе своего мужа, богатаго арматора, уже третій годъ разъѣзжающаго по колоніямъ, ждетъ своего брата, Болье, котораго она хочетъ, во чтобы-то ни стало, удержать отъ безразсудной женитьбы. Прибытіе пансіонской пріятельницы, хорошенькой вдовы Клемансы де Жювиньи, внушаетъ ей мысль выбить клинъ клиномъ; она проситъ пріятельницу постараться плынить Болье, и исцѣлить его отъ любви къ гризеткѣ. Хотя Клеманса и любитъ молодаго человека, который спасъ ее изъ воды, однако-же она не отказывается отъ порученія. Между-тѣмъ Донсене пріѣзжаетъ двумя мѣсяцами ранѣе, чѣмъ его ожидали; его встрѣчаетъ не жена, а г-жа Жювиньи, и принимая его за Болье, направляетъ на него всѣ стрѣлы женскаго кокетства, и безъ труда влюбляетъ его въ себя по-уши. Лаура въ восторгъ; но скоро она дѣлаетъ ошибку, и умоляетъ брата исправить надѣланныя ею проказы. Какъ добрый братъ, онъ волей и неволей берется за-дѣло. Онъ клянется молодой вдовушкѣ, узнавшей въ немъ своего спасителя, что она одна была всегда предметомъ его мыслей, и онъ не жлетъ. Наконецъ Дансене и Болье встрѣчаются. Считая себя соперниками, они вызываютъ другъ друга; но разумѣется, дуэль оканчивается однимъ вызовомъ. Дансене, видя неловкое свое положеніе предъ женою, спѣшитъ его поправить, и зная, что она подслушиваетъ за дверью, объясняетъ вдовушкѣ, что онъ любитъ одну свою жену, и принимаетъ руку г-жи Жювиньи только за тѣмъ, чтобы передать ее своему шурина.

Пьеска была-бы такъ себѣ, если-бы не выкрадена по-частямъ изъ множества болѣе или менѣе старыхъ пьесъ; впрочемъ она имѣла успѣхъ.

—

QUI DORT D'UNE (Выспаться — что пообѣдать), водевилъ въ одномъ дѣйстви, соч. *Корделье-Деллану* и *Роша*. (Театръ Разнообразія).

Огюстенъ славный малый, здоровый, жирный, румяный; одна бѣда, онъ чувствителенъ и зараженъ немножко романиз-

момъ. Онъ любить Марію Шовине, которая и сама бы не прочь отъ него, но почтенный ея родитель, г. Шовине, сколотившій себя порядочное состояніе торговлею, и теперь покоющійся на лаврахъ, первымъ условіемъ въ выборъ зятя — полагаетъ деньги, и по-этому отказалъ ему. Огюстенъ, съ отчаянія рѣшился лишить себя жизни; какому же средству дать предпочтеніе? утопиться? пожалуй вытащатъ! застрѣлиться? можно промахнуться! Нѣтъ, лучше заморить себя голодомъ; оно не такъ скоро, но за то вѣрнѣе, и вдобавокъ—оригинальнѣе и романтичнѣе, такъ и пахнетъ средними вѣками. Сказано, сдѣлано; цѣлую уже недѣлю не беретъ онъ куска въ ротъ; но, о диво! съ каждымъ днемъ онъ замѣчаетъ, что не только не тощаетъ, а напротивъ примѣтно полнѣетъ и разцвѣтаетъ. Шовине, котораго тронулъ-было слухъ о намѣреніи Огюстена, начинаетъ думать, что онъ его дурачить, и состраданіе его смѣняется гнѣвомъ. Но трактирщикъ, у котораго живетъ Огюстенъ, клянется всеми святыми, что постоялецъ его уже болѣе недѣли ничего не ѣстъ. Этого довольно, чтобы смягчить Шовине, и укрѣпить доброе расположеніе Маріи къ Огюстену. — Тѣмъ не менѣе однако-же дѣло всѣхъ озадачиваетъ, пока случай не объясняетъ его. Наступаетъ ночь, всѣ укладываются спать, какъ вдругъ является Огюстенъ, въ ночномъ колпакѣ, со свѣчою въ рукѣ; разбиваетъ нѣсколько яицъ, дѣлаетъ яичницу, ѣстъ и запиваетъ ее съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго обѣда. Тайна открыта; Огюстенъ лунатикъ! Шовине, убѣдившись въ его чистосердечіи, мирится съ нимъ и отдаетъ ему дочь, къ превеликой досадѣ какого-то провинціального тенора, думавшаго замѣстить его.

Послѣ несчастной попытки поразить публику, выведши на сцену настоящихъ негровъ, всякая пьеса, сколько нибудь умная и забавная, должна была имѣть успѣхъ, и тѣмъ болѣе эта пьеска, полная игривости и оригинальности.

LE SNAPEAU GRIS (СѢРАЯ ШЛЯПА), водевилъ въ одномъ дѣйствіи, соч. Колмбруса и Бризбара. (Театръ Водевиля).

Ночь. Раздаются три тихіе удара женской ручки, на которые за стѣною отвѣчаютъ другіе три удара болѣе сильные и

смѣлые. Затѣмъ герои пьесы, Генри де Шампаньякъ и Луиза де Фонтани, говорятъ другъ-другу обычную любовную всячину, съ сильною примѣсью клятвы и увѣреній въ вѣчной любви и т. п. Между-тѣмъ время плетъ своимъ чередомъ; пора имъ разставаться. Шампаньякъ уходитъ тѣмъ-же путемъ, какимъ пришелъ, т. е. въ окно, по веревочной лѣстницѣ,—но едва онъ ступилъ нѣсколько ступеней, какъ замѣчаетъ, что забылъ у своей возлюбленной шляпу (мимоходомъ замѣтимъ, что шляпа у него сѣрая, затѣмъ, чтобы можно пьесу назвать сѣрою шляпою). Онъ хочетъ возвратиться за-нею, но слышитъ шорохъ, и спѣшитъ удалиться безъ шляпы. Луиза также уходитъ. Первая чета любовниковъ смѣняется другою; являются Маргарита, кузина и воспитанница Луизы, и поручикъ Гильомъ Дериньи, столько же робкій, сколько капитанъ Шампаньякъ храбръ и смѣлъ. Маргарита находитъ сѣрую шляпу, и съ помощью этого талисмана хочетъ принудить Луизу согласиться отдать ее за Дериньи. Между тѣмъ Луиза получаетъ письмо, въ которомъ извѣщаютъ ее о смерти тетki. Съ этой минуты Луиза ни отъ кого не зависитъ; до-сихъ-поръ она увѣряла Шампаньяка, что она замужемъ, чтобы удержать его пылъ, теперь она можетъ ему все открыть: она свободна! Но бѣдная Луиза не приняла въ соображеніе причудливаго нрава своего возлюбленнаго. Шампаньякъ въ отчаяніи, узнавъ свое счастье. Въ любви его уже нѣтъ ни опасностей, ни препятствій; онъ просто умретъ со скуки! Онъ уже хочетъ удалиться навсегда; но Луиза, видя, что его можно удержать одними затрудненіями, увѣряетъ его, что мужъ ея возвратился. Шампаньякъ исповѣствуется; вызываетъ на дуэль Дериньи, который его выталкиваетъ за-дверь, и приказываетъ садовнику стрѣлять въ него, если онъ захочетъ войти. Пока Дериньи отлаетъ Луизѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, является Шампаньякъ, раненый, зарядъ гороху привелъ его назадъ къ ногамъ Луизы, которую онъ дѣйствительно любитъ, и получаетъ ея руку. Само собою разумѣется, что Дериньи женится на Маргаритѣ.

SHARLOTTE CORDAU, (ШАРЛОТТА КОРДЕ), драма въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Дюмануара и Клервилля. (Театръ Драматической Гимназіи).

1-е дѣйствіе, въ Казнѣ. Революція въ полномъ разгарѣ; гильотина дѣйствуетъ безъ остановки. Все, что помнитъ несчастнаго короля, бѣжитъ, въ томъ числѣ и Ганри-де-Бельзенсъ, полковникъ Вандейской арміи. Ганри скрывается въ саду г-жи Бретвиль; сердце влекло его въ это убѣжище, онъ давно уже любитъ племянницу г-жи Бретвиль—Шарлотту Корде. Шарлотта не можетъ безъ страданія смотреть на бѣдствія отечества, на кровожадныхъ злодѣевъ, болѣе же всѣхъ она ненавидитъ Марата. Напрасно тетка упрекаетъ ее въ равнодушіи, она давно замышляетъ трудное дѣло, которое должно спасти тысячи несчастныхъ жертвъ. Читая Библию, она вдохновилась примѣромъ Юдифи, и рѣшилась убить Марата. Болѣзненный, умоляющій голосъ взываетъ къ ней; это голосъ Ганри-де-Бельзенса, преслѣдуемаго непріателемъ. Надо спасти его; но онъ не хочетъ подвергнуть ее опасности, воспользовавшись убѣжищемъ, которое она предлагаетъ ему. Онъ уходитъ, обѣщая придти въ восемь часовъ. Шарлотта, видя передъ собою жизнь спокойствія, блаженства и любви, колеблется въ своемъ замыслѣ, готова отказаться отъ него. Но пробило восемь часовъ, а Ганри не является. Страхъ овладѣваетъ сердцемъ Шарлотты. Приходитъ г-жа Бретвиль, и съ трепетомъ рассказываетъ ей, что Ганри схваченъ толпою федератовъ, и посаженъ на телегу, отвозящую несчастныхъ жертвы на мѣсто казни. Шарлотта, едва живая, видитъ ужасный поѣздъ; это зрѣлище снова одушевляетъ ее мужество, и она клянется отмстить за своего возлюбленнаго!

2-е дѣйствіе. Парижъ. Квартира Марата; его охраняетъ одна женщина, Катерина Эраръ. Ей страшно. Она видѣла во-снѣ, будто бѣлая женщина умертвила Марата. Они получили уже двѣ записки отъ какой-то Шарлотты. Наконецъ Шарлотта Корде является сама, желаетъ говорить съ *другомъ народа*. Страхъ Катерины Эраръ тревожитъ Шарлотту, она не рѣшается исполнить свой замыселъ, хочетъ уже выйти, но часы бьютъ восемь! — Въ восемь часовъ клеветы Марата схватили ее возлюбленнаго — Шарлотта идетъ впередъ, — отворяется дверь —

входить человекъ — Гаври Бельзенсъ; онъ былъ спасенъ братомъ, служащимъ въ Кальвадосской арміи, и пришелъ просить Марата о какой-то милости. Въ нерышительности, Шарлотта сознается во всемъ Бельзенсу, онъ клянется не допустить ее до убійства, и входитъ къ Марату. Между-тѣмъ, какъ онъ разговариваетъ съ *другомъ народа*, Шарлотта беретъ листокъ, только-что принесенный изъ типографіи. — это списокъ Кальвадосскихъ заговорщиковъ, обреченныхъ на смерть; между ними два имени поражаютъ ее: имена Ф. Корде, ея отца, и Гаври Бельзенса. Это открытіе возвращаетъ ей прежнюю рѣшимость; она входитъ въ комнату Марата, раздается стонъ, — крики: *помогите*, — Маратъ зарѣзанъ, Шарлотта схвачена неустовою толпою народа.

5-е дѣйствіе. Тюрьма. Шарлоттъ дѣлають допросъ. Ея ясные, чистосердечные отвѣты не трогаютъ суровыхъ комиссаровъ; ее ведутъ въ судъ выслушать приговоръ. Толпа народа не спускаетъ съ нея глазъ, и громко требуетъ ея казни. Ее приговариваютъ къ смерти. Гаври де Бельзенсъ открываетъ ей, что составился заговоръ для спасенія ея; что ее силою похитятъ съ роковой тележки. Но Шарлотта хочетъ умереть; одна кровь можетъ смыть кровь; она открываетъ о заговорѣ комиссарамъ. Бельзенсъ, пораженный этимъ самоотверженіемъ, забываетъ и отечество, и родныхъ, и друзей, скидаетъ нарядъ, и говоритъ комиссарамъ: я Гаври де Бельзенсъ, полковникъ Вандейской арміи. Шарлотта, до свиданія—въ небесахъ!»

Пьеса освястана. И по-дѣломъ! Есть такія имена, къ которымъ можетъ прикасаться одинъ истинный, гениальный поэтъ. Къ такимъ именамъ принадлежатъ Жанна д'Аркъ и Шарлотта Корде. Господамъ Дюмануару и Клервилю показалось, что г-жа Монтивьи, бывшая Роза Шари, должна быть прекрасною Шарлоттою Корде; они и состряпали для нея эту пьесу, приправивъ ее всякими мелодраматическими эффектами, фразами и водевильными куплетами. На-повѣрку вышло, что ихъ пьеса нивуда не годится, и что г-жа Монтивьи—премилая и талантливая актриса, но отнюдь не Шарлотта Корде.

ЛОНДОНСКІЕ ТЕАТРЫ.

Борьба между Королевскимъ и Ковентгарденскимъ театрами кончена. Ковентгарденъ палъ! Представленія еще не прекращены, но шерпы, по требованію кредиторовъ, наложили уже запрещеніе на пустую кассу, на ничтожные сборы, и очень незавидное имущество. Одинъ разъ уже весь оркестръ отказался было играть, подъ предлогомъ неполученія жалованья; съ трудомъ и съ помощію только небольшихъ задатковъ, умолили музыкантовъ не разстроивать по-крайней-мѣрѣ этого представленія, на которое публика уже собралась. Такой же безпорядокъ и въ труппѣ; нѣкоторые артисты уже увѣхали, напри- мѣръ Сальви и г-жа Персіани. Нѣкоторые изъ артистовъ, участвовавшихъ въ предпріятіи, въ особенности Гризи и Персіани, понесутъ огромный убытокъ; еще болѣе пострадаютъ парижскіе артисты, занимавшіеся отдѣлкою залы и декораціями, и получавшіе плату акціями, востоящими теперь ни гроша.

Между - тѣмъ, какъ содержатели Ковентгарденскаго театра объявлены банкротами, соперникъ ихъ, Лумлей, торжествуетъ. Онъ наконецъ приступилъ къ самой блестящей части своей программы, къ новымъ операмъ; но увы! приступъ былъ не блестящій. Какъ ни кричатъ записные поклонники Верди и юной итальянской музыки, всѣ безпристрастные судьи говорятъ, что новая его опера, *I Masnadieri*, не только имѣетъ всѣ недостатки прежнихъ его произведеній, но даже слабѣе большей части изъ нихъ.

Сюжетъ новой оперы заимствованъ изъ «Разбойниковъ» Шиллера; сочинитель либретта — человекъ довольно известный въ итальянской литературѣ, какъ переводчикъ Шиллера; это другъ Верди — Маффеи. Уже Меркаданти пыталъ свои силы на этомъ сюжетѣ, почти въ забытой оперѣ *I Briganti*.

Мы не станемъ рассказывать содержанія; потому-что либреттистъ довольно близко держался образца, а кто не знаетъ Шиллеровой трагедіи? Скажемъ только нѣсколько словъ о музыкѣ и исполненіи.

Роли распределены слѣдующимъ образомъ: Карла Мора игралъ Гардони; Франца Мора — Колетти, отца — Лаблашъ; Амалію — Женни-Липидъ.

Характеръ музыки Верди извѣстенъ; ни одинъ еще итальян-

скій композиторъ не бывалъ такъ неспособенъ создать то, что на обыкновенномъ языкѣ называется мелодіею. Вспомнивъ къ этому, что онъ никогда не пишетъ увертюры, можно составить себѣ понятіе о его способностяхъ какъ въ отношеніи творчества, такъ и знанія. Новая его опера опять безъ увертюры; вмѣсто нея что-то, въ роль интродукціи, въ которой впрочемъ есть прекрасная фраза, чудесно исполненная знаменитымъ виолончелистомъ Пиагго. Потомъ хоръ разбойниковъ за кулисами, ничтожный, какъ почти все хоры Верди. За тѣмъ слѣдуетъ арія Карла (Гардони), арія Франца (Колетти) съ виолончелью, арія Амаліи (Женни-Линдъ), въ которой всего лучше ритурнель духовыхъ инструментовъ, дуэтъ Амаліи съ отцемъ, несравненно лучше всего предъидущаго, и превосходно исполненъ Лаблашемъ и Женни-Линдъ. Первое дѣйствіе заключается кватетомъ, дѣйствительно прекраснымъ.

Во-второмъ дѣйствіи капитальный номеръ оперы, большая сцена Женни-Линдъ, въ которой композиторъ лучше обыкновеннаго понимаетъ человѣческій голосъ. Она начинается полнымъ выраженіемъ ларго *Tu del mio Carlo al sen*, и кончается восторженною кабалеттою *Carlo vive*. Это лучшее мѣсто въ роли Амаліи. Прекрасна была Женни-Линдъ, когда узнала, что Карлъ живъ: она переходитъ отъ самой глубокой горести къ самой восторженной радости. По окончаніи аріи, театръ загремѣлъ неистовыми рукоплесканіями, и пѣвица должна была повторить кабалетту, несмотря на ея трудность.

За этою аріею слѣдуетъ дуэтъ Амаліи съ Францомъ, нѣсколько хоровъ, общающихся по обыкновенію сначала что-то порядочное, а подъ конецъ сбивающихся на кадрили, которымъ и кончается второе дѣйствіе.

Третье и четвертое дѣйствіе примѣтно слабѣютъ. Тріо, оканчивающее оперу, несмотря на превосходное исполненіе Женни-Линдъ, Гардони и Лаблаша, ничто иное, какъ слабая тѣнь тріо *Эриани*. Старикъ Моръ, возвращенный къ жизни и счастью, хочетъ соединить сына съ дочерью, но Карлъ, въ наказаніе за свои разбои, закалываетъ Амалію и самъ закалывается на ея трупѣ.

Постановка оперы — верхъ великолѣпія. Лумлей не щадилъ издержекъ, также какъ публика не щадила рукоплесканій, восторговъ и вызововъ. Но вѣдь въ наше время уже все знаютъ

цѣну этимъ успѣхамъ, и никто не считаетъ ихъ мѣриломъ достоинствъ произведенія.

—

Между-тѣмъ какъ Королевскій театръ переходитъ отъ торжества къ торжеству, а Ковентгарденскій умираетъ, зарождается новый театръ. Знаменитый Жюльенъ, бывший капельмейстеромъ въ Парижѣ, назначенъ директоромъ Друриленскаго театра, и затѣваетъ его преобразовать по образцу Парижской Королевской Музыкальной Академіи (большой оперы), разумѣется какъ она бы должна быть, а не въ томъ состояніи, въ которое привели ее номинальное управленіе г. Леона Пилле, и реальное управленіе г-жи Штольцъ. Жюльенъ хочетъ создать въ Лондонѣ *національный* оперный театръ, на который уже имѣетъ въ-виду ангажировать Штаудигля, Пивека, Ривза и г-жу Гейзъ (Hayes). Капельмейстеромъ назначаютъ Косту, капельмейстера Ковентгарденской оперы. До-сихъ-поръ національности тутъ немного, директоръ французъ, капельмейстеръ Итальянецъ, басъ и баритонъ нѣмцы, сопрано, правда ирландка, но воспитанница итальянской консерваторіи; въ числѣ національныхъ пьесъ, поговариваютъ, будутъ французскія драмы и водевили, съ разными произведеніями, въ которыхъ участвуютъ акробаты, лошади, можетъ-быть и слоны, и тому подобныя высокохудожественныя твари.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

ПИСЬМА О СОСТОЯНІИ МУЗЫКИ ВО ФЛОРЕНЦІИ.

Письмо пятое.

Музыкальный Лицей, которому Флорентинцы нынче справедливо придают такую важность, учрежденъ во время владычества французовъ, и сохранился съ того времени. Но тогда онъ былъ только *коммунальнымъ лицеемъ*; теперь же величается *императорско-королевскимъ*. Я полагаю, что ты не откажешься узнать въкоторыя подробности о его устройствѣ.

Лицей ни что иное, какъ заведеніе для вольноприходящихъ учениковъ, которыхъ число, разумется, должно быть ограничено соразмѣрно числу преподавателей; преподавателей же здѣсь только пять, предметы ихъ: сольфеджи, пѣніе, фортепіано, скрипка и контрапунктъ. Женщины допускаются только въ первые два класса: сольфеджей и пѣнія.

Не буду останавливаться на трехъ первыхъ профессорахъ, потому-что буду еще имѣть случай поговорить о нихъ. Они исполняютъ свои обязанности добросовѣстно, даютъ уроки исправно, и иногда представляютъ публикѣ учениковъ, дѣлаю-

щихъ имъ честь. Но воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы по-толковать о профессорахъ скрипки и контрапункта.

Фердинандъ Джорджетти преподаеть уроки на скрипкѣ въ Лицеѣ только лѣтъ семь или восемь; ему бы слѣдовало дать эту должность пятнадцатю годами ранѣе, ибо онъ тогда одинъ во Флоренціи соединялъ въ высокой степени талантъ исполнителя съ даромъ преподаванія. Онъ кажется, если не учился у знаменитаго Нардини, то по-крайней-мѣрѣ, пользовался его совѣтами, и былъ въ числѣ немногихъ скрипачей, оставшихся въ Италіи, послѣ Виотти, представителями школы Тартини. Ранній талантъ его позволилъ ему еще въ молодости путешествовать, и слѣдовательно слышать великихъ артистовъ и хорошую музыку. По возвращеніи своемъ во Флоренцію, онъ сталъ изучать композицію, съ-тѣхъ-поръ уже не вызжалъ изъ этого города, давалъ часто концерты, и образовалъ нѣсколько учениковъ, частью артистовъ, частью любителей. Долго онъ оставался въ пренебреженіи, котораго причины были бы рѣшительно необъяснимы, если-бы не было тутъ самой слѣпой прихоти власти. Наконецъ ему отдали справедливость, и едва онъ получилъ должность преподавателя, какъ съ такимъ усердіемъ принялся за нее, что вмѣсто назначенныхъ двухъ часовъ, посвящалъ ей шесть часовъ, а иногда и болѣе, и сверхъ того призывалъ учениковъ къ себѣ, упражняться подъ его надзоромъ. Такая ревность скоро принесла плоды, и чрезъ нѣсколько лѣтъ Флоренція могла представить дѣйствительную школу скрипичной игры, превосходившую всѣ школы въ Италіи, кромѣ, можетъ быть, Миланской, которой во всякомъ случаѣ школа Джорджетти не уступитъ. Такимъ образомъ, въ самое короткое время образовалось нѣсколько молодыхъ скрипачей, участвующихъ почти въ каждомъ концертѣ; другіе заняли мѣста капельмейстеровъ въ разныхъ городахъ Италіи; тѣ, наконецъ, которые оказались всѣхъ слабѣе, все-таки хорошіе скрипачи для оркестра. Чему приписать такіе быстрые и блестящіе успѣхи? Разумѣется, дарованію преподавателя, его неутомимой ревности, его безграничной любви къ искусству, благодаря которой трудныя и скучныя занятія преподавателя слѣвались для него удовольствіемъ. Къ тому-же онъ не женатъ и ученики составляютъ его семейство и его обычное общество. Нельзя ничего себя представить трогательнѣе этого арти-

ста, почти лишенаго движенія ногъ вслѣдствіе неизлечимой болѣзни, ходящаго всегда съ помощью кого-либо изъ своихъ учениковъ, которыхъ помощь и благодарность заставляютъ его забывать физическія страданія, и помышлять только о своемъ искусствѣ и заслуженныхъ успѣхахъ.

Слишкомъ хорошо было-бы, и музыка далеко ушла бы впередъ, если-бы въ общественныхъ заведеніяхъ было много такихъ преподавателей; но нельзя же безъ темной стороны. Здѣсь представитель этой темной стороны—профессоръ контрапункта. Его уроки—просто забава! Онъ, говорятъ, ученикъ отца Маттеи; но вѣдь у какого учителя не бывало ученика болвана? Злые язычки во Флоренціи поговариваютъ, будто его назначили профессоромъ контрапункта въ Лицей точно также, какъ некогда выбрали въ бібліотекарн чловѣка, которому хотѣли доставить случай выучиться читать. Но оставимъ эти тайны въ покоѣ. Стѣтъхъ—поръ, какъ онъ назначенъ профессоромъ, онъ очень исправно беретъ свое жалованье, чѣмъ преимущественно показываетъ, что занимаетъ эту должность. Такъ-какъ въ классъ его по большей части не бываетъ учениковъ, то онъ, разумется, свободенъ отъ исправленія должности. Если же въ началѣ курса явится ученикъ или два, профессоръ назначаетъ время, они сходятся; если погода холодна, сыра, воздухъ тяжелъ, преподаватель объясняетъ, что въ такую погоду, по совѣсти, нельзя заниматься, что у него занимается духъ, голова тяжелѣетъ, въ глазахъ темно; лучше, говоритъ онъ, разойтись по домамъ, и не тратить по-пусту времени. Когда же погода хороша, небо ясно, чистый воздухъ наполненъ ароматомъ цвѣтовъ, ну какъ-же можно забиваться въ душную, закопѣлую отъ времени комнату, въ которую едва проникаетъ слабый лучъ солнца и зачѣмъ? чтобы надписывать голоса контрапункта, разсуждать о правильности фуги, о непогрѣшимости модуляціи, о достоинствахъ стретты! Это значило бы оскорблять Творца; гораздо лучше ити гулять; прогулка же возбуждаетъ аппетитъ! а дѣломъ успѣемъ заняться въ другой разъ.

— Можешь себя представить, какъ быстро идетъ ученіе при системѣ, до такой степени подвергающейся вліянію температуры. За то, кто изъ учениковъ желаетъ серьезно заняться предметомъ, тотчасъ бросаетъ Лицей, и обращается къ урокамъ какого-нибудь истинно ученаго и скромнаго учителя, каковъ на-

примѣръ Луджи Пикіанти, образовавшій почти всѣхъ молодыхъ гармонистовъ во-Флоренціи.

А между-тѣмъ, этотъ профессоръ, столь чувствительный къ вліянію температуры, имѣлъ честь быть учителемъ принца Альберта, супруга Англійской Королевы. Принцъ искалъ преподавателя, знающаго по-Французски. Нашъ профессоръ не знаетъ почти ни слова; но онъ смекнулъ, что принцъ самъ немецъ, и вѣроятно также плохъ во-Французскомъ языкѣ. Какъ ужъ они объяснялись, незнаю; но они разстались очень довольные другъ другомъ, въ особенности учитель, который получилъ, кромѣ значительной платы, много подарковъ, сильныя рекомендательныя письма на будущее время. Если какой-нибудь англичанинъ придетъ изучать музыку во-Флоренціи, онъ навѣрное обратится къ учителю его высочества.

Отъ музыкальнаго Лицея перейду къ Академіи Художествъ; ибо здѣсь также есть Академія Художествъ; и что за академія! Несмотря на то, что она, подобно Лицею, величается императорско-королевскою, однако-же въ устройствѣ ея есть нѣкоторыя странности. Но вѣдь безъ этого нельзя-же! что за академія безъ смѣшной стороны?

Академія здѣшняя дѣлится на три отдѣленія: пластическихъ искусствъ, музыки и механики; къ последнему причисляются нѣкоторыя прикладныя науки, напримѣръ Химія; какъ она попала, въ число художествъ, Богъ вѣсть. Впрочемъ, дѣленіе не имѣетъ большой важности; отдѣленія никогда не засѣдаютъ вмѣстѣ, такъ, что каждое составляетъ собственно отдѣльную академію.

Обязанности флорентинской Академіи Художествъ весьма просты, и никто не тревожитъ почтенныхъ академиковъ. Мы (вѣдь я также членъ академіи) можемъ себѣ преспокойно спать хоть цѣлый годъ, кромѣ одного дня, который рѣзко запечатлѣвается въ нашей памяти. Въ этотъ день, намъ сначала подають по чашкѣ шоколаду, что весьма благоразумно, ибо иначе у насъ бы пожалуй не хватало силъ на трудное засѣданіе. Вотъ что мы должны совершить въ этотъ день: во-первыхъ, избрать новыхъ почетныхъ членовъ, тосканскихъ или иностранныхъ; мы въ этомъ случаѣ не ограничены ни мѣстомъ, ни числомъ. Это весьма выгодное положеніе. Во-вторыхъ, мы должны ежегодно назначать ученикамъ Лицея награды за пѣніе и игру,

черезъ три года, награду за композицію и фугу. Въ-третьихъ, наконецъ, чрезъ три же года, должны мы назначать задачу на конкурсъ композицій.

Классъ нашъ дѣлится на два большія отдѣленія, учителей и исполнителей; послѣдніе въ спискѣ членовъ подраздѣляются по разрядамъ инструментовъ. При приѣмѣ и раздачѣ наградъ, зрители подають голосъ во всѣхъ разрядахъ; исполнители только каждый въ своемъ разрядѣ.

Мы не удостоились чести сами избрать себѣ начальство. Президентъ академіи, президентъ классовъ, секретарь, всѣ служатъ по назначенію высшей власти и всѣ они по большей части предпочтенные и премные люди, но безъ всякаго понятія о предметахъ, которыми должны заниматься.

Вотъ мы соберемся въ одной изъ залъ Лицея; намъ предлагаютъ балотировать кандидатовъ на конкурсъ, каждый долженъ быть письменно поддерживаемъ тремя членами, намъ раздаютъ по бѣлому и по сѣрому бобу (роскошь бѣлыхъ и черныхъ шаровъ еще не вытѣснила у насъ патриархальной простоты бобовъ, любимаго кушанья Флорентинцевъ). Но вотъ что покажется довольно страннымъ во всякомъ другомъ мѣстѣ; обыкновенно бѣлый шаръ означаетъ согласіе, червыи—несогласіе; здѣсь на-оборотъ; который обычай древнѣе? — Балотировка производится молча.

Преміи за сольфеджи назначаются домашнимъ образомъ, а не публично; можетъ быть, по слабости сопскателей здѣсь требованія должны быть самыя снисходительныя. Конкурсы пѣнія и игры на фортепьяно и на скрипкѣ, публичны; по-выслушави всѣхъ, приступаютъ къ подачѣ голосовъ. За-тѣмъ объявляютъ имена побѣдителей, которыхъ ни одна газета не смѣетъ называть, прежде *Официальной газеты*. По окончаніи обряда, секретарь подбираетъ бобы, которыми дома обыкновенно полагается въ память торжественнаго дня.

Присужденіе трехъ-голичной большой преміи за композицію, заключающейся въ простой медали, и 20 севинахъ (около 60 руб. сер.), производится слѣдующимъ образомъ:

Но сначала надо тебѣ сказать, что за годъ до конкурса, академики—преподаватели вручаютъ секретарю въ запечатанныхъ конвертахъ, но безъ подписи, программу какого-нибудь музыкальнаго сочиненія, вокальнаго или инструментальнаго; изъ всѣхъ

этихъ программъ выбирается одна по жребію, и принимается безъ разбору, какъ бы она ни была нелѣпа и даже вредна для направленія учениковъ. Сроку на сочиненіе дается годъ; кандидаты могутъ писать, что имъ угодно, даже не свое; могутъ и не сами писать, въ полной увѣренности, что никто этого не замѣтитъ. Одно только повхально, что для соисканія премій не нужно быть ученикомъ Лицея; каждый допускается къ конкурсу, кто только захочетъ.—Сочиненія складываются въ одной изъ залъ Лицея, и академики приходятъ по-одиночкѣ разсматривать ихъ, безъ всякихъ общихъ совѣщаній. Каждый посылаетъ свое мнѣніе, письменно, но безъ подписи; потому-что по правиламъ должно всегда излагать основаніе своего мнѣнія, а изъустныя объясненія не допускаются; президентъ считаетъ дѣйствительными одни письменныя мнѣнія безъ подписей.

Конкуренты также не подписываютъ своихъ сочиненій, но каждый профессоръ уже заранее знаетъ, кому принадлежитъ то или другое сочиненіе. За то преміи присуждаются иногда самымъ страннымъ образомъ; это бы еще ничего, но надо послушать, какъ потомъ судья объясняютъ, разумеется въ академіи, причины, побудившія ихъ склонить вѣсы на ту или другую сторону. Однажды, напримѣръ, отказала въ преміи сочиненію, превосходному во всѣхъ отношеніяхъ, потому только, что авторъ его учился у преподавателя, котораго ученики получили премію на двухъ предшествовавшихъ конкурсахъ. Въ другой разъ разсудили, что удостоившійся преміи слишкомъ богатъ, чтобы нуждаться въ 20 секинахъ. Приведу еще одинъ случай: однажды присудили премію конкуренту, умершему, некончивъ сочиненія къ конкурсу, за тѣмъ, чтобы мать его могла воспользоваться этими деньгами. Помогать бѣднымъ, доброе дѣло, неспорно; но можно бы помогать однимъ, не обижая другихъ.

Словомъ, Академія весьма умное и полезное изобрѣтеніе: но мало академій, не подлежащихъ съ той или другой стороны критикѣ, а подчасъ и насмѣшкѣ; наша же Флорентинская Академія Художествъ въ этомъ отношеніи не уступитъ нѣмъ прочимъ.

Письмо шестое.

... Почти каждый день слышимъ мы о разочарованіи молодыхъ музыкантовъ, прѣзжающихъ въ Италію послушать ея дивную церковную музыку, о которой начитались въ путешествіи Бернея, совершенномъ въ 1770 году. Почтенный историкъ музыки каждый день ходилъ то въ ту, то въ другую церковь, и не могъ нахваляться церковною музыкою, какъ самыми сочиненіями, такъ и исполненіемъ. И надо замѣтить, что тутъ процвѣтала не одна вокальная и хоральная музыка; но часто исполнялись большія оркестровыя произведенія, и притомъ искусные органисты каждый день оглашали храмы своими дивными аккордами; въ некоторыхъ мѣстахъ даже самыя рѣдкіе (артисты, напримѣръ въ Падуѣ, Тартини,) играли въ церквахъ инструментальныя пьесы, и привлекали толпы народа. Кромѣ праздниковъ, почти каждый день праздновался въ какомъ-нибудь монастырѣ мѣстной святой, и это сопровождалось всегда музыкою, соразмѣною богатству монастыря. Въ женскихъ монастыряхъ бываетъ сверхъ того постриженіе, а извѣстно, какъ монахини въ то время дорожили тѣмъ, чтобы обрядъ происходилъ со всеѣмъ великолѣпіемъ, какое можно только соединить съ этимъ погребеніемъ за-живо.

Можно себя представить, сколько вся эта музыка, слушавшаяся даромъ, содѣйствовала къ распространенію вездѣ вкуса и истинной методы пѣнія. Пролое столѣтіе, во всеѣхъ отношеніяхъ, въ церкви, какъ и вездѣ, было золотымъ вѣкомъ музыки. — А теперь?

Вообрази: напримѣръ, соборная церковь во-Флоренціи не имѣетъ своего собственнаго хора музыкантовъ, для воскресной и праздничной службы, какъ бывало прежде; въ будни прежде пѣли *alla Palestrina*, т. е. безъ акомпанимента, а въ воскресенье служба совершалась съ двумя хорами и органомъ или оркестромъ. При перемѣнахъ, произведенныхъ французскимъ владычествомъ, эта капелла уничтожена; все ожидали, что она будетъ восстановлена по возвращеніи старыхъ герцоговъ; но вышло не такъ; и это тѣмъ удивительнѣе, что другіе, гораздо незначительнѣйшіе города, напримѣръ: Пистойя, Прато, Песчіа, восстановили ихъ у себя; некоторые даже никогда съ ними не разставались. Но каноники Флорентинской

соборной церкви нашли, что гораздо удобнѣе заставить ревѣть воспитанниковъ семинаріи, а что шло на содержаніе музыкантовъ, присвоить себѣ. Они, правда, держатъ капельмейстера, и съ хорошимъ жалованьемъ; но какъ онъ обязанъ преподавать только хоровое пѣніе, то онъ возлагаетъ эту обязанность на помощника, которому уступаетъ часть своего содержания; онъ заботится только объ исполненіи музыки въ немногіе большіе праздники. Это мѣсто въ настоящее время занимаетъ Фердинандъ Чекерини, который въ продолженіе многихъ лѣтъ былъ лучшимъ теноромъ во-Флоренціи. И дѣйствительно, я рѣдко слышалъ церковныхъ теноровъ съ такимъ чистымъ, сильнымъ и прекраснымъ голосомъ, и съ такою вѣрною интонаціею. Къ этимъ рѣдкимъ качествамъ, онъ присоединилъ качество, еще болѣе рѣдкое; онъ превосходно разбиралъ музыку; могъ съ перваго разу спѣть самое обширное и трудное соло. Теперь онъ старъ, но утѣшается тѣмъ, что почти все пѣвцы, думающіе заступитъ его мѣсто, ученики его. Онъ дѣйствительно образовалъ множество пѣвцовъ и пѣвицъ, потому-что не только занимаетъ мѣсто профессора пѣнія въ музыкальномъ Лицѣе и женскомъ Институтѣ, находящемся подъ непосредственнымъ покровительствомъ герцога, но всегда считался лучшимъ учителемъ во-Флоренціи. Онъ, сверхъ того, хорошій композиторъ; его сочиненія въ церковномъ стилѣ заслуживаютъ полнаго уваженія; всѣхъ замѣчательнѣе торжественная литургія на два хора съ оркестромъ, написанная къ празднику св. Іоанна Крестителя, покровителя города.

Въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ также бываетъ музыка въ день приходскаго праздника. Но какъ онъ платятъ очень скудно, то и музыка бываетъ по деньгамъ. Собственнаго капельмейстера, по большей части, онъ не держатъ, а въ случаѣ надобности, берутъ того, который придется по-дешевле.

Впрочемъ есть еще нѣсколько церквей, въ которыхъ имѣется должность капельмейстера, напримѣръ, церковь св. Лаврентія. Къ несчастію, никто не хочетъ принять на себя этой должности, потому-что каноники никакъ не соглашаются повысить жалованье, которое остается до-сихъ-поръ въ томъ положеніи, какъ было опредѣлено при основаніи церкви; оно составляетъ сто лиръ (около 80 руб. асс.); за которые теперь не наймешь и дворника, не только капельмейстера.

Еще держатъ постояннаго капельмейстера церковь Санта-Нунціаты, принадлежащая къ монастырю Сервитовъ. Это единственная церковь, кромѣ герцогской капеллы, въ которой служба постоянно совершается съ музыкою въ воскресные и праздничные дни. Но исполненіе музыки возлагается на любителей или, что все тоже, на артистовъ, желающихъ взять его на себя безвозмездно; и очень многіе артисты, если не заняты въ этотъ день, постоянно ходятъ въ церковь Санта-Нунціаты, и исполняютъ свою добровольную обязанность со всевозможнымъ стараніемъ. Прежде, капельмейстеръ бывалъ всегда изъ монаховъ. Одинъ изъ занимавшихъ эту должность, отецъ Дрейеръ, пользовался громкою славою, и оставилъ множество сочиненій; теперь уже такіе примѣры перевелись; недавно молодой отецъ Чириани подавалъ большія надежды; но онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. Съ-тѣхъ-поръ церковь должна прибѣгать къ свѣтскимъ капельмейстерамъ. Какъ бы то ни было, но здѣсь часто исполняютъ старинную музыку, которую монастырская бібліотека очень богата. Обыкновенно поютъ мессы и псалмы въ два хора, но дискантовые партіи исполняются тенорами, а альтовыя басами, отъ чего происходитъ безпорядокъ въ гармоніи, разрушающій часть эффекта. Вспомни къ этому, что къ аккомпанименту органа и контрбаса безпрестанно присоединяются хриплые тромбоны, которые все заглушаютъ своимъ ревомъ. Однако, спасибо и за то; какъ ни плохо такое исполненіе, тутъ все таки видны мысли и намѣренія композитора.

Перейдемъ, наконецъ, къ герцогской капеллѣ, съ которой по настоящему слѣдовало бы начать, потому - что она состоитъ изъ лучшихъ пѣвцовъ и музыкантовъ во - Флоренціи; дискантовые и альтовыя партіи, въ хорахъ, исполняются мальчиками. Иногда тутъ можно послушать прекрасной музыки, очень хорошо исполненной; но къ сожалѣнію — только *иногда*. Зато, иногда случаются и такія разладицы, что герцогъ, какъ ни добръ, а не разъ грозился распустить свою капеллу.

Герцогская капелла въ особенности важна тѣмъ, что въ ней исполняется по-большей части нѣмецкая музыка, что довольно прискорбно для итальянцевъ. Вотъ какъ она сюда попала. Во время занятія Тосканы французами, герцогъ, отецъ нынѣшняго, поѣхалъ въ Вѣну, размышлять о непостоянствѣ

человѣческаго счастья, и о различіи климатовъ между Флоренціею и Вьною; тутъ-же видно, кстати онъ подумалъ и о различіи церковной музыки нѣмецкой и итальянской; ибо когда онъ возвратился въ свои владѣнія, за нимъ привезли цѣлые ящики мессъ, псалмовъ, и прочихъ произведеній Іосифа и Михаила Гайдновъ, Краммера, Гуммеля и другихъ нѣмецкихъ композиторовъ. Эти церковныя произведенія, исполняемыя герцогскою капеллою, содѣйствовали болѣе, чѣмъ подумаешь съ перваго взгляду, къ развитію музыкальныхъ идей флорентинцевъ, познакомивъ ихъ съ музыкою, отличною отъ той, къ которой они привыкли. Они не разъ руководствовали дѣйствіями злѣшняго Филармоническаго общества, о которомъ я поговорю въ другой разъ.

Я еще не сказалъ ни слова о родѣ музыки, принадлежащемъ собственно Италіи, и въ которомъ столько разъ отличались ея церковные композиторы, о такъ называемыхъ *ораторіяхъ*! Что тебѣ сказать о нихъ? Увы, ихъ уже нѣтъ; мы, Итальянцы, не только убили ихъ, но сначала еще осквернили ихъ. Известно, что начало этого рода произведеній принадлежитъ флорентинскому уроженцу Филиппу Нери, котораго западная церковь причла къ лику святыхъ. Онъ изъ первыхъ понялъ, какое значеніе искусства и преимущественно музыка, могутъ имѣть для религіи; онъ такъ дорожилъ своими ораторіями, что хотѣлъ, чтобы при монастыряхъ основаннаго имъ монашескаго ордена, были непременно большія залы, расположенныя самымъ удобнымъ образомъ для ораторій, и могущія также служить для совершенія божественной службы. Всѣ большіе монастыри ордена св. Филиппа строились такимъ образомъ; одинъ изъ прекраснѣйшихъ существуетъ до-сихъ-поръ во Флоренціи. Онъ построенъ въ концѣ прошлаго вѣка однимъ богатымъ вельможею; но небольшое число монаховъ, занимающихъ его теперь, кажется и знать не хочетъ о художественныхъ видахъ основателя ордена. Они встаютъ утромъ, служатъ обѣдно по очереди, завтракаютъ, обѣдаютъ, гуляютъ, ужинаютъ, ложатся; а заговорите объ ораторіяхъ, они вамъ отвѣтятъ, что у нихъ столько дѣла, что на нихъ лежатъ такія важныя обязанности, что имъ нѣкогда думать о подобныхъ пустякахъ.

Другой монашескій орденъ, *отцы богоугодныхъ школъ*, также издавна завелъ обычай давать у себя ораторіи. Отцы эти, отчасти

сохранили слѣдъ этого обычая: въ разные времена года они даютъ свои музыкальныя вечера въ церкви Савъ-Джіованнио. Но ихъ-то именно я обвиняю въ оскверненіи ораторій; ибо вмѣсто ораторій, т. е. музыкальныхъ сочиненій, написанныхъ къ словамъ изъ священнаго писанія, на четыре или пять голосовъ, съ хоромъ, она просто даютъ молныя оперы, съ тѣмъ различіемъ, что женскія партіи поются мужчинами, октавою ниже. Во-Флоренціи, надо согласиться, это доведено не такъ далеко, какъ въ Римѣ, гдѣ, въ прошломъ году, въ Филиппинской церкви Кіези-Нова, давали *Эриани*. Здѣсь, по-крайней-мѣрѣ, выбрали *Навуходоносора*, котораго по тексту и по колориту можно съ грѣхомъ по-поламъ, назвать *библейскимъ*; но который не имѣетъ ничего общаго съ ораторіями, ни по характеру, ни по стилю, ни по цѣли. Отчего же не даютъ новыхъ ораторій? Оттого, что монахи или слишкомъ бѣдны, или слишкомъ скупы, чтобы заплатить порядочныя деньги молодому композитору, который былъ бы радъ случаю показать себя, и познакомиться съ собою публику.

Церковная музыка во-Флоренціи до-того упала, что нельзя почти найти порядочнаго органиста. По большей части они играютъ какія-то *фантази*, болѣе сбивающія на польки. Летъ двѣнадцать назадъ, помню, были здѣсь хорошіе органисты, нѣсколько оцѣмчившіеся въ стилѣ, но все-таки люди со вкусомъ и съ воображеніемъ. Помню, между прочими, одного Бонини, органиста, при церкви св. Марка, который пользовался заслуженною славою, какъ органистъ, и былъ въ то же время извѣстенъ, какъ типъ артиста—оригинала. Онъ всегда воображалъ себя больнымъ, при смерти, что нѣсколько не мешало ему каждый день проводить часовъ по-пяти за столомъ, ѣсть и пить преисправно, нюхать табакъ за четверыхъ, забывая на время свою болѣзнь. Его давно уже нѣтъ въ живыхъ. Изъ остающихся органистовъ, стоятъ вниманія одинъ только Палуфутти; онъ хорошій пьяница, и когда играетъ на органѣ, онъ по стилю болѣе пьяница, чѣмъ органистъ; тѣмъ не менѣе онъ человѣкъ съ талантомъ. Хорошъ также его ученикъ Папи.

Письмо седьмое.

..... Не новость для тебя будетъ, если я тебѣ скажу, что въ Италіи очень много филармоническихъ обществъ; даже въ такихъ городахъ, въ которыхъ бы ихъ никакъ не ожидали; разумѣется, не всѣ хороши, но и не всѣ же рѣшительно дурны. Изъ извѣстныхъ мнѣ, лучшее по-моему флорентинское; но, чтобы никого не обидѣть, я повторю, что не всѣ знаю. Общество любителей и артистовъ, назвавшееся Филармоническимъ, не такъ старо; оно существуетъ не болѣе пятнадцати лѣтъ. Честь основанія его принадлежитъ князьямъ Понятовскимъ. Уже самое семейство ихъ составляло прекрасный зародышъ музыкальнаго общества. Князь Іосифъ композиторъ и поетъ тенора; князь Карлъ превосходный баритонъ, княжна Элиза—очень хорошее сопрано; вотъ и цѣлое трио. Такія имена необходимо должны были приманить множество любителей, тѣмъ болѣе, что домъ Понятовскихъ принадлежитъ къ весьма небольшому числу домовъ во-Флоренціи, дающихъ праздники и принимающихъ множество гостей, въ томъ числѣ, много иностранцевъ.

Для пополненія своего состава, и въ особенности оркестра, это общество должно было принять нѣсколькихъ артистовъ, которыхъ избрало изъ лучшихъ въ городѣ. Вообще, статуты его очень благоразумны; доходами хорошо управляютъ, члены общества согласны. Все это немаловажно для прочности общества, но и при этихъ условіяхъ, общество можетъ быть плохо, и давать прескверную музыку; но Флорентинское Филармоническое общество не таково: музыка его всегда отлична и по исполненію, и по выбору пьесъ. Разумѣется, и здѣсь приходится иногда, скрѣпя сердце, слушать, какъ вездѣ, варіаціи и фантазіи, пошлыя и безцвѣтныя, и оперныя аріи, которыя очень не умѣста въ простомъ концертѣ, но за то вдоволь наслушаешься дивныхъ симфоній, квартетовъ и квинтетовъ классическихъ композиторовъ, исполненныхъ тщательно и отчетливо. Общество этимъ не ограничилось; оно нѣсколько разъ исполняло большія кантаты и другія произведенія, требовавшія отъ артистовъ внимательнаго и продолжительнаго изученія. Повѣрьшь ли, напримеръ, что недавно общество дерзнуло взяться за Донъ-Жуана, и исполнило его безъ сомнѣнія гораздо лучше, чѣмъ исполнила

бы его многіе нынѣшніе знаменитые пѣвцы, которыхъ голосъ и вкусъ испорчены привычкою къ музыкѣ, не заслуживающей названія музыки. Уже прежде общество давало большія ораторіи, и устраивало такъ называемыя *чудовищные концерты*, напримѣръ, давали съ большимъ успѣхомъ *Сотвореніе міра* Гайдна, при пяти стахъ исполнителяхъ; этотъ концертъ былъ данъ въ одной изъ огромныхъ залъ стараго дворца, ибо помѣщеніе общества было бы тѣсно. Оно довольно тѣсно и для обыкновенныхъ концертовъ, несмотря на то, что зала нарочно для этой цели перестроена изъ старой тюрьмы.

Какъ я тебѣ уже говорилъ, въ концертахъ общества часто исполняются скрипичные квартеты и квинтеты, перьво удвоенные и даже утроенные; скрипки, по большей части, держатъ ученики Джорджетти. Общество, разумѣется, имѣетъ капельмейстера; эту должность занимаетъ человекъ не безъ таланта, Морини. Онъ возымѣлъ странную мысль аравжировать нѣсколько квинтетовъ Бетховена на полный оркестръ; онъ исполнилъ свою задачу очень ловко и искусно; но признаюсь, по моему, это трата времени. Онъ уже прежде сдѣлалъ нѣчто въ томъ-же родѣ, хотя и болѣе похожее на дѣло; именно первыя симфоніи Гайдна переложилъ съ маленькаго оркестра на большой, т. е. прибавилъ нѣсколько инструментовъ; онъ кажется болѣе всего заботится о томъ, чтобы весь народъ его былъ занятъ. Во всякомъ случаѣ, пополнить оркестръ въ симфоніи, не такъ неудобно и странно, какъ партіи квинтета, написаннаго для струнныхъ инструментовъ, разбить между инструментами духовыми.

Кромѣ артистовъ, необходимыхъ для полноты оркестра, Филармоническое общество присоединило къ себѣ, въ качествѣ почетныхъ членовъ всѣхъ лучшихъ учителей въ городѣ, какъ туземныхъ, такъ и привѣзжихъ; послѣднихъ во-Флоренціи довольно много, въ особенности фортепянныхъ учителей; ибо этотъ инструментъ здѣсь, какъ и вездѣ, вытѣснилъ почти всѣ инструменты, раздѣлявшіе прежде вниманія публики; любители занимаются имъ почти исключительно, и скрипачи, извлекавшіе прежде такую пользу изъ уроковъ, остались бы теперь безъ гроша, если-бы необходимость скрипокъ въ оркестръ не обезпечивала имъ мѣста. Вообрази, что въ одной Флоренціи болѣе двухъ-сотъ фортепянныхъ учителей, и что всѣ они хорошо-ап,

худо-ли, но живутъ. Нѣкоторые изъ нихъ не безъ достоинствъ; есть даже между ними композиторы, хотя воображеніе и умнѣніе ихъ рѣдко выходитъ за предѣлы фантазій или варіацій. Можно бы насчитать двухъ, трехъ, выходящихъ изъ общей массы; но это не Флорентинцы, и даже не Итальянцы, а Нѣмцы. Я назову только одного, потому-что, кромѣ хорошихъ сочиненій для фортепьяно, онъ написалъ недавно оперу. Это Михаилъ Бергзонъ. Онъ собственно не нѣмецъ, а полякъ, но его можно причислить къ нѣмцамъ, потому, что музыкальное образованіе свое онъ получилъ въ Германіи. Проѣхавшись по Франціи, Михаилъ Бергзонъ остановился на время во-Флоренціи. Недавно онъ поставилъ въ Ливорнѣ оперу въ трехъ дѣйствіяхъ *Luigia di Montfort*, которую мнѣ удалось слышать, и которая мнѣ очень нравится. Увертюра очень хороша; нѣсколько прекрасныхъ нумеровъ, по большей части патетическихъ, одинъ хоръ, полный веселости и разгула, прекрасный финалъ, чистота стиля, свободная мелодія, умная оркестровка, заслужили общее одобреніе публики, которая до представленія вослилась нѣсколько на нѣмецкое имя, и съ восторгомъ услышала чисто итальянское пѣніе, въ родѣ Донизеттѣвскаго. Теперь столько итальянскихъ композиторовъ подчуютъ насъ нѣмецкою музыкою своего издѣлія, что надо-же нѣмцамъ писать итальянскую музыку.

Если во-Флоренціи нѣтъ недостатка въ учителяхъ, то еще менѣе можетъ быть недостатокъ въ любителяхъ, у многихъ изъ нихъ часто бываетъ вокальная или инструментальная музыка. Къ несчастью, здѣсь, какъ и почти вездѣ, вокальная музыка ограничивается въ гостинныхъ оперныхъ аріями, инструментальная, фантазіями, варіаціями, и т. п. Признаюсь, это для меня сущая пытка! Какъ можно слушать въ гостинной, безъ костюмовъ и безъ сценической обстановки, и по большей части въ довольно посредственномъ исполненіи, аріи и дуэты, которые только-что наканунѣ, можетъ быть, исполнялись на театрѣ пѣвцами по призванію? или слушать эту фортепьянную галиматью въ трескотню, величаемую фантазіями и варіаціями?

Однако-же есть исключенія; у нѣкоторыхъ любителей вѣрѣ-ко услышишь новыя или старыя произведенія, которыя даютъ отдохнуть душѣ, едва не утонувшей въ посредственности. Это доставляетъ мнѣ пріятный случай поговорить о тѣхъ ар-

тистахъ, которые, составивъ себя своимъ званіемъ порядочное состояніе, а иногда и богатство, продолжаютъ заниматься искусствомъ, прославившимъ ихъ, и вознаграждаютъ себя за всю плохую музыку, которую они бывали принуждены пѣть, исполняя у себя только хорошую. Къ числу ихъ принадлежитъ знаменитая некогда пѣвица, Унгеръ-Сабатье, у которой всегда можно послушать дивныхъ твореній стараго репертуара, которыя всегда останутся прекрасны и по изобрѣтенію, и по формѣ. У нея же можно полюбоваться геніальными мелодіями Шуберта, исполняемыми съ рѣдкимъ талантомъ самою хозяйкою. Тутъ же встрѣчаются многіе другіе старые артисты. Съ какимъ удовольствіемъ, напримѣръ, слышалъ я г-жу Вигано, давно уже оставившую театръ, но, несмотря на преклонныя лѣта, такъ живо напоминающую прекрасный стиль Кресченцини. Молодые артисты принимаются здѣсь радушно, и нерѣдко получаютъ полезныя и безкорыстныя совѣты; ибо г-жа Унгеръ-Сабатье, долго учивъ примѣромъ, охотно еще учитъ совѣтами, и нѣсколько молодыхъ пѣвицъ, общающихся истинный талантъ, гордятся именемъ ея ученицъ. У нея же встрѣтишь всѣхъ призванныхъ артистовъ, считающихъ обязанностью явиться къ ней, какъ къ своей сестрѣ—артисткѣ.

Вообще дома, куда можно ходить послушать музыку, все дома иностранныя. Флорентинецъ у себя живетъ баринкомъ; онъ немного сдѣлаетъ для своего удовольствія, а еще меньше для удовольствія гостя; иностранецъ долженъ забавлять и тѣшить его.

Кстати объ обществахъ и музыкальныхъ вечерахъ. Я забылъ—было сказать тебѣ, что передъ самымъ появленіемъ на здѣшней сценѣ Вердіева *Макбета*, одна умная англичанка, г-жа Троллопъ, вздумала исполнить у себя хоры вѣдьмъ, написанныя, лѣтъ пятьдесятъ послѣ Шекспира, извѣстнымъ въ Англіи композиторомъ Локомъ. Она устроила въ своихъ покояхъ небольшой театръ, и ничего не щадила для точности исполненія этихъ сценъ во всѣхъ отношеніяхъ. Довольно многочисленный хоръ англичанъ и англичанокъ, прекрасно перелали всю эту дьявольщину. Г-жа Унгеръ-Сабатье, ревностная къ каждой художнической мысли, играла роль одной изъ трехъ главныхъ вѣдьмъ. А что музыка Лока? спросишь ты. Такъ себя—недурна; въ ней даже есть что-то, напоминающее Генделя, разумеется

безъ его творческой силы, безъ его генія, но нельзя не похвалить въ немъ въкоторыя эфекты и намѣренія; словомъ, признаюсь, они по-моему безъ всякаго сравненія выше хороувъ въдмъ въ *Макбетъ* Верди.

Многое и многое могъ бы я еще написать тебѣ о музыкѣ во Флоренціи; но все такъ же неутѣшительно. Поэтому я лучше остановлюсь, тѣмъ болѣе, что я скоро уѣзжаю изъ Флоренціи, и возвращаюсь на родину.

Прощай. Твой

А. Г.

СМѢСЬ.

ЛОЖНАЯ Г-ЖА МОЛЬЕРЪ.

Извѣстно, что Магдалина Бежарь, жена Мольера, славилась не столько своимъ драматическимъ талантомъ, который впрочемъ былъ неоспоримъ, сколько поведеніемъ и любовными приключеніями, очень неутѣшительными для супружескаго самолюбія Мольера. Въ одной изъ хроникъ, которыхъ писалось въ то время почти столько же, сколько въ наше время пишется романовъ, разсказанъ презабавный случай изъ ея жизни, который довершилъ ея дурную славу; онъ былъ, впрочемъ, уже по смерти великаго комика.

Президентъ Гренобльскаго парламента, Леско, обвороженный красотою и талантомъ г-жи Мольеръ, которую онъ видѣлъ только на сценѣ, влюбился въ нее по-уши. Не видя никакого средства сойтись съ нею непосредственно, онъ обратился къ нѣкоторой г-жѣ Леду, занимавшейся похвальнымъ ремесломъ — устранять затрудненія и сближать любящихся сердца.

Г-жа Леду не знала г-жи Мольеръ, но она никакъ не позволила бы себѣ упустить такой удобный случай обобрать простака; она вспомнила, что въ Парижѣ была женщина вольныхъ нравовъ, Латурель, походившая какъ двѣ капли воды на предметъ любви президента Леско. Она обнадежила его, что, во что бы ни стало, исполнитъ его желаніе. Влюбленный Президентъ обѣщалъ награду, соразмѣрную важной услугѣ.

Г-жа Леду сговорила съ Латурель, и чрезъ нѣсколько дней, посвященные будто бы на то, чтобы уломать непреклонную красавицу, она увѣдомила Президента, что предметъ его любви со-

глашается быть на слѣдующій день у нея, гдѣ онъ можетъ видѣться съ нею наединѣ. Влюбленный поспѣшилъ на свиданіе; скоро явилась и мнимая г-жа Мольеръ, кобенясь и ломаясь, и давая ему почувствовать, сколько онъ долженъ быть гордъ тѣмъ, что успѣлъ превозмочь ея отвращеніе къ подобнымъ событіямъ. Упоенный счастьемъ и любовью, Президентъ просилъ, чтобы она сама опредѣлила его дань благодарности; но Латурель, предоставляя своей сообщницѣ обирать жертву, стала разыгрывать великодушіе, и согласилась принять только недорогое ожерелье. Президентъ былъ восхищенъ такимъ безкорыстіемъ. Ни одного дня не пропускалъ онъ, чтобы не идти въ театръ любоваться г-жею Мольеръ, которая въ то время съ большимъ успѣхомъ играла въ трагедіи Томаса Корнелія «Цирцелъ», но никогда не говорилъ съ нею, и даже не дѣлалъ ей знаковъ, боясь нарушить ея приказаніе; причиною этого запрещенія было, говорила она опасеніе дать пищу злобнымъ языкамъ прочихъ актрисъ.

Эта пролѣлка продолжалась довольно долго. Однажды Латурель, обѣщавъ придти завтракать съ Президентомъ у г-жи Леду, не явилась. Прождавъ ее цѣлый день, любовникъ отправился вечеромъ, терзаемый ревностью, въ театръ, несмотря на всѣ усилія г-жи Леду, которая будто предчувствовала развязку своего хитросплетеннаго романа. Онъ взошелъ на сцену, чтобы украдкою поговорить съ своею красавицею. Г-жа Мольеръ ничего не понимала въ его знакахъ, и не обратила вниманія на его рѣчи, принимая его за какого нибудь взбалмошнаго чудака. Наконецъ, по окончаніи пьесы, онъ послѣдовалъ за нею въ ея ложу и сталъ упрекать въ нарушеніи слова. Г-жа Мольеръ приказала ему выдти; это его взбѣсило: онъ осыпалъ ее въ присутствіи нѣсколькихъ другихъ актрисъ, самыми оскорбительными упреками, и въ ярости сорвалъ у нея съ шеи ожерелье, принимая его за свой подарокъ. Послали за комиссаромъ и стражею, и Президентъ былъ взятъ подъ арестъ.

На слѣдующій день его отпустили на поруки; онъ подтвердилъ все, что говорилъ наканунѣ, утверждая, что имѣлъ право такъ поступить съ женщиною, которая была его любовницею, и платила ему за всѣ его попеченія и благодѣянія неблагодарностью и презрѣніемъ. Оскорбленная актриса, съ своей стороны, требовала формальнаго удовлетворенія. По желанію ея началось слѣдствіе, и ей дана очная ставка съ золотыхъ дѣлъ мастеромъ, у котораго Президентъ и его любовница покупали ожерелье. Купецъ призналъ ее; такъ разительно было сходство ея съ Латурель. Это обстоятельство, и давнишняя слава г-жи Мольеръ, уже начинали убѣж-

дать многихъ въ истинѣ словъ президента Леско; когда къ счастью ея, г-жа Леду, скрывавшаяся до-тѣхъ-поръ отъ понсковъ полиціи, была схвачена, и указала на убѣжище своей сообщницы. Дѣло такимъ образомъ объяснилось.

Судъ, рѣшеніемъ 17 сентября 1675 г., приговорилъ президента Леско просить при свидѣтеляхъ прощенія у г-жи Мольеръ; двухъ же обманщицъ опредѣлилъ высѣчь плетью, передъ воротами суда и передъ домою г-жи Мольеръ, и выслать на три года изъ Парижа.

Г-жа Леду одна подверглась опредѣленному ей наказанію; Латурель успѣла скрыться.

Ташро, въ своей превосходной исторіи Мольера, говоритъ, что какой-то писатель, котораго имя не сохранилось, представилъ всѣ обстоятельства этой продѣлки въ драмѣ *Ложная Клеветка*, которая однако же никогда не была играна.

Томасъ Корнель также намекаетъ на нихъ въ своей комедіи *Неизвестный*, въ которой сама г-жа Мольеръ играла главную роль

КОЛЫБЕЛЬ СЛАВЫ.

Въ одинъ прекрасный польскій вечеръ, молодой человѣкъ, благородной наружности, задумчиво ходилъ по-берегу Тайки, въ окрестностяхъ Нортъ-Шильдза, въ Нортемберлендѣ. Звѣзды начинали загораться на небѣ. Журчаніе воды, шелестъ вѣтра, глухой ревъ нѣмецкаго моря, вдали, все питало его глубокую думу. Вдругъ молодой человѣкъ остановился, поднялъ голову и сталъ къ чему-то прислушиваться съ напряженнымъ вниманіемъ. Незнакомецъ былъ на верфи; вокругъ него валялось множество деревянныхъ обрубковъ и плотничьихъ орудій, доказывавшихъ, что незадолго до его прихода, плотники оставили свою работу; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, удерживаемая одною веревкою, колыбалась на волнахъ только-что спущенная крытая барка, и изъ нея вылетали звуки скрипки, такіе чистые и нѣжные, что едва вѣрилось, чтобы они могли быть извлекаемы человеческою рукою, изъ инструмента, построеннаго человеческою же рукою. Эти звуки приковали вниманіе гулявшаго. Послѣ коротенькой прелюдіи, скрипка зацѣла тихимъ, мелодическимъ голосомъ, будто мольбу влюбленнаго. Потомъ мелодія измѣнилась, и послышался плутовской, безнадежный отвѣтъ прихотливой дѣвушки; которая будто шутила, дразнила, хохотала. Отъ времени-до-времени раздавалась робкая жалоба влюбленнаго, и опять смѣнялась насмѣшливымъ, дразнящимъ голосомъ дѣвушки, наконецъ любовь побѣж-

дала, и оба голоса сливались въ дивный дуэтъ, за изворотами котораго можно бы слѣдить только воображеніемъ, а не словами; въ *кресендо*, полное жизни, огня и страсти!... и потомъ, — все замолкло!

Незнакомецъ слушалъ въ какомъ-то обоніи, слѣдя воображеніемъ за волшебными звуками.

«Дивно!» воскликнулъ онъ наконецъ, когда оставался слышенъ одинъ только шорохъ листьевъ на прибрежномъ кустарникѣ; «дивно! съ трудомъ вѣрится, чтобы человѣческія руки могли извлекать изъ скрипки такіе небесные звуки. А выходить навѣрное изъ этой барки! надо мнѣ непременно узнать, какой ангелъ или демонъ забился въ нее.

Съ этими словами, незнакомецъ сталъ сходить на барку, по доскѣ, перекинутой трапомъ съ борта на набережную. Барка, новая и блестящая, по-видимому хотѣла съ нетерпѣніемъ погулять по широкому зеркалу рѣки; ибо, едва незнакомецъ ступилъ на трапъ, она въ неумѣренномъ порывѣ радости удалилась отъ берега на разстояніе всей веревки; отчего доска, слѣвавшись слишкомъ короткою, бухнулась въ воду, вислоко не безпокоясь о посѣтителѣ, котораго поддерживала. На шумъ упавшаго въ воду человака, изъ барки посѣпшно выскочилъ здоровый парень, лѣтъ пятнадцати, бросился за утопавшимъ, и вытащилъ его на-берегъ.

— Спасибо, любезный, сказалъ спасенный; если бы не ты, я можетъ быть никогда и не узналъ бы, что мнѣ нужно знать.

И вырвавшись изъ рукъ парня, усердно отиравшаго съ него воду, онъ хотѣлъ немедленно соскочить съ набережной на барку.

— Позвольте, сударь, сказалъ спаситель, удерживая его; дайте, по-крайней-мѣрѣ, немножко обсохнуть платью. Что такое вамъ такъ хочется узнать?

— Я хочу увѣриться, точно ли въ этой баркѣ играли сейчасъ на скрипкѣ, и видѣть того, кто игралъ!

— Точно, въ этой баркѣ играли; а игралъ — я.

Незнакомецъ устремилъ на парня проникательные взгляды, будто хотѣлъ вычитать всю его душу; разсмотрѣвъ его вдоволь, онъ взялъ его руки, и спросилъ, привлекая его къ себѣ:

«Какъ ты попалъ сюда?»

— Очень просто, сударь! Зовутъ меня Уильямъ Шильдъ; родомъ я изъ Свольвеля, что въ Дерамскомъ графствѣ. Отецъ мой былъ бѣднымъ учителемъ пѣнія, и научилъ меня играть на скрипкѣ, когда я еще былъ ребенкомъ. Восѣми лѣтъ... я уже игралъ очень изрядно; но вотъ уже два года, какъ отецъ мой умеръ. Мать моя умерла еще при самомъ моемъ рожденіи... Вотъ я и

остался одинъ на землѣ... круглымъ сиротою... Надо было чѣмъ-нибудь кормиться, я и пошелъ въ ученіе къ барочному мастеру; онъ меня принялъ. Днемъ я работаю, какъ умѣю; а по вечерамъ, иногда и по ночамъ, я беру скрипку и играю, вспоминая отца; иногда мнѣ кажется, будто онъ слышитъ меня... Если я вамъ все это говорю, сударь, такъ не думайте, чтобы я тоже говорилъ каждому; нѣтъ, напротивъ... я всегда и отъ всѣхъ скрываюсь; и теперь сказалъ вамъ, потому — потому, что... мнѣ нужно было высказаться кому-нибудь.

— «А чье сочиненіе игралъ ты нынче, любезный?» спросилъ незнакомецъ, не сводя глазъ съ молодого виртуоза.

— Сочиненіе Корелли, сударь, а отчасти и свое собственное.

— Послушай любезный! я здѣсь только проездомъ. Завтра же я ѣду въ Лондонъ; поѣдемъ со мною, а тамъ....

— Нѣтъ, сударь, нельзя; извините меня, если я отвергну ваше милостивое предложеніе, но мнѣ еще остается годъ ученія. Хозяинъ великодушно пріютилъ меня, въ несчастіи, и теперь, когда я могу быть ему полезенъ, я долженъ отблагодарить его.

— Дѣло, мой другъ, дѣло! Слѣдуй благородному внушенію сердца; но черезъ годъ, общай мнѣ, памятью отца, приѣхать ко-мнѣ въ Лондонъ.

— Приѣду, сударь! Но какъ же мнѣ васъ тамъ отыскать?

— Спроси только композитора Крамера; онъ приметъ тебя, какъ сына. А тамъ, какая ни будетъ твоя участь, не забывай, что онъ первый открылъ твой геній.

Уильямъ Шильдъ сдержалъ слово: черезъ годъ онъ явился къ своему покровителю, котораго дружба никогда не охлаждалась. Благодаря ему, Шильдъ получилъ скоро мѣсто-капельмейстера при Дерамскомъ театрѣ; потомъ поѣхалъ въ Италію довершить свое музыкальное образованіе, и, по возвращеніи, сталъ хорошимъ композиторомъ. Нѣкоторыя его оперы и теперь пользуются всеобщимъ уваженіемъ у Англичанъ; лучшія изъ нихъ: *Фонтенебло*, *Розина* и въ особенности *Бѣдный солдатъ*.

Нерѣдко среди своей громкой славы, Шильдъ вспоминалъ свое ученіе на верфи. Съ какимъ удовольствіемъ, съ какою благородною гордостью припоминалъ онъ дивный іюльскій вечеръ, когда великій Крамеръ едва не утонулъ... отъ удивленія къ таинственному скрипачу.

РОССИНИ ВЪ ДОМАШНЕМЪ БЫТУ.

Не послѣднее мѣсто между странностями нашего вѣка занимаетъ композиторъ, который на тридцать восьмомъ году жизни, среди славы и счастья, вдругъ ни съ того ни съ другаго, пересталъ писать, бросилъ искусство, которому обязанъ именемъ, и богатствомъ, какъ постылую любовницу, и твердитъ всѣмъ и каждому, что цѣль его достигнута, что онъ за-тѣмъ только и писалъ, чтобы со временемъ имѣть чѣмъ жить!

Можно видѣть Россини, изучать его, любить; но едва ли кто-нибудь, даже женщина, можетъ похвалиться тѣмъ, что знаетъ Россини. Не то, чтобы онъ былъ скрытенъ; о, нѣтъ! но умышленно или неумышленно, онъ сбиваетъ съ толку каждаго наблюдателя.

Точно такъ же онъ сбивалъ съ толку всѣхъ снимавшихъ съ него портреты. Не трудно имъ было изобразить матеріальную форму его лица, котораго черты хороши, чисты и правильны; они успѣли также передать довольно вѣрно его взглядъ, полный остроумія, здраваго смысла и высокаго ума; но никто еще не умѣлъ условить выраженія его рта.

Критики опредѣлили свойства его таланта, прослѣдили быстрый ходъ его генія, измѣрили его высоту; словомъ, анализировали искусство; но и самое проникательное наблюдение не могло постичь самого художника.

Иной разъ подумаешь, что художническія способности Россини не только проявились, но даже истощились въ его произведеніяхъ, и съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ не пишетъ, онъ вовсе пересталъ быть артистомъ.

И дѣйствительно, неужели это артистъ, который съ такою ясностью и быстротою объясняетъ вамъ самую многосложную биржевую операцію? Войдите въ его кабинетъ: неужели тутъ живетъ артистъ? По столамъ, по стульямъ, на полу кипы фактуръ, дѣловыхъ писемъ, счетныхъ книгъ, и проч.; гербовой бумаги бездна, потной бумаги ни листочка. Въ гостиной ждуть его нѣсколько знакомыхъ. Вотъ онъ подходитъ къ роялю, котораго не могъ совершенно изгнать изъ своей квартиры, открываетъ его. Вы думаете, услышать какое-нибудь новое, дивное произведение, чудную мысль, родившуюся въ его воображеніи, и которой онъ не хочетъ упустить. Напрасно, умѣрьте свой восторгъ; едва Россини приподнял крышку рояля, и тотчасъ же опять ее опускаетъ, а въ утѣшеніе вамъ, замѣчаетъ, что рояль работы Шейеля, и прибавитъ мимоходомъ, что Шейель — не отличный мастеръ, какъ бы вы ожидали, — а что онъ славно ведетъ свои дѣла.

И что онъ дѣлаетъ въ Болоннѣ? Ведетъ самую простую, самую однообразную жизнь, въ которой не измѣнилъ ни одной іоты, съ тѣхъ-поръ, какъ поселился въ этомъ городѣ. Ее бы можно высказать въ слѣдующихъ словахъ: ѣсть, пить, спать, разговариваетъ, гуляетъ, и управляетъ своимъ движимымъ имуществомъ.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ вторично женился, онъ нанялъ квартиру въ городѣ; прежде онъ жилъ за заставою Санто-Маммола, очень близко отъ города. Можно бы даже думать, что онъ жилъ въ городѣ, потому-что частенько встрѣчался на улицахъ съ самого ранняго утра.

Вообще онъ встаетъ рано, что удивить, пожалуй, многихъ лѣнтяевъ, которыхъ лѣньность не извиняется двадцатью годами труда и славы; довольно часто выходитъ подышать свѣжимъ воздухомъ, когда же сидитъ дома, занимается разными счетами и дѣлами, не только собственными, но и нѣкоторыхъ старыхъ артистовъ и другихъ лицъ, которые ввѣрили ему надзоръ за своими имѣніями, и чрезвычайно довольны его управленіемъ и совѣтами, ибо онъ приобрѣлъ въ этомъ дѣлѣ такую опытность, что никогда не ошибается въ своихъ распоряженіяхъ. Онъ охотно даетъ каждому *совѣты*; и совѣты гораздо полезнѣйшіе, чѣмъ большая часть адвокатовъ; а въ добавокъ ничего не беретъ за это.

Однако-же онъ самъ иногда обращается за совѣтами къ адвокатамъ, хотя плохо вѣрить ихъ запутанной премудрости.

Но есть другой вопросъ, въ которомъ Россини не нужны ни чьи совѣты, и гдѣ онъ самъ можетъ дать совѣтъ каждому; это сношенія съ *импрессаріями*; онъ ихъ знаетъ, какъ свои пять пальцевъ, и совѣтуетъ быть съ ними сколько можно взыскательнѣе и непреклоннѣе. «Импессарію,» говоритъ онъ, «тоже что желудокъ: чѣмъ болѣе ему угождаешь, тѣмъ болѣе онъ васъ мучитъ.»

Россини знаетъ всю справедливость этого сравненія. И потому, возвращаясь домой, онъ завтракаетъ весьма умеренно, сожалея о тѣхъ блаженныхъ временахъ, когда, если вѣрить преданію, люди обѣдали по четыре раза въ день. Нечего сказать, нашъ вѣкъ—вѣкъ паденія во всѣхъ отношеніяхъ; даже желудки наши не такъ брѣпки, какъ были у нашихъ отцовъ!

Часовъ въ одиннадцать Россини отправляется въ Лицей, ибо онъ согласился принять званіе почетнаго инспектора этого заведенія, и наконецъ, даже полюбилъ ежедневное занятіе, напоминающее ему его молодья лѣта. Онъ же даетъ молодымъ ученикамъ и ученицамъ Лицея преполезные житейскіе совѣты и нравоченія, которыми каждый пользуется точно такъ-же, какъ бывало встарину. Что касается до классовъ музыки, нѣтъ сомнѣнія, что присут-

ствіе его въ Лицеѣ весьма полезно, оно приучаетъ преподавателей къ точному исполненію обязанностей. Чего еще требовать отъ него? Не давать же ему уроковъ пѣнія или контрапункта; на то есть преподаватели. Нѣтъ сомнѣнія, что ежедневныя его посѣщенія оживили ревность учителей и учениковъ, и улучшили заведеніе. Не его вина, если Болонья уже не производитъ столько замѣчательныхъ музыкантовъ, какъ встарину.

Притомъ, если Россини не даетъ уроковъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ не былъ готовъ помогать молодымъ композиторамъ своимъ геніемъ и опытомъ. Правда, не разъ онъ подтрунивалъ надъ великими людьми, представлявшими на судъ его романсы, фантазіи, и другія подобныя произведенія; но онъ никогда не отвергалъ молодыхъ артистовъ, представлявшихъ ему свои опыты, а напротивъ, всегда поддерживалъ и поощрялъ ихъ. Если же онъ не дивится созданіямъ многихъ почтенныхъ сочинителей, нельзя опять упрекать его; развѣ онъ не воленъ въ своихъ мнѣніяхъ? Въ послѣднюю свою поѣздку въ Парижъ, онъ очень благоразумно поступилъ, не держа у себя фортепьяно; онъ избавилъ себя, такимъ образомъ, отъ слушанія великихъ композиторовъ, которыхъ тамъ столько-же, какъ песку на днѣ морскомъ. Этого бы довольно, чтобы уничтожить дѣйствіе курса леченія, для котораго онъ ѣздилъ въ Парижъ.

Вылечившись отъ своей мучительной болѣзни, и ободрившись увѣреніями Парижскихъ докторовъ, успокоившихъ его на счетъ угрозъ Болонскихъ врачей, Россини сталъ по-прежнему веселъ и шутливъ; а съ тѣмъ вмѣстѣ возвратилась и часть его прежней полноты, которая ему такъ къ лицу; однако-же она уже не доходитъ до той банкирской дородности, которая такъ забавна въ Дантановой каррикатурѣ.

Но возвратившись къ образу жизни Россини. Прогулка играетъ важную роль въ распредѣленіи его дня; прогулка возбуждаетъ аппетитъ, слѣдовательно нѣтъ ничего полезнѣе прогулки. Ради прогулки онъ избралъ Болонью своимъ мѣстопребываніемъ; потому-что въ Болоньѣ почти вездѣ по обѣ стороны улицы тянутся портики, подъ которыми можно, во всякую погоду, ходить по нѣсколькимъ миль подъ навѣсомъ. И такъ, время до обѣда проходитъ въ прогулкахъ, пересѣкаемыхъ отдыхами въ магазинахъ, съ которыми Россини сохранилъ еще сношенія. Само-собою разумѣется, что ему нѣтъ недостатка въ бесѣдѣ; но обыкновенно онъ пробѣгаетъ портики съ двумя, тремя пріятелями, своими постоянными спутниками и обѣденными собесѣдниками. О чемъ же они бесѣдуютъ въ своихъ прогулкахъ? Не о многомъ, сказать правду. Толкуютъ

о городских сплетняхъ, перебираютъ зазорную хронику города; Болонья въ этомъ отношеніи не уступаетъ многимъ большимъ городамъ.

Впрочемъ, эти пустые, ничтожныя разговоры не занимаютъ всего времени Россини; у него есть высокій и обширный предметъ размышленія и разговора — обѣдъ. Что будетъ у меня сегодня къ обѣду? думаетъ Россини съ самаго утра, и эта мысль даетъ пищу его мышленію на весь день. Дѣйствительно, если Россини обсудитъ это дѣло съ поваромъ, то онъ безпокоится о томъ, каковъ будетъ успѣхъ глубокихъ комбинацій, придуманныхъ и обдуманыхъ ими вдвоемъ. Если же онъ почему нибудь предоставитъ рѣшеніе этого великаго дѣла своему кухмистеру, хотя онъ и знаетъ, что ему нечего опасаться, однако же онъ невольно помышляетъ, что вѣрилъ самыя священныя для него предметы искусному художнику, мастеру своего дѣла, по тѣмъ не менѣе *человѣку*; а всякій *человѣкъ* подверженъ ошибкамъ и разсѣянію; безпокойство овладѣваетъ знаменитымъ маэстро; однако же оно скоро разсѣвается; ибо онъ знаетъ по опыту, что когда дашь ходъ гению, онъ идетъ по указанію инстинкта, и никогда не сбивается съ прямого пути; а кухмистеръ его — *человѣкъ гениальный*.

Россини проникнуть аксіомою, которую можно выразить слѣдующимъ образомъ: *обѣдъ самое важное дѣло въ жизни человѣка, и дѣло каждаго дня.*

Послѣ этого неудивительно, что въ квартирѣ Россини первое мѣсто занимаетъ столовая. Для нея только творецъ *Вильгельма Телля* рѣшился вынуть изъ ящичковъ разные предметы роскоши, хранившіеся въ нихъ съ того самого времени, какъ были имъ получены или куплены. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всемъ, проявился его художественный гений; онъ прекрасно постигъ, что остальные украшенія столовой должны вполнѣ согласоваться съ ея высокимъ и священнымъ назначеніемъ. По-этому главнымъ украшеніемъ его столовой служатъ: диванъ, китайскіе, японскіе и севрскіе фарфоры, которые не только не затрудняютъ дѣятельности гостей, но *улаждаютъ ихъ умы* данью, которую искусства всѣхъ странъ и вѣковъ платили *безпрекословно* и даже добровольно своему старшему брату, *великому искусству* *пды*, какъ величалъ его Монтанъ, одинъ изъ самыхъ усердныхъ его поклонниковъ.

Но изъ всѣхъ почестей, отдаваемыхъ этому царю искусствъ, самая пріятная для него — дань умныхъ любителей вкуснаго стола и застольной бесѣды. Но увы, надо сознаться! *музы-*

кальная слава Россини такъ велика, что желудокъ никакъ не могъ стать съ нею въ уровень. Несчастному лакомкѣ долго не позволено было даже понюхать вкуснаго обѣда!

Россини взялъ на откупъ Болонскіе рыбные ловы; недалевидные умы много этому смѣялись; но просвѣщенные тотчасъ смекнули, въ чемъ дѣло. Россини хотѣлъ ѣсть хорошую рыбу, рыбу морскую, цѣнную! а въ Болоньѣ ѣдятъ только рыбу прудовую и рѣчную. Неблагодарные Болонцы! онъ васъ даритъ такими наслажденіями, а вы смѣетесь надъ нимъ!

Кстати, замѣтимъ еще пытку, которой обреченъ несчастный Россини! Онъ долженъ ѣсть рыбу безъ вина! а что такое рыба безъ заправки? не то-ли-же, что басъ безъ мелодіи?

Часто говорятъ, будто Россини ни о чемъ не думаетъ, кромѣ своихъ дѣлъ: слѣпцы, не видящіе дальше своего носу! онъ безпрестанно думаетъ о томъ, чтобы онъ могъ и стать-бы ѣсть, если-бы здоровье его было всегда исправно.

Но, къ счастью, умъ не стѣсняется, соразмѣрно желудку; и умъ Россини обшириѣе, объемистѣе чѣмъ когда-либо. Изъ всѣхъ вкусныхъ обѣдовъ, какіе онъ ѣдалъ на своемъ вѣку (а онъ ихъ истребилъ не мало), ни одинъ не изгладился изъ его памяти; онъ будетъ помнить ихъ до гроба.

Царь композиторовъ! кричатъ слѣпые поклонники Россини; и воображаютъ, что ему пивѣсть какъ пріятно! Нѣтъ, не за тѣмъ стремятся всѣ помыслы маэстро; онъ плюетъ на музыкальную славу, которая ему надобла. А хотите, чтобы саркастическая улыбка, щуриющая его глаза и сжимающая ротъ, обратилась въ улыбку счастья, чтобы широкое лицо его засіяло блаженствомъ, которое возможно только подъ свѣтлымъ небомъ Италіи, — преклоните предъ нимъ колѣна, какъ передъ царемъ гастрономовъ!

ЛИСТЬ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

Францъ Листъ неутомимъ въ преслѣдованіи свѣжихъ успѣховъ. Наскучивъ желтоперчаточными аплодисманами Европы, онъ пустился на Востокъ, въ Константинополь, откуда,

говарятъ, проѣдетъ въ Каиръ, въ Остъ-Индію, пожалуй, проникнетъ и въ неприступную столицу Небснаго Царства, познакомятъ сына Неба съ другою европейскою силою, едва уступающею англійскому оружію и промышленности, съ силою звуковъ. Но это еще все въ будущемъ; покажѣтъ знаменитый пѣанистъ еще въ Константинополѣ. Вотъ что говоритъ о немъ Константинопольская французская газета :

«Знаменитый пѣанистъ Листъ, принадлежащій по рожденію Венгріи, а по громкой своей славѣ всему міру, прибылъ въ прошлый вторникъ въ Константинополъ, на Галацкомъ почтовомъ пароходѣ. Мы уже говорили объ успѣхахъ великаго артиста въ Молдавіи, и объ энтузіазмѣ, всюду сопровождавшимъ его. Нетерпѣніе наше видѣть его въ Константинополѣ, наконецъ, удовлетворилось, и, мы надѣемся, скоро смѣнится удовольствіемъ, восхищеніемъ и восторгомъ, неразлучными съ его появленіемъ. Самъ Листъ имѣлъ случай убѣдиться въ сильномъ желаніи Константинопольцевъ познакомиться съ нимъ. Султанъ, узнавъ о скоромъ прибытіи его, нѣсколько разъ строго приказывалъ, чтобы онъ, по вступленіи въ столицу, немедленно былъ представленъ во дворецъ Чераганъ. Приказаніе это было въ точности исполнено.

«Едва Листъ прибылъ, врата серали передъ нимъ пали; онъ не успѣлъ еще сойти съ парохода, какъ явился за нимъ баронъ Теста, первый толмачъ интернунція, и повелъ его къ султану, который принялъ его чрезвычайно благосклонно и милостиво. Дворецъ будто готовился къ торжеству. Султанъ, желая вѣроятно пощеголять своими музыкантами и пѣвчими передъ такимъ полновѣснымъ судьей, приказалъ имъ играть и пѣть разныя пьесы, такъ-что Листъ, съ перваго шага, могъ вообразить что онъ попалъ въ какое-нибудь волшебное царство; прекрасно исполненный вокальный и инструментальный концертъ торжествовалъ его прибытіе во дворецъ султана. Между-тѣмъ былъ принесенъ и настроенъ превосходный рояль, высланный заранее для него Эраромъ, и знаменитый артистъ сыгралъ въ присутствіи султана, со свойственнымъ ему одушевленіемъ и искусствомъ, анданте изъ *Лучи*, увертюру *Вильгельма Телля* и фантазію на *Норму*. Султанъ слушалъ эти пьесы съ возрастающимъ вниманіемъ и удивленіемъ. По-окончаніи этихъ пьесъ, султанъ лично изъявилъ свое удовольствіе и желаніе послу-

шать Листа въ другой разъ на слѣдующій же день. И дѣйствительно, на слѣдующій день Листъ опять прибылъ во дворецъ, и былъ принятъ также благосклонно, какъ и въ первый разъ. Онъ игралъ въ этотъ день прекрасную импровизацію на *Маризъ Султана*, сочиненный здѣшнимъ капельмейстеромъ Донизетти; фантазію на *Лукрецію Борджію*, вариации на старинныя валахскія пѣсни, довольно похожія на турецкія. Нѣтъ надобности повторять, что Листъ былъ также прекрасенъ, также гениаленъ, какъ и въ первый разъ, и что игра его произвела такое же обаяніе. Султанъ снова изъявилъ ему свое удовольствіе и подарилъ ему на память богатую табакерку, украшенную брилліантами. Такой же подарокъ получилъ баронъ Теста, сопровождавшій Листа въ качествѣ толмача.»

Въ другомъ № того-же журнала, находится отчетъ о первомъ концертѣ Листа въ Перѣ.

«Концертъ, данный въ прошлую пятницу г. Листомъ въ Перѣ, вполне оправдалъ надежды и ожиданія всѣхъ почитателей его таланта и любителей истинной музыки. Успѣхъ вполне соотвѣтствовалъ огромной славѣ великаго артиста. Еще задолго до назначеннаго времени зала была наполнена многочисленною, отборною публикою, съѣхавшеюся съ самыхъ далекихъ Босфорскихъ дачъ. Мы не станемъ описывать произведеннаго Листомъ впечатлѣнія; надо его слышать, чтобы понять, какъ онъ умѣетъ потрясать сердца своихъ слушателей. По-временамъ казалось, будто электрическая искра пробѣгала по-собранію, наполняла слушателей изумленіемъ и благоговѣніемъ, и вырывала единодушныя, восторженныя рукоплесканія, возгласъ души, отвѣчающей душѣ артиста. Въ искусной, потрясающей игрѣ Листа, видна не одна побѣжденная трудность; игра его кипитъ страстью, блещетъ гармонією; это цѣлая драма, приковывающая къ себѣ вниманіе, и возбуждающая поочередно самыя разнообразныя чувства.

«Въ этомъ блестящемъ концертѣ, котораго память нескоро изгладится изъ нашихъ душъ, Листъ игралъ слѣдующія пьесы: финалъ изъ *Лучи*, переложенный имъ на фортепьяно; сохраняя тему и акомпаниментъ Донизетти, пьянистъ привелъ къ нимъ арпеджіи, производящія чудный эффектъ, и возбуждшія въ слушателяхъ всеобщій восторгъ; фантазію на мотивы изъ *Нормы*, составленную изъ финала третьяго дѣй-

ствія, интродукціи перваго дѣйствія и воинскаго хора друидовъ; и превосходящую, по сужденію свѣдущихъ людей, все, что было писано въ этомъ родѣ; двѣ изъ лучшихъ мазурокъ Шопена; дивную балладу Шуберта, *Львеной царь*; варіаціи на темы изъ *Пуританъ* — Листа, Тальберга, Герца, Шопена и Пиксиса. Въ заключеніе онъ сыгралъ нѣкоторыя изъ своихъ очаровательныхъ венгерскихъ мелодій, которыя знакомы каждому, играющему на фортепьяно.»

Второй концертъ Листа былъ назначенъ на третій день послѣ перваго, въ пользу бѣдныхъ. Съ самаго основанія итальянской оперы въ Перѣ, она давала ежегодно одно представленіе въ пользу бѣдныхъ; но какъ извѣстно, въ январѣ нынѣшняго года театръ сгорѣлъ, представленія должны были прекратиться, и несчастные лишились этого пособія. Листъ приѣхалъ очень кстати, чтобы замѣнить имъ эту помощь.

ИСКУССТВО ТАТУИРОВАНІЯ.

Въ Гирваху, — рассказываетъ Мельвиль въ своемъ путешествіи, — искусство татуированія доведено до высшей степени совершенства, и самое званіе татуировщиковъ сдѣлалось почетнымъ званіемъ; немудрено, что они, подобно нашимъ моднымъ портнымъ, берутъ за свои услуги цѣны, доступныя только высшему классу. Такимъ образомъ изящество и роскошь татуированія дѣлается признакомъ знатности и богатства, Мастера, имѣющіе большую практику, занимаютъ обширные дома, раздѣленные занавѣсами на множество небольшихъ покоевъ, гдѣ каждый можетъ быть татуированъ отдѣльно. Но главное основаніе этого распоряженія заключается въ особенномъ законѣ, долженствующемъ соблюдаться при татуированіи, и воспреещающемъ въ это время людямъ, какъ высшаго, такъ и низшаго сословія, всякое сношеніе съ другими. Скудную пищу, какая имъ дозволяется, подаетъ имъ невидимая рука изъ-подъ занавѣса. Строгая діета, которую должны наблюдать пациенты, имѣетъ цѣлью предупредить воспаленіе, производимое накальваніемъ кожи; но несмотря на эту предосторожность, оно почти всегда обнаруживается, и продол-

жается довольно долго, такъ, что заключеніе пациентовъ продолжается обыкновенно по нѣскольку дней, иногда даже по недѣлямъ. Когда пройдетъ всякій слѣдъ воспаления, пациента на нѣкоторое время выпускаютъ; но, какъ ужасная боль позволяетъ татуировать въ одинъ пріемъ только небольшую часть тѣла, то онъ скоро возвращается въ свое заключеніе для продолженія операціи. Можно себѣ представить, сколько требуется времени для того, чтобы изукрасить такимъ образомъ все тѣло. И многіе, съ непостижимымъ для насъ тщеславіемъ, убиваютъ большую часть своей жизни, на совершеніе надъ собою этого мучительнаго обряда.

Юношескій возрастъ считается самымъ удобнымъ для татуированія; какъ скоро ребенокъ вступаетъ въ этотъ возрастъ, родственники ведутъ его къ знаменитому художнику, который рисуетъ на немъ сначала узоры; и дѣйствительно, на это нуженъ опытный художникъ: когда платье шьется на всю жизнь, надо-же, чтобы оно было хорошо скроено.

Нѣкоторые татуировщики, въ благородномъ желаніи усовершенствоваться въ своемъ высокомъ искусствѣ, употребляютъ для того кожу двухъ, трехъ человекъ низшаго сословія, пролетаріевъ, не заботящихся слишкомъ много о своей наружности; на нихъ-то они придумываютъ свои рисунки и набиваютъ руку. Когда кожа на нихъ искоена и искошена до-того, что уже негдѣ провести линіи, ихъ отпускаютъ на всѣ четыре стороны, пугалами, на посмѣшище землякамъ.

Кромѣ мастеровъ дѣла, существуетъ множество жалкихъ, странствующихъ татуировщиковъ, занимающихся украшеніемъ тѣлъ бѣднаго народа, и получающихъ за то грошевую цѣну. Это просто — кроители, умѣющіе проводить на кожѣ только кривыя линіи и безобразныя пятна и посрамляющіе собою благородное искусство.

СЫНЪ АЛЕКСАНДРА ДЮМА.

Какъ извѣстно, сынъ Дюма былъ образцомъ, съ котораго Евгеній Сю такъ мило списалъ своего графа Сци-

ціона Дюриво въ «Мартинѣ Найденышѣ». Вотъ другой очеркъ его, писанный его отцомъ, въ его «Поѣздкѣ въ Испанію и Африку.»

«Что мнѣ сказать вамъ о моемъ сынѣ, говоритъ знаменитый романистъ—путешественникъ. Вы его уже и такъ совсѣмъ избаловали, и если-бы онъ не называлъ васъ сестрою, то могъ бы назвать матерью. Онъ родился въ часъ полумрака, между днемъ и ночью; точно также все существо его состоитъ изъ противорѣчій, составляющихъ вмѣстѣ какое-то странное цѣлое. Онъ лѣнивъ и дѣятеленъ, мелокъ и великодушень, мотъ и скряга, недовѣрчивъ и легковѣренъ, ничего не испыталъ и все ему постыло; онъ легкомысленъ и вѣренъ; холоденъ въ рѣчахъ и горячъ въ дѣйствіяхъ; разумомъ смѣется надомною, и любитъ меня всѣмъ сердцемъ. Онъ всегда готовъ, подобно Валеру, утащить у меня деньги, или, подобно Сиду, драться за меня. Впрочемъ, онъ полонъ самой очаровательной живости, какой я еще никогда не видалъ въ молодомъ человѣкѣ. Она иногда вырывается пламенемъ изъ души его, какъ въ мысляхъ, такъ и въ дѣлахъ, какъ въ покоѣ, такъ и въ опасности. Онъ превосходный наѣздникъ, хорошо дерется, чудесно стрѣляетъ, несравненно танцуетъ всѣ характеристическіе танцы, введенные во-Францію съ ковчины пресловутаго гавота. Мы съ нимъ частенько ссоримся, и онъ, какъ легкомысленный Мартини, покидаетъ домъ нѣжно любящаго его отца. Но я въ тотъ-же день покунаю теленка и откармливаю его, въ полной увѣренности, что не пройдетъ мѣсяца, какъ мой Адольфъ будетъ его бѣть сомною. Злые языки поговариваютъ, будто его привлекаетъ домой не отецъ, а откормленный теленокъ; но я лучше знаю, какъ должно думать о моемъ сынѣ.» — Признаемся, не желали-бы мы ни такого пошлаго сына, ни такого тщеславнаго батюшки, который бы выставлялъ насъ на весь свѣтъ въ такомъ жалкомъ изображеніи!

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Новая трагедія «Стаффордъ» — сочиненія молодого, только — что выступающаго на драматическое поприще, писателя Павла Вангенгейма, имѣла огромный успѣхъ на Штутгардской сценѣ. Критики говорятъ, что въ ней «сильный, блестящій языкъ; прекрасное расположение, превосходная живопись характеровъ, и эффектное дѣйствіе. Все — говорятъ они, — обличаетъ въ молодомъ авторѣ гениальность, и это первое его произведеніе можетъ уже быть причислено къ мастерскимъ твореніямъ нѣмецкой драматургіи.» Сюжетъ трагедіи основанъ на судьбѣ Томаса Уинтуорта, графа Стаффордскаго, который сначала является главою оппозиціи, но послѣ пятилѣтняго уединенія и удаленія отъ дѣлъ государственныхъ, выступаетъ снова на политическое поприще ващитникомъ королевской власти. Карль I, по безхарактерности своей, отдаетъ его на жертву его противникамъ, и несчастный мученикъ политическаго убѣжденія слагаетъ голову на эшафотѣ.

Домъ Шиллера — въ Веймарѣ купленъ Веймарскимъ Городовымъ Совѣтомъ за 5000 талеровъ т. е. 4500 руб. сер. и будетъ сохраненъ для потомства, какъ національное достояніе всей Германіи.

И *домъ Шекспира*, въ Стадпортѣ, такъ-же переходитъ въ другія руки. Англійское правительство не хотѣло его купить, говоря, что не имѣетъ суммъ на такія цѣны и что покупка этого дома скорѣе дѣло націи, чѣмъ правительства. Одинъ спекуляторъ, американецъ, вознамѣрился было его купить для того, чтобы сломать, перевезти матеріалъ чрезъ океанъ и воздвигнуть вновь, въ томъ-же самомъ видѣ, въ Америкѣ. Тамъ онъ хотѣлъ показывать его за деньги и надѣялся нажить милліоны. Но англичане, узнавъ объ этомъ, возстали противъ такого похищенія національнаго памятника; и правительство рѣшилось открыть народную подписку на приобрѣтеніе дома величайшаго изъ Британскихъ поэтовъ.

О сдачѣ Бу-Мазы, храбраго арабскаго вождя, который много насолил Французамъ въ Африкѣ, а теперь находится въ Парижѣ, рассказываютъ слѣдующія подробности. «Многія пошутки

Французовъ избавитъ отъ грознаго своего врага, оставались безуспѣшны, пока наконецъ генералъ Б., мѣсяца четыре назадъ, не узналъ одну андалузскую красавицу, говорящую очень бѣгло по-арабски, и отличающуюся необыкновеннымъ умомъ и силою характера. Эта донья Изабелла еще десятилѣтнимъ ребенкомъ попала какимъ-то страннымъ случаемъ въ Константинополь и воспитана французскимъ семействомъ, сжалившимся надъ сиротою. Генералъ Б. предложилъ воспитателямъ доньи Изабеллы послать ее отыскивать Бу-Мазу, и побудить его передаться французамъ; найти средства для исполненія этой трудной задачи, онъ предоставилъ ему молодой посланницы, а можетъ быть, и силѣ ея красоты. Съ такими инструкціями отправилась мужественная Ариадна въ лабиринтъ арабскихъ племенъ, болѣе или менѣе сомнительной преданности французамъ, среди которыхъ страствовала ея Тезей. Однажды встрѣтила она въ открытомъ полѣ молодаго Араба, въ которомъ, по описанію, узнала предметъ своихъ поисковъ. Она заговорила съ нимъ по-арабски, прося его показать ей дорогу въ ближайшій французскій лагерь. Бу-Маза отвѣчалъ, что скорѣе покажетъ ей дорогу въ адъ. Донья Изабелла просила его, не гнѣваться на нее, сказала, что она Христианка, но любить арабовъ не менѣе своихъ единовѣрцевъ, и наконецъ присоединила, повторяя свою просьбу, что она полагается на его великодушіе, и увѣрена, что онъ не станетъ наказывать слабую женщину за обиды, причиненныя французами ему и его братьямъ. Бу-Маза успокоилъ ее, обѣщалъ пещься о ней и стараться обратить ее къ истинной вѣрѣ, и наконецъ объявилъ рѣшительно, что не только не покажетъ ей дороги въ станъ невѣрныхъ, но напротивъ, употребитъ всѣ средства, чтобы не допустить ее возвратиться туда. После долгаго сопротивленія, бѣдная странница покорилась неизбежной судьбѣ; спаситель ея привелъ ее въ ставку одного арабскаго семейства; тутъ она провела двѣ недѣли; всѣ ея ласкали, угождали ей, но въ тоже время неотвязчиво убѣждали принять мусульманскую вѣру. По прошествіи двухъ недѣль, она внезапно скрылась, оставивъ у хозяевъ записку, въ которой не-кренно благодарила своего спасителя за его ласки и благодѣанія, и присоединяла, что она, можетъ-быть, со временемъ, изъ благодарности и любви къ нему, приняла бы его вѣру, но что она никакъ не можетъ жить среди арабовъ. По-этому она предпочла возвратиться къ своимъ соотечественникамъ, и отправляется въ ближайшій лагерь, гдѣ намѣрена просить начальника, отослать ее въ монастырь; ибо по обычаю ея родины, дѣвушка, которая не можетъ выдти за того, кого любитъ, должна посвятить всю свою

жизнь уединенію. Спустя нѣсколько дней, Бу - Маза передается французамъ, въ надеждѣ отыскать свою возлюбленную.

Забавный примѣръ находчивости—случился недавно на Лондонскомъ рейдѣ. Молодая крестьянская дѣвушка садилась съ своимъ женихомъ на корабль, стоявшій у пристани, и отправлявшійся съ толпою выселенцевъ въ Америку. У нея была довольно значительная сумма наличными деньгами; около 1400 руб. сер., которые она отдала на сохраненіе шкиперу. Едва они успѣли съѣсть на корабль, какъ женихъ сталъ просить у нея денегъ; она рѣшительно отказала, говоря, что ему не нужно денегъ. Женихъ безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, равнодушно простился съ нею, пожелалъ ей счастливаго пути, и воротился на-берегъ. Оставленная невѣста взошла немедленно на палубу, рассказала происшедшее собравшейся толпѣ, и — не бросилась въ воду — а объявила во всеуслышаніе, что если кто изъ присутствующихъ молодыхъ людей пожелаетъ заступить мѣсто невѣрнаго, она готова немедленно за него выдти. За охотникомъ дѣло не стало; молодой, красивый каменьщикъ, вызвался ѣхать съ нею, и получивъ ея согласіе, съѣлъ немедленно на корабль; а черезъ полчаса, корабль плылъ уже на всѣхъ парусахъ въ Америку.

Процессъ за портретъ лошади. Монтескю и Вольтеръ, въ недобрый часъ ввели во Францію англomanію; сначала французы влюбились въ англійскую конституцію, которая имъ не годилась, потомъ въ англійскую литературу, которой они не понимали, наконецъ, въ англійскія скачки и англійскихъ лошадей; каждый молодой человекъ, которому отецъ въ потъ лица накопилъ имѣніе, вышнимъ предѣломъ своего честолюбія полагаетъ честь быть хорошимъ наѣзникомъ, владѣтелемъ прекрасной скаковой лошади и членомъ Жокей-клуба. Одинъ такой англomanъ, г. Годо, заказалъ живописцу Ганжамбру портретъ своей лошади. Живописецъ написалъ портретъ, который пріятели г. Годо, такъ-же члены Жокей-клуба и любители лошадей, нашли непохожимъ. Годо потребовалъ, чтобы портретъ былъ исправленъ, что живописецъ и исполнилъ. Затѣмъ, онъ послалъ портретъ опять къ заказавшему, требуя условенной платы, 612 франковъ. Годо все еще былъ не-

доволенъ портретомъ, и отослалъ его назадъ къ живописцу съ деньгами; художникъ отвѣчалъ, что онъ желаетъ условленной платы, а не милостыни; и какъ Годо, несмотря на то, не присылалъ за портретомъ, то живописецъ подалъ на него жалобу въ судъ, который присудилъ Годо взять портретъ, и сверхъ того, заплатить живописцу штрафъ по 25 франковъ въ день за все время, впродолженіи котораго портретъ будетъ оставаться въ мастерской художника.

Молодой композиторъ Адрианъ Боэльде, сынъ знаменитаго автора «*Бильяны*, и *Жана Парижскаго*,» обязанъ своей оперѣ *Букетъ Инфанты*, недавно представленной на театрѣ Комической-оперы въ Парижѣ, невѣстою. Онъ уже давно любилъ дочь одного извѣстнаго музыканта, и просилъ ея руки; но отецъ его возлюбленной, отвѣчалъ ему: «Мой другъ, мало еще того, что вы наслѣдовали имя и имѣніе отца; вы должны доказать свѣту, что вы наслѣдовали и его талантъ; а до-тѣхъ-поръ вамъ не получить руки моей дочери.» Боэльде принялся за дѣло со всѣмъ рвеніемъ влюбленнаго, и написалъ оперу. Счастіе обыкновенно стоитъ за влюбленныхъ; опера, написанная подъ вдохновеніемъ любви, имѣла успѣхъ, и въ самый вечеръ перваго представленія, брюзгливый отецъ сталъ лучшимъ другомъ молодаго композитора, и отдалъ ему руку дочери. Такъ-какъ невѣста состояла при какомъ-то королевскомъ учебномъ заведеніи, то король и королева сами благословили молодыхъ.

Польза мумій. Одинъ французскій спекуляторъ сдѣлалъ странное предложеніе Мегемету-Али, и въ случаѣ согласія вице-короля, намѣренъ основать компанію на акціяхъ для приведенія своего плана въ исполненіе. Онъ вычислилъ, сколько еще остается полотна на египетскихъ муміяхъ, и полагаетъ количество его болѣе 4 миліоновъ центнеровъ. Это полотно очень тонко и предпочитается всякому другому для выдѣлыванія бумаги. Фабриканты платятъ за него, когда могутъ его достать, отъ 12 до 14 талеровъ за центнеръ. Спекуляторъ предлагаетъ вырыть всѣ муміи и снять съ нихъ полотно, въ которое онѣ завернуты. Если вычисленіе его вѣрно, то компанія можетъ получить огромный барышъ.

Страсть англичанъ къ этикету, какъ извѣстно, слѣдуетъ за ними, куда-бы они не переселялись, даже въ мѣста, гдѣ, по климату, онъ дѣлается невыносимою каторгою, напр. въ Ост-Индію. Въ Зимѣ, рассказываетъ одинъ путешественникъ, есть минеральные ключи, которые они рѣшительно обратили въ модныя воды, посѣщаемыя по большей части офицерами и незамужними дамами. Подъ-вечеръ, т. е. около 5 часовъ, весь модный свѣтъ высыпаетъ на широкую улицу, называемую *Корсо*; но кто не можетъ щегольнуть дивною лошадыю, самымъ тонкимъ бѣльемъ, изящнымъ фракомъ, или богатымъ мундиромъ, и ненадѣванными бѣлыми лайковыми перчатками, тотъ и не кажись; требуется самый изысканный туалетъ, чтобы имѣть право подышать свѣжимъ воздухомъ. Всѣ гуляющіе верхами; даже дамы несутся по улицѣ во весь опоръ на бѣшеныхъ арабскихъ скакунахъ, а за ними два—три офицера въ блестящихъ мундирахъ. Старухи являются на гулянье въ юпанкахъ. Это что-то въ родѣ кресель, повѣшенныхъ съ боковъ, на ремняхъ, на двѣ не слишкомъ длинныя жерди; нѣсколько носильщиковъ въ пестрыхъ ливреяхъ несутъ ихъ на плечахъ. При каждомъ юпанѣ двѣнадцать такихъ пестрыхъ носильщиковъ, довольно похожихъ на арлекиновъ; принявъ въ соображеніе, что носильщикъ не подниметъ руки, не двинется съ мѣста ни для какой другой работы, можно себя представить, сколько слугъ должно быть при каждой леди. — Обѣдаютъ здѣсь очень поздно, въ 8 или въ 9 часовъ; когда дается балъ, что случается довольно часто, въ часъ по-полуночи бываетъ ужинъ. — Корсо тянется на полторы нѣмецкія мили по одну сторону горы, и на столько же по другую сторону. Весь городъ собственно ничто иное, какъ длинный рядъ дачъ, отдѣленныхъ одна отъ другой огромными парками; когда кто хочетъ отдать визитъ сосѣду, нѣрѣдко предстоитъ ему цѣлый часъ пути; и несмотря на то, съ визитомъ нельзя явиться иначе, какъ въ бѣломъ галстухѣ и въ неукоризненныхъ лайковыхъ перчаткахъ.

Новое употребленіе сѣрнаго эира. Въ Лондонѣ недавно была судима нищая и мошенница, придумавшая возбуждать состраданіе прохожихъ искусственно произведенною болѣзненностію лица. При допросѣ оказалось, что она придавала себѣ больной видъ посредствомъ вдыханія сѣрнаго эира.

Оригинальный скряга. Недавно умеръ въ Парижѣ извѣстный чудакъ маркизъ д'Алигръ, составившій себѣ, своею скупостью и спекуляціями, огромное состояніе. Онъ считался самымъ богатымъ землевладѣльцемъ во-Франціи, послѣ другаго скряги, графа Руа, умершаго не-задолго передъ нимъ. Они щеголяли скряжничествомъ другъ передъ другомъ. Узнавъ о смерти Руа, д'Алигръ воскликнулъ въ отчаяніи: «теперь я побѣжденъ; что я ни дѣлай, а долженъ издерживать больше его, ибо ему уже ничего не нужно.» Алигръ былъ постояннымъ посѣтителемъ всѣхъ аукціоновъ, и скупалъ все, что нипопало, только бы по дешевой цѣнѣ. Предугадывая цвѣтущее состояніе Гавра, онъ скупилъ въ окрестностяхъ его всю землю, какую могъ, и продалъ съ огромнымъ барышомъ. Въ Парижѣ онъ обстроилъ цѣлыя кварталы, и всегда изъ стараго матеріала, который онъ свозилъ Богъ вѣсть откуда. Онъ скупалъ даже старую мебель, и, наконецъ, у него накопилось столько всякаго хлама, что онъ принужденъ былъ построить для складки его огромный домъ. Между прочимъ, много онъ накупилъ всякихъ вещей во время революціи, въ особенности — церковныхъ украшеній; у него была кафедра, съ которой читалъ свои проповѣди Боссюэтъ, замѣчательная и какъ произведеніе искусства; всѣ эти вещи вѣроятно будутъ частію возвращены церквамъ, частію разойдутся по равнымъ рукамъ. Изъ множества анекдотовъ о его скупости, мы приведемъ только одинъ. Разъ, онъ отдалъ слугѣ старую, истертую шляпу, которая и ему, скрягѣ, казалась уже слишкомъ изношенною. Слуга посоветился носить ее, и купилъ новую. Нѣсколько дней спустя, увидя у слуги такую хорошую шляпу, онъ очень удивился. «Я отдалъ обновить шляпу, которую вы изволили мнѣ подарить, сказалъ слуга, и заплатилъ за то одинъ франкъ.» Маркизъ надѣлъ шляпу и сказалъ: «она для тебя слишкомъ хороша; я ошибкою, отдалъ ее тебѣ; вотъ тебѣ твой франкъ.»—Завѣщаніе его образецъ оригинальности. Дочери своей, г-жѣ Помере, онъ оставилъ только долю, опредѣленную законами; остальное роздалъ постороннимъ; между прочимъ отказалъ 50,000 фр. пѣвицѣ Фальконъ, «за то, что имѣлъ одинъ разъ удовольствие слышать ее;» одной танцовщицѣ, г-жѣ Роберъ, отказалъ онъ 100,000 фр., «въ награду—за ея добродѣтель.» Значительныя суммы отказалъ онъ еще пяти, шести особамъ, очень двусмысленной добродѣтели. Свои замки, въ разныхъ частяхъ Франціи, завѣщалъ онъ сломать, и матеріалы роздать общинамъ, въ которыхъ они находятся.—Впрочемъ, отказы написаны такъ странно, и съ такими странными условіями, что изъ завѣщанія его вѣроятно родится цѣлый рой тяжобъ.

Памятникъ въ честь 1-го Малибранъ. Общество почитателей таланта покойной Маріи Малибранъ собирается на свой счетъ воздвигнуть въ честь ея памятникъ, въ большой редутой залѣ Миланскаго театра la Scala. Исполненіе поручено обществомъ талантливому скульптору Помпею Маркези; изваянная имъ статуя дѣлаетъ честь художнику превосходствомъ работы, разительнымъ сходствомъ лица, и новостью мысли.

Вашингтонскій Театръ, по описанію одного нѣмецкаго путешественника, есть самая жалкая карриатура театра. «Зданіе театра, говоритъ онъ, недавно сгорѣло, и до постройки новаго, образовали театръ изъ двухъ смежныхъ залъ, проломавъ между ними стѣну. Все въ этомъ театрѣ равно корриатурно. Оркестръ состоитъ изъ двухъ скрипокъ, контрбаса, флейты, кларнета, валторна, и одной (?) литавры. Я видѣлъ на немъ препошлый фарсъ, въ которомъ самыя тупыя шутки производили фуроръ. Вся пьеса въ томъ, что пѣніемъ добывается ужинъ. Мистрисъ Моссонъ, игравшая роль старой ключницы, между прочими остроумными шутками, садится на полъ передъ зрителями, беретъ въ руки кость, и оглодавъ ее, какъ собака, бросаетъ въ голову одному господину, сидящему противъ нея въ креслахъ! Эта удивительная выходка была награждена громкими рукоплесканіями, криками *ура!* и вызовомъ г-жи Моссонъ по окончаніи пьесы. Танцы миссъ Мальвины, наполнявшіе антракты, были жалки до-нельзя. Она дико и неловко скакала назадъ и впередъ по сценѣ, и чѣмъ страннѣе были ея движенія, тѣмъ неистовѣе былъ восторгъ публики; по всему видно, что она принадлежала нѣкогда къ канатнымъ плясуньямъ.—Театръ былъ биткомъ набитъ, и публика казалась чрезвычайно довольною.»

Честное имя всего дороже. Англійскій сержантъ Уайръ былъ казначеемъ своей артели, и по этому свободенъ отъ отправленія служебныхъ обязанностей. Передъ сраженіемъ при Ватерло онъ испросилъ позволеніе участвовать въ дѣ-

лѣ. Онъ скоро получилъ тяжелую рану и остался на полѣ битвы. Одинъ капралъ его полка, лишившійся ноги въ томъ же сраженіи, увѣряетъ, что когда стали собирать убитыхъ и раненыхъ, нашли и трупъ Уайра. Умирая, онъ написалъ себѣ пальцемъ и собственною кровью на лбу свое имя; товарищи объясняли это боязнью, чтобы, не узнавъ его трупа, не подумали, что онъ бѣжалъ съ артельною кассою.

—

Теноръ Гардони, составившій себѣ въ самое короткое время такую славу въ Парижѣ и въ Лондонѣ, женится на дочери Тамбурины.

—

Драматургъ и романистъ Шеридонъ Нолсъ получилъ отъ королевы Викторіи пенсію въ сто фунтовъ стерлинговъ.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ ИЗЪ ЖИЗНИ И ОБЩЕСТВА.

А Л Л Е Г Р И.

(Изъ дневника фешенбля.)

Это было недавно. Павловскій Воксаль снизу до-верху обитый цвѣтами, увѣшанный разноцвѣтными фонариками, красовался, какъ пестрая фигурка калейдоскопа, посреди темнаго лѣса. Воксаль и примыкающій къ нему садъ, были полны народу.

Въ исходѣ девятаго часа, прибылъ послѣдній поѣздъ изъ Петербурга. Гунгль взошелъ на эстраду, взмахнулъ магическимъ смычкомъ; раздался маршъ изъ Lombardi. Въ углу, возлѣ оркестра, у зеркала, остался незанятый стулъ: я завладѣлъ имъ и вооружился лорнетомъ. Но скоро темное облако масокъ скрыло мой горизонтъ. Предводителемъ общества, сколько я могъ замѣтить, былъ чело-

вѣкъ лѣтъ пятидесяти, очень почтенной наружности, и съ такою пріятностью въ лицѣ, что вы подумали бы, что онъ только-что понюхалъ духовъ. Онъ велъ подѣ руку хорошенькую брютетку. По чему — то неизъяснимо, но очень замѣтному, самый плохой наблюдатель сказалъ бы, что они — мужъ и жена. За ними слѣдовала другая пара, въ такомъ же родѣ, и еще человекъ, очень не завидной фizioноміи, вѣроятно, *домашній другъ*, то — есть, лицо, которое знаетъ всѣ игрушки въ булуарѣ вашей супруги, знаетъ, когда вы съ нею холодны, когда уѣзжаете со двора, и въ какую минуту возвращаетесь домой.

Разговоръ ихъ былъ очень одушевленный. Домашній другъ увѣрялъ, что Гунгль никогда ничего не писалъ, а только играетъ сочиненія своего брата, Берлинскаго капельмейстера, и стоитъ ниже Германна, какъ капельмейстеръ, и какъ композиторъ. Дама №1 (*изъ разговора я узналъ, что ее зовутъ Лизой,*) и такъ, мадамъ Lise держала сторону Гунгля, и этимъ до такой степени возбудила негодованіе оратора, что онъ своимъ доводомъ едва не заглушилъ allegro оркестра.

—Позвольте вамъ предложить нѣсколько билетовъ аллегри: они вынуты изъ колеса счастливою рукою. — Сказалъ кто-то.

Голосъ показался мнѣ знакомымъ. Это былъ Б***, одинъ изъ тѣхъ людей, съ которыми встрѣчаешься вездѣ, гдѣ является порядочное общество. Прекрасная наружность, благородныя манеры, простая, но артистически изящная одежда — все обнаруживало въ немъ человека, рожденнаго для успѣховъ въ свѣтѣ. По движенію, которое сдѣлала Lise, чтобы взять предлагаемые билеты, по улыбка, которою она наградила его за услужливость, можно было замѣтить, что дама понимала его достоинство.

Хорошенькою ручкою она сдернула металлическое колечко, надѣтое на билетъ, скатанный въ трубочку.

—Аллегри.

—Аллегри.

—Аллегри.

—Алл... Lise пристально посмотрѣла на билетъ; на щекахъ ея заигралъ живой румянецъ.

—Вѣрно, выигрышь? провозгласилъ ей супругъ.

—Нѣтъ; тоже аллегри... я не могла прочитать.

—Это печатается крупными буквами; должно быть, не чисто оттиснуто. Позволь взглянуть.

Лиза хотѣла подать ему билетъ, но онъ выскользнулъ изъ руки, и упалъ на полъ.

Между — тѣмъ, маршъ кончился; толпа заколебалась приливомъ и унесла моихъ сосѣдей.

Гунгль обѣщала сыграть «*Льснаго Царя*» Шуберта, котораго я еще не слыжалъ въ оркестрѣ, и потому я остался на прежнемъ мѣстѣ. Послѣ маленькаго антракта, вмѣсто дикихъ триолей, виолончель пропѣлъ гамму *mi — mineur*; началась увертюра изъ *Вильгельма — Телля*. Я расположился слушать, но... Подлѣ меня усѣлись два франта: — безукоризненно — бѣлыя перчатки, стоячіе воротнички, брюки *extremement matelot*, и вся фигура этихъ господъ показывала, что они претендуютъ на дипломъ львовъ свѣтскаго звѣрища.

— Однакожъ, монъ — шеръ, говорилъ младшій, вѣдь надобно же исполнить ея желаніе. Что тебѣ стоитъ взять для нея нѣсколько билетовъ аллегри?

— Нѣсколько билетовъ! я уже взялъ шестьдесятъ, и она выиграла какую-то бездѣлицу; но чтобы выиграть *дежѣне*, котораго ей такъ хочется, нѣтъ другаго средства, какъ скупить всѣ двѣнадцать тысячъ билетовъ.

— И послѣ шестидесяти билетовъ, она тебя называетъ чудовищемъ, запретила тебѣ показываться на глаза; у нея до ссоры не долго. А все-таки, какъ хочешь, жаль потерять ея знакомство: у ней такая интересная подруга... *Tiens, une idée!*.. Посмотри, сколько на полу билетовъ и колець; свернемъ штукъ десятокъ, надѣнемъ кольца — и отдадимъ ей. Жестокая — смягчится.

— Идея не дурна; мудроно только ей будетъ выиграть *дежѣне*.

И франты со смѣхомъ стали крутить билеты.

— *Eh bien, Г****, каково идутъ дѣла?

— Какія, маска? спросилъ я въ свою очередь.

— Если у тебя есть лишнихъ полчаса, то дай руку: мнѣ хочется допросить тебя.

Встать, согнуть руку подъ острымъ угломъ, и повиноваться судьбѣ... что же оставалось мнѣ болѣе?

Въ заглѣ сдѣлалось жарко. Я вышелъ въ садъ. Одна изъ экстренныхъ скамѣекъ, поставленныхъ въ этотъ день у пруда, приманила меня своимъ уединеніемъ. Фасадъ воксала съ балконами и галереями рисовался прелестною арабескою изъ розовыхъ, желтыхъ, зеленыхъ, голубыхъ фонариковъ; берегъ пруда былъ окаймленъ шкаликами; до меня долетали смѣхъ, говоръ и музыка; въ аллеяхъ двигались маски. Къ довершенію очарованія, хоръ полковыхъ музыкантовъ заигралъ маршъ изъ *Лукреціи — Борджія*. Предомною развернулась эта драма Виктора Гюго, которую въ такихъ восхитительныхъ звукахъ представилъ бѣдный Доницетти. Мнѣ

представились каналы, усѣянные гондолами. Дженаро боролся между любовью къ женщинѣ, принимавшей участіе въ его судьбѣ, какимъ-то неяснымъ влеченіемъ къ своей матери, и жестокими обвиненіями Орсини и его товарищей.

Двѣ маски помѣстились на скамейкѣ, возлѣ куста сиреней, у котораго я такъ некстати мечталъ о лагунахъ, баркаролахъ, гондолахъ, миліонъ разъ воспѣтыхъ нашими поэтическими кукушками.

— И ты увѣрена, что это отъ него?

— Совершенно! Я очень хорошо знаю его почеркъ.

— Но какими судьбами эта записка могла попасть въ руки твоему сумасшедшему Полю?

— Поль скупъ, и Б*** воспользовался этимъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, интересно: Поль самъ передаетъ мнѣ, вмѣсто билета, записку, въ которой назначено rendez-vous. «У меня недостаетъ силъ — страдать и терпѣть... Въ одиннадцать часовъ жду васъ у пруда... Если боитесь, что васъ узнаютъ, надѣньте домино... Я узнаю васъ по бѣлой георгиинѣ.»

— Кто-то идетъ... Держи видишь свою георгиину.

Одна изъ масокъ исчезла.

Изъ-за кустовъ дѣйствительно вышелъ Б***.

Онъ окинулъ взоромъ площадку и, увидѣвъ бѣлую георгиину, быстро подошелъ и сѣлъ подлѣ маски на скамейку....

Они говорили почти шепотомъ, но какъ глазъ привыкаетъ къ темнотѣ, такъ и ухо можетъ различать самыя тихіе звуки. Я слушалъ. Б*** краснорѣчиво говорилъ о своей страсти, о надеждѣ на взаимную любовь.

Черное домино выглянуло сквозь вѣтви сирени, и скрылось.

— Неужели вы могли сомнѣваться? спросила бѣлая георгиинка.

— Но ваша холодность...

— Могла ли я обнаруживать свои чувства, мосье Б***? Вы знаете мои отношенія и, кажется, могли догадаться.

— Правда, я замѣчаю ваше неровное обхожденіе: то благосклонность, то убійственная холодность; сводить меня съ ума; притомъ мы почти не имѣемъ случая говорить безъ свидѣтелей; и я воспользовался нынѣшнимъ вечеромъ, чтобы услышать отъ васъ послѣдній приговоръ.

— Повторяю вамъ: до-сихъ-поръ я скрывала свои чувства, потому-что не была увѣрена въ вашей любви; но теперь совершенно вѣрю, и готова...

Влюбленный Б*** не далъ докончить фразу: рука его обвилась около талии милой дамы; губы его впились въ ея руку, еще се-

кунда — и маска упала бы... Но кусть раздвинулся и изъ него показалась фигура почтеннаго человѣка, и безъ того не привлекательная, но въ эту минуту совершенно искаженная.

— Соглашусь ли я на такую жертву! кричалъ онъ, задыхаясь отъ бѣшенства... Женщина, которую я извлекъ изъ ничтожества, изъ мрака, и которой далъ положеніе въ свѣтѣ, эта самая женщина...

— Вы ошибаетесь, Андрей Михайловичъ: маска васъ не знаетъ.

— Не знаетъ, моя жена меня не знаетъ?... Не увеличивайте вашего преступленія низкою ложью!... Василий Петровичъ стоялъ сзади моей жены, когда она читала вашу записку въ билетѣ аллегри... Прошу не оправдываться: вотъ и улыка.

Съ этими словами, Андрей Михайловичъ вытащилъ изъ исторической сирени домашняго друга, замѣтно недовольнаго, что его вывели на сцену.

— Жертвовать всѣмъ! продолжалъ мужъ голосомъ театральнаго героя: да, я пожертвую всѣмъ, откажусь отъ свѣта, и сдѣлаю тюрьму изъ своего дома!...

— Андрей Михайловичъ, я готовъ, какъ благородный человѣкъ, дать вамъ удовлетвореніе, но пощадите свою жену....

— Наконецъ, мы нашли васъ; гдѣ это вы пропадали?

Враги обернулись. Къ нимъ приближалась остальная часть компании, и впереди шла мадамъ Lise.

Всѣ глаза обратились на маску. Она вскрикнула и упорхнула. На мѣстѣ остались: батистовый платокъ съ вышитымъ именемъ «Берта» и билетъ аллегри.

Физиономія Б*** была такая смѣшная, такая жалкая въ эту минуту, что если мадамъ Lise и дѣйствительно имѣла къ нему какое-нибудь сочувствіе,—любовь ея не могла устоять противъ этой олицетворенной глупости. Женщина проститъ своему любовнику все, если только онъ не будетъ смѣшонъ въ ея глазахъ.

Но физиономія мужа была еще смѣшнѣе...

А. Ч.

7969 7019

ПРОГРАММА.

I. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА :

1. Пьесы, *игранныя на сценѣ*, трагедіи, драмы, комедіи, водевилы.
2. Пьесы драматическія, не игранныя, по почему-либо особенно замѣчательныя.

II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА.

1. Біографіи артистовъ, драматическихъ писателей, композиторовъ, музыкантовъ, великихъ художниковъ и вообще людей, замѣчательныхъ въ области искусства, или имѣющихъ отношеніе къ театру.
2. Записки и мемуары, касающіеся до театра.
3. Драматическая бібліографія.

III. ПОВѢСТИ и РОМАНЫ, русскіе и переводные.

IV. ЮМОРИСТИКА, могущая служить матеріаломъ для драматическихъ теорій.

V. СМѢСЬ:

1. Анекдоты, острые слова и мелочи.
2. Театральные слухи и извѣстія.
3. Водевильные куплеты.

VI. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. С. Петербургскіе театры: *русскій, оперный, французскій, нѣмецкій.*
2. Московскіе театры.
3. Провинціальныя театры.
4. Концерты и свѣдѣнія обо всемъ замѣчательномъ въ области искусствъ.

VII. ПРИЛОЖЕНИЯ:

1. Музыка водевильныхъ куплетовъ.
2. Портреты артистовъ.

«Репертуаръ и Пантеонъ театровъ» выходитъ *аккуратно*

15-го числа *каждаго* мѣсяца.

Цѣна за годовое изданіе «Репертуара и Пантеона», съ прило-
женіями, состоящее изъ 12 книжекъ, — 10 руб. сер.
Съ пересылкою въ города или на домъ, 11 руб. 50 коп. сер.

—
Подписка принимается:

Въ С. Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ М. Д. Ольхи-
на, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Аничкова дворца, въ
домѣ Завѣтнаго.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ М. Д. Ольхина, на
Тверской, въ домѣ Мятлева.

Въ Газетныхъ Экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Москов-
скаго Почтамта.

—
Простятъ покорно всѣхъ, имѣющихъ дѣло до «Репертуара
и Пантеона» обращаться къ Редактору, Федору Алексѣевичу
Кони, въ Вознесенскомъ переулкѣ, въ домѣ Штакельберга.